

ББК 63.3(2К)873

АЗУ

Артыкбаев Ж.О.

Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). - СПб.: Мажор, 2005.-320 с.

В монографии автор дал развернутую картину истории Великой степи с древнейших времен до начала XV века. Основная задача автора - показать структурообразующую роль кочевых обществ Центральной Азии в евразийском пространстве на протяжении многих веков и тысячелетий. Одновременно в книге даны основные параметры этносоциальной структуры кочевого мира. Мощная система социальных, политических, хозяйственно-культурных

ценностей определяет доминирующую роль кочевников на просторах Старого Света.

ISBN 5-98221-002-1

Артыкбаев Ж.О., 2005 «Астана-Север», оформление, 2005 ООО «Мажор», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

В силу различных обстоятельств мне всегда приходилось заниматься изучением проблем этносоциальной структуры кочевников. Вначале это было казахское общество в XIX веке, затем казахское общество в XVIII веке и т. д.

В 1997 году, во время защиты моей докторской диссертации по этносоциальной структуре казахского общества XVIII века, моими коллегами были высказаны пожелания о необходимости широкой апробации теории и методов этносоциологических исследований в изучении истории казахского общества. Такая задача представлялась мне легко выполнимой.

По мере углубления в тему и накопления материалов стали возникать проблемы. Во-первых, из-за отсутствия каких-либо серьезных гипотез и исследований по этносоциальным институтам казахского общества. Во-вторых, из-за недостаточной разработанности одного из базовых источников по данной теме - устной традиции казахов.

Попытки изучения казахского общества в вышеуказанных хронологических границах с опорой на национальные источники приводят к осознанию необходимости проработок вопросов, связанных с периодизацией. Имеющиеся периодизации истории Великого степного пояса не укладываются в схемы мировой истории. Важность периодизации заключается в том, что она, несмотря на кажущуюся условность, в исторической науке выполняет интеллектуальную, гносеологическую функцию. Хорошо разработанная периодизация - это, прежде всего, логика исторического процесса, его зримый ход, можно сказать - формула.

Еще одна не менее важная проблема Отечественной исторической науки заключалась в том, что история Казахстана рассматривалась в отрыве от остального мира и, прежде всего, от истории Центральной Азии. Теория и практика российской историографии и небоскреб европейской исторической науки стоят над самосознанием историков национальных окраин, и эта зависимость выражается, прежде всего, в так называемом европоцентризме, или даже в оседлоцентризме. Естественным желанием постколониального сознания казахского народа освободиться от этой зависимости пользуются многочисленные дилетанты, превратившие это дело в выгодное ремесло. Определенная абсурдизация исторического материала уже присутствует в нашем современном обществе. В целом, этот абсурд представляется мне необходимым звеном развития науки.

История степного мира связана как с Востоком, так и с Западом, но во всемирную историю мы входим со своим багажом культурно-исторических ценностей. Прошлое и настоящее Великого степного пояса до сих пор самобытно и непонятно. Феномен кочевого мира заключается не только в уникальном характере его природной среды обитания и способов жизнеобеспечения. Главной структурной составляющей любого общества служит его этносоциальная организация, а движущая сила и энергия этноса зиждется на человеческом материале. Пока никто, к сожалению, не смог дать картину внутренних законов жизнедеятельности степных народов, не проведен анализ системы, которая многие тысячелетия служила главным субъектом и стержне-образующим фактором истории. В свою очередь мы глубоко убеждены в том, что внутреннее состояние этноса, его дух можно понять только по национальным источникам. В существующих историографических традициях живая структура степного сообщества заслоняется статичным образом «варвара», за которым отрицается самостоятельная роль во всемирно-историческом процессе.

Степное знание, привлеченное для осмысления этносоциальной организации казахов в вышенамеченных хронологических рамках, в корне изменило наши представления о начале казахского общества. В ходе дальнейших поисков я решил не останавливаться на XV веке и идти дальше. Все этносоциальные институты Казахского ханства и вообще кочевников евразийских степей Нового времени берут свое начало с легендарного периода. Как это ни странно, не Жанибек и Керей, а легендарные Алаши-хан, Уыз-хан (Огуз-хан), Джучи-хан, Аз Жанибек-хан считаются первыми казахскими правителями. Меня не перестает удивлять необыкновенная живучесть мифических и исторических образов в казахском степном знании. Ведь время Алаша-хана, даже по самым поверхностным нашим представлениям - седая древность, энеолит, или же поздний неолит. Эта ситуация заставила меня выйти за рамки первоначального хронологического ориентира и искать корневую систему общественных ценностей казахов в дебрях тысячелетий. Мое исследование не ограничивается родовой, т.е. степной территорией Казахстана, а выходит далеко за ее пределы. Часто я вынужден идти на этот шаг, следуя по пятам степных пассионарных групп, вторгающихся в лоно матриархальных, инертных и замкнутых цивилизаций Востока и Запада. В этом плане данная книга как бы открывает окно в мир кочевников Евразии, выявляет некоторые закономерности истории кочевых обществ Евразии, отмечает наиболее важные этносоциальные институты и формы этносоциальных связей.

ВВЕДЕНИЕ

В ранних описаниях истории времен Великого потопа кочевые народы-скотоводы выступали в образе положительного «добрého пастыря» человечества. «Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель принес также от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его. А на Каина и на дар его не призрел», - повествует Библия. Это был первый результат победы пастуха над дикой природой, победа, потребовавшая от него громадного усилия над собой, многолетней работы. И она была достойно отмечена и признана Господом, но одновременно омрачена завистью со стороны Каина, его единоутробного брата. Поистине каиновская ненависть многих современных историков определяет их отношение к феномену кочевничества. «Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивилизаций... несмотря на нерегулярные набеги, на оседлые цивилизации, временно включавшие в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории», - писал А. Тойнби /232. - С. 186/. Цивилизационная оценка А. Тойнби, оттеснившая кочевые народы к периферии мировой истории, поддерживается многими западными историками. «Надлежит еще заметить, что «варвары», которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам лежащим в центре Старого Света пустынь и степей. И только Старый Свет знал эту исключительную категорию «в составе человечества», - делает вывод Ф. Бродель. Включая степные народы в «состав человечества», он в то же время отнимает у них всякое право оставаться полноправным действующим субъектом всемирной истории. Говоря о великих завоеваниях кочевников, Ф. Бродель отводит им роль паразитов: «В целом же речь идет об исключительном случае - случае паразитизма... случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс» /56. - Т. 1. - С. 112/.

Таким образом, понятие «кочевничество», в широком смысле слова, в историографических традициях претерпевает удивительный катаклизм, и носители этого образа жизни превратились из добрых пастырей в страшных паразитов

человечества. Таковы превратности судьбы.

Кочевое общество Евразии нами изучено как в исторической динамике, так и в своих этносоциальных параметрах. Этот принципиально новый подход, апробированный в наших предыдущих исследованиях, позволяет рассматривать исторический процесс как сложную конструкцию во взаимосвязи и взаимодействии природы и человеческого сообщества. История этносоциальной организации не поддается визуальному анализу, поскольку она представляет общность, связанную узами генеалогических, экономических, территориальных, а также потестарно-политических отношений. Изучение этносоциальной организации кочевников Евразии в вышеперечисленных структурно-функциональных параметрах позволяет объективно описать историю и определить место этого образования во Всемирной истории.

Предшествующая историография истории Великой степи была преимущественно описательной, эмпирической и даже в теоретических подходах догматичной, в результате, сложные вопросы, связанные с необходимостью изучения внутренних законов функционирования общества, остались закрытыми.

Классическое отношение к истории со времен Рашид ад-Дина фактически не претерпело существенных изменений: «История состоит из записи и расположения в определенном порядке каждого необыкновенного положения и удивительного происшествия, которые редко случаются; /затем все/ это заносят в тексты тетрадей и на внутренние листы /книги/. Мудрецы

8

называют источник такого происшествия /и самое описание его/ историей данного обстоятельства; посредством этого они стремятся познать количество и меру времени. Соответственно с этим исторически определяется возникновение каждой нации и каждого государства. /211. - Т. 1. - Кн. 1. - С.65/.

Для анализа этносоциальной организации, исследователь должен обратиться к более изысканным и сложным методам, системному подходу, позволяющим адекватно воссоздать прошлое. Системный подход, исходящий из апробированных структурно-функционалистических методов, выработанных на почве этнологических школ, позволяет строить мыслительные конструкции, позволяющие в той или иной степени моделировать традиционное общество. Он предполагает воспроизводство и построение модели традиционного общества кочевников путем скрупулезного изучения исторических материалов. В данном случае не готовые структуры накладываются на общество, а конкретные события и явления, изученные в плане воспроизводства основных связей /трансляции/, позволяют воссоздать модель общества.

Кочевое общество держится на разнообразных видах связи, которые выражаются как во взаимоотношениях и поведении людей, так и в серии невидимых узлов интеграционного характера. Это некое единство, организм, состоящий из различных артерий и коммуникативных узлов. На наш взгляд, наиболее существенные из этих форм связей, если их рассматривать в широком смысле: этнические, стержнем которых служат родовые и субэтнические отношения, хозяйственные, нередко понимаемые в нашей историографии как общинные, социальные, а также политические, административные, культурные. И именно рассмотрение этих связей входит в задачи нашего исследования.

В этой организации, субъектом взаимодействия является больше всего социальная группа, страты /род, племя, субэтническая группа/ и т.д., несущие в себе определенные функциональные нагрузки. Результатом взаимодействия

подобных групп является общество и его ценностные параметры.

Над действиями социальных групп обычно стоят и руководят ими определенные идеи или же ценностные представления. Последние, в конечном счете, составляют основной стержень духовного единения общества. Отсутствие объединяющих идей или каких-либо шкал ценностных представлений говорит скорее об отсутствии общества, или же об его глубоком кризисе. В этом плане нами предпринята попытка анализа мощной базы единения казахских племен. Здесь своеобразным символом, а также мощным началом единения служат легенды, связанные с именем Алаша-хана. Внутренний порядок и сосуществование в среде Великой степи многочисленных племен связаны их верой в свое происхождение от легендарного Алаша. В данном случае эти легенды одновременно служат и национальной идеей. Жизнелюбие казахского этноса, стабильность государственного строя, сохранившиеся и выдержавшие испытания на протяжении нескольких столетий - заслуга этой идеи.

Изучение кочевого общества через анализ различных форм социальных коммуникаций и связей представляет самые серьезные трудности. Вместе с тем, отношение к обществу, как к целому и живому организму, облегчает исследовательскую задачу, поскольку отношение к функционально организованному предмету определяет ход исследовательской работы.

Кроме основной национальной идеи ценностной ориентацией казахскому обществу служит целый ряд культурных традиций. Казахское общество вобрало в себя много важного из наследия Золотой Орды, а также из многотысячелетнего наследия степных народов Евразии. Вместе с тем, оно уже с первых дней независимости начало выработать свои эталоны ценностей. Это случилось в первую очередь потому, что реальность Евразийского мира была уже не в их пользу. Огромная империя тюрко-монголов распалась, и перспектив ее возрождения оставалось все меньше и меньше, т.к. все более усилива-

10

лась западная цивилизация. Поэтому Казахское ханство, созданное в середине XV в., изначально было национальным и, в некоторой степени, унитарным политическим организмом.

Структура этносоциальной организации, как стержня общественной системы казахов, складывается из взаимодействия различных социальных групп /родов, племен и т.д./. Именно участие в общественной жизни обеспечивает ролевые статусы каждой конкретной социальной группы. Во взаимодействии социальных групп определяются также социальные нормы поведения. Эпоха образования государства у казахов является периодом, когда традиционные нормы кочевого общества, общепринятые ценности, преломляясь через действующие реалии, прошли процесс институционализации, т.е. закрепились как обязательные для существования общества.

По всей вероятности, первоначально сформировалась внутренняя иерархическая структура племен, вошедших в казахский союз. Основное ядро племен объединилось в государство под флангом верности традициям Алаша-хана, эпоха которого соответствует культуре самого раннего этапа Великого степного пояса.

В самом названии этого этнообразующего ядра звучит древность. Алаша-хан - олицетворение начала государства, начало тюрко-монгольского мира, начало величия степного мира Евразии.

А.П. Чулошников в своей книге по истории Казахстана, посвятивший специальный раздел историческим преданиям об Алаша, пишет: «Остается рассмотреть теперь последнюю и особенно интересную группу исторических легенд, ценных для нас потому, что в них нашла свое выражение действительно древнейшая народная

традиция о своем прошлом. Большинство из них, как мы выше указали, связано с мифической личностью Алача»/254. - С.259/.

Присутствие в устной традиции кочевников Евразии символов, связанных с именем Алаша, - одна из причин, заставившая нас обратиться в седую древность. В ней выделены нами

11

несколько условных этапов, совпадающих по своим параметрам как с изменениями природно-климатических условий географической среды, так и с внешними влияниями. Раннюю историю степных народов отличает активное участие в этно-политической, а затем и этнокультурной жизни Евразийского континента и, в особенности, Востока. Периодически степные племена /или элитные группы/ глубоко вторгаются в оседло-земледельческие регионы Старого Света, достигая северных окраин Африки, Индокитайского полуострова и Атлантического океана. Мощное структурообразующее влияние они оказывают на более внутренние оазисы. Под перманентным воздействием степных народов находились Месопотамия, Восточная и Южная Европа, Северная Индия, Северный Китай. Одними из баз концентрации сил являются территории Средней Азии /Туран/, Северного Причерноморья, Семиречье и Восточный Туркестан. Трудно точно определить начало господства степных народов в Евразийском мире. Материалы позволяют говорить о постоянном пастырстве степняков в последние пять тысячелетий. Это господство на континенте продолжается до эпохи Великих географических открытий и знаменует свой конец распадом Золотой Орды.

Пастырство иногда понимают у нас однобоко, в смысле военного превосходства кочевников над оседлыми народами. Оно же предполагает разовость и непродолжительность, то есть кратковременность актов. В самом деле, господство и доминирование предполагают в широком смысле верховенство кочевников во многих аспектах и, в особенности, в политическом и духовном. В то же время, по отношению к населению оседлых цивилизаций их завоеватели были мизерны в численном отношении.

Время образования Казахского государства совпало с началом кризиса Великого степного пояса. В этот период заметно сужается обширное пространство, на котором кочевники могли до этого беспрепятственно обитать, ограничивается сфера влияния этой доминантной силы. Основное противодействие

12

оказывается с Запада, который в неумолимом движении на Восток берет на себя функции, тысячелетиями находившиеся у властителей степного мира. С XV в. кардинальным образом меняется соотношение сил в Евразийском континенте и, следовательно, отношения между Востоком и Западом.

Но интересная деталь - нет прежней вольности и бесконечности пространства, чувства господства над временем и власти, признаваемой в мире. Время неумолимо диктует свое, но, наперекор этому, из глубин Великой степной зоны вновь и вновь ощущаются толчки, постепенно ослабевающие и исчерпавшие себя к концу XVIII в. В XIX в. происходит кардинальная катастрофа - переход к новой системе ценностей и полное признание того, что уже диктуется противоположной стороной. Но, тем не менее, вплоть до начала XX в. в степи присутствует обессиленный, но бунтарский дух, выразившийся в повстанческом движении 1916 г., в политическом движении «Алаш» 1917-1920 гг., в многочисленных восстаниях кочевых групп казахов против различных силовых и репрессивных мероприятий Советского государства 30-х гг.

Мы исходим из того, что исторический процесс невозможно объяснить на фактологических материалах, на цифрах, поскольку движущей силой истории является

дух, выражающийся в различных идеях. Носителями этих идей и духа выступают вполне определенные этносы, этнокультурные образования и т.д.

Обращение к этносоциальной структуре не избавляет историка от всех трудностей, она не панацея от всех проблем. Эта структура не указывает конкретно на причины и формы движения истории, но в то же время позволяет максимально близко рассмотреть ход истории, основные контуры исторического процесса и, главное, почувствовать дух исторического времени. Она показывает действующий субъект того процесса более отчетливо, чем все остальные пути познания истории. Такова сегодняшняя реальность в развитии научной мысли.

13

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Проблемы историографии и методологии

Большинство людей привыкли воспринимать историю как поток различных изменений, событий и явлений. И в самом деле, человеческая деятельность создает определенные серии фактов, весь материальный мир в движении. Фактов очень много, человеческая деятельность многогранна и разнообразна, а исследовательская "возможность историка ограничена, и не в состоянии охватить весь арсенал эмпирического материала.

С другой стороны, потенциальные возможности исторических знаний ограничены по очевидной причине: ни один из профессионалов-историков, исключая, конечно, «дилетантов», не в состоянии знать во всех подробностях не то что мировую историю, но даже историю одного небольшого государства. В зависимости от фактологического материала у каждого ученого складывается свое видение, своя картина истории.

Более того, в зависимости от наличия фактологических материалов, исторической, общественной ситуации, представление и оценка истории у каждого профессионала меняются. Те «образы» истории, которые сформировались сегодня и на какой-то миг создают иллюзию завершеного и окончательного, завтра могут потерять всю логику и цельную конструкцию.

Смысл истории состоит в том, насколько человек вбирает из нее познавательный материал и ценностную ориентацию. При этом не исключено, что знание конкретных фактов имеет в некоторых случаях более объективный характер, нежели знание целого. В этом заключается роль истории как объективного духовного начала. В конечном счете, объективность истори-

14

ческого труда заключается в ее соответствии к реалиям прошлого. А когда это почти невозможно, то осознание духа истории является главным ориентиром.

Вместе с тем, второе не отрицает первое. Видение истории не обеспечивается анализом духовного состояния прошлого /духовных помыслов общества или же отдельного индивида/. Цель исторического исследования заключается не только в описании психологии общества/социальная психология/. Историк должен стремиться к воссозданию подлинной картины истории со всем присущим ей разнообразием красок, восстановлением фактов с точным описанием событий и т.д. Знание духа облагораживает материал, придает ему целостность, позволяет увязать отдельное событие с общечеловеческой историей, и, что немаловажно, оживляет прошлое. Исследовательская практика, когда она не связана с простым эмпирическим описанием, направлена на разработку форм истории, в которых протекает исторический процесс. Это достигается путем упорядочения и систематизации фактов, знанием этносоциальной организации. Определяющую роль при этом играет подготовка исследователя, его объективность и умение критически рассмотреть

собранный им фактический материал. Историк общества должен быть нацелен на анализ субъектов исторического прошлого, т.е. его интересуют функции различных социальных институций, политических учреждений, экономических составляющих, а также деяния отдельных личностей. Без четкого определения функций субъектов исторического процесса невозможно воссоздать историю. В функциях заключается действующий механизм истории.

Следующий этап в исследовательской работе предполагает поиск связей и реконструкцию их. Во-первых, связь между событиями, во-вторых, связь между субъектами исторического процесса, в-третьих, связь между носителями отдельных функций, связь между различными формами движения истории. В данном случае определяется причинная зависимость между событиями и зависимость второстепенных от кардиналь-

15

ных форм движения истории. Суть заключается в том, что посредством многочисленных узлов связей держится единство общества, государства, этноса и человечества.

Этносоциальная организация любого человеческого образования - это, прежде всего, переплетение множества форм коммуникаций. Все аспекты социальной жизни образуют сложный комплекс связей, обеспечивающие нормальное функционирование общества. Выявляя различные формы движения истории и проводя реконструкцию связей между ними, мы осознаём прошлое как совокупное движение материального и духовного начал. Только так можно понять историческое прошлое. И ни один из аспектов этого прошлого, будь это экономический, политический или религиозно-духовный, сам по себе не существует. Только в совокупности с другими аспектами удаётся проанализировать прошлое любого из явлений.

В политической истории формы несколько заранее predeterminedены, поскольку исследователь имеет дело с различными государственными учреждениями, правящими династиями и политическими событиями. В сущности, историческая наука в своем развитии всегда больше увлекалась политической историей. Как говорил К.Поппер: «они *Люди-Ж.А. I* говорят об истории человечества, однако на самом деле то, что они в основном имеют в виду и изучают в школе, представляет собой историю политической власти» /199. - Т.2. - С.311/. К сожалению, такая тенденция является господствующей и по сей день. Повествовательный характер истории, в чем сегодня обвиняется историческая наука, ориентирована на изучение морфологии общества /благодаря доступности политической истории/.

В то же время в оценке политической истории Великого степного пояса Евразии мы сталкиваемся с массой проблем. В первую очередь, они возникают по причине отсутствия самой главной формулы - дефиниции кочевого политического образования. Прежде всего, вопрос касается содержания этого понятия, формы и стадийной принадлежности. Реальное состояние кочевого общества, как политико-правовой системы в

16

виде различных государственных образований и империй, рассеяно в многочисленных определениях, часто абсолютно противоречащих друг другу. Научная литература изобилует различными вывесками политико-правовой системы степных народов, твердящих о патриархально-родовом, раннефеодальном, предклассовом или же классовом феодальном характере государства. В последнее время перед этим интересным зданием появились и вовсе премудрые названия типа «параполитарно-доминомагнатного». Это является следствием сведения всего разнообразия реальной истории человечества к европоцентрической схеме, в соответствии с ее формационной характеристикой, с теорией

классовой борьбы. Это - результат идеологии, сводящей начало государственности к прибавочному продукту и антагонизму классов. В этой связи пора признать, что «единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество истории»/199.-Т.2.-С.312/ Изучение этносоциальной структуры позволяет понять специфику исторического движения отдельных политических образований, достойно оценить их прошлое и притом не замыкаться в эмпирике, нагромождение которой заслоняет реальную картину истории. В экономической истории близость к жизни гораздо ощутимее, чем в политической. Продуктом научного анализа становятся в первую очередь скотоводство, земледелие, ремесло и т.д., напрямую связанные с социальными устоями жизни. Подлинные проблемы экономической истории предполагают выработку и поиск формы и структуры движения истории человечества. Хозяйственно-культурные процессы, представляя по сути явления социального характера, позволяют четко улавливать малейшие изменения в системе. Вместе с тем в научном инструментарии нашей историографии сформировались некоторые абстрактные понятия, накладывающие в любую хозяйственно-культурную общность, независимо от принадлежности, стадиональности этой системы. К такому роду высшей абстракции относится, например, понятие общины.

17

Первоначально, община рассматривалась только в качестве поземельной организации. Самый наглядный пример представляет нам А.А.Кауфман в предисловии своего известного ко-чевниковедам труда «К вопросу о происхождении русской земельной общины»: «И вот на помощь нам, при установлении генезиса русской земельной общины и русского общинного права, является «метод переживаний», является «живая история общины», изучение типов и эволюции землевладения и землепользования, как эти типы могут быть наблюдаемы в настоящее время, как эта эволюция происходит в наших глазах» /126. -С.5/. Эта выдержка из книги А.А.Кауфмана недвусмысленно говорит об одном: община рассматривалась в связи с хозяйственной организацией, т.е. в экономическом плане, и здесь ни одним словом не говорится об общине, как о целостном социальном организме. Это был нормальный подход в решении проблем изучения традиционного общества. Общинная тема стала ортодоксальной только в связи с усилением роли марксизма в России, когда хоздетерминистический подход к истории стал доминирующим. В связи с этим постепенно из поля зрения исследователей исчезли человеческие внеэкономические отношения внутри этносоциальной организации. Понятие «общины» в широкий научный оборот ввели исследователи-экономисты в начале XX в. в связи с изучением особенности землепользования казахов. В тот период исследователи неизменно подчеркивали ту прямую связь, которая имела место между хозяйственной деятельностью и родом. «Эти небольшие группы лиц, - пишет Л.К.Чермак, имея в виду родовое подразделение казахов, - имеющие в своем пользовании известную территорию пастбищ и других угодий, обособленную от соседних пространств естественными различными признаками, а иногда и искусственными сооружениями в виде ям, кучей дерна, пирамидок из камней, связаны между собой принадлежностью к одному родоначальнику и образуют земельно-родовую группу» /252. - С.232/. Так, земельно-родовая община по единодушному мнению исследователей /Л.Чермак, А.Букейханов, Ф.Щербина и др./

18

считалась верховным хозяином земли, в отдельных случаях она санкционировала переход хозяйств от раздельного пользования пастбищами к совместному, и полному уничтожению границ между отдельными хозяйствами. То, что эта община была построена на родовых принципах, доказывает и то, что даже зятя, принятые в отдельные дома, при дележе /например, покосов/ не принимались в расчет. Но в начале XX в. родовые отношения и родовой быт изучались сами по себе, т.е. вне общины, что и было, на наш взгляд, правильным подходом.

В 50-60-гг. XX в. в исследовательской практике община стала применяться очень широко,

подчас заглушая и заменяя понятия «родового начала» и т.д. Но в целом ее определения оставались те же. «Эти группы хозяйства, - пишет о традиционном родовом коллективе казахов В.Ф.Шахматов, - члены которых были объединены между собой родством и соседством и правом совместного владения и пользования одними и теми же пастбищами» /256. - С.45/. Существенным здесь было то, что исследователь распространил термин «община» на чисто кочевое родовое подразделение. Но постепенно исследователи казахского общества забывали первую составляющую общины /т.е. родство/ и стали выпячивать вторую /т.е. соседство/. «Некоторые исследователи, верно, считали совместное кочевание и общие хозяйственные интересы признаками кочевой общины», - пишет С.Е.Толыбеков. Рациональность научной методики состояла как раз в признании общины как хозяйственной единицы. Но «общинное землепользование выходило далеко за пределы подобных кочевых общин, оно распространялось на всю кочевую территорию ряда крупных родов и племен», - оговаривает данное положение С.Е.Толыбеков. Основная ошибка С.Е.Толыбекова заключалась в том, что он фактически не понимал специфику и сущность родовых отношений кочевников. Это неплохо иллюстрируется его следующим высказыванием: «Вследствие огромных размеров казахских родов, классовой дифференциации в них по отношению к ним нельзя применять понятие «род» как

19

понятие «общинного родового строя». Внутри казахских родов существовали классы и шла острая классовая борьба» /237. - С. 513/. Таким образом, реальные, действующие очертания родового подразделения, хозяйственной микроединицы кочевое общества, затерялись в пространных научных рассуждениях о кочевой общине. Попытка доказать явное несоответствие принципов родства как основы социальной системы, реальным факторам совместной хозяйственной деятельности в кочевом обществе было основным итогом научной историографии 70-х годов. Выделенные С.Е.Толыбековым основные признаки кочевой общины /совместное кочевание, общие хозяйственные интересы/ позднее стали доминирующими. Это четко выражено в определении, данном казахской общине Масановым Н.Э. «... община представляла собой кооперацию трудящихся индивидов по поводу всего производственного цикла, то функционирование производственных групп обуславливалась совместной трудовой деятельностью по поводу отдельных элементов системы материального производства»*. Таким образом, из содержания понятия «община» была выброшена самая основная цементирующая часть - родство, взамен чего было предложено пустое словосочетание «кооперация трудящихся индивидов». Потребовалось ровно 100 лет, чтобы окончательно исказить смысл понятия «земельно-родовая община». В последние десятилетия в этнологической науке стало характерно расширительное толкование и применение этого понятия /община/. Можно сказать, что она приняла всеобъемлющий характер, поглощая функции рода, семьи и других элементов социальной организации. Современное определение *"Дальше у Масанова Н.Э. в развитии этого хоздетерминистического определения присутствует сильно противоречащее сказанному предложение: «Это своего рода микромир и макрокосм, социум /это об общине -Ж.А./, в котором конституируется вся социальная жизнь индивида, обеспечивается его жизнедеятельность и бытие» /175. - С. 137/. С критикой «небезупречной с политэкономической точки зрения логики аргумента» Н. Э. Масанова выступил Н. Алимбай /17. - С. 12/.*

20

общины перекрывает все основные формы социальной организации, типологически разнородных социальных институтов и систем.

Примеров подобного применения этой категории много. Обратимся к книге С. А.Маретиной «Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии»:«... в качестве верховной организации у горных народов выступает община. Для горного жителя община - средоточие всей его социальной, экономической и политической жизни, его микро- и макромир, в котором он живет, трудится, участвует в ритуале, где точно определен его социальный статус - он знает с кем дозволен брак, кому он должен

помогать во время сельскохозяйственных работ» /169. - С.25/.

Община как единица и механизм землепользования, гена-логические отношения как механизм регулирования социально-экономической деятельности в первичных ячейках общества, в данном случае отступают на второй план. Община раньше рассматривалась как макросистема традиционного общества, которая реализовывалась в виде сосуществования двух различных форм связей: генеалогической/кровнородственной/ и производственной /хозяйственно-культурной/. В указанных аспектах шли и исследовательские поиски проблем общины в нашей историографии.

О неформальном, а скорее функциональном /корпоративном/ характере хозяйственных интересов, служивших основным побудительным мотивом образования социальных группировок, говорилось и в более ранних историографических традициях. Многие исследователи подчеркивали нелепость выпячивания только одной формы связи. «Было бы нелепо приписывать какой-либо одной из них первенствующее или исключительное влияние на возникновение столь сложного общественного строя», - пишет К.Н.Старке /225. - С. 129/. Основу этносоциальной организации казахов составляют родовые ячейки и родовые отношения. Поэтому ее структура по существу воспроизводит структуру генеалогического древа, хотя

21

родовые единицы больше представляют собой политические союзы. М.Ковалевский, рассматривая причины и ход разложения общинного землевладения, дал описание подобного состояния: «.. таким образом, род перестал быть обширной семьей и сделался не больше как агломератом всех поселений, расположенных на родовых землях, какой-то конфедерацией палаток, конфедерацией с более чем прежде официальным и политическим характером» /131. - С.220/.

С понятием «община» происходит парадоксальная вещь. Ее первоначальное значение уже забыто. «Вероятно, количество существующих в исследованиях научных дефиниций об общине столько, сколько самих этносов», - пишет НАпимбай /17. -С. 10/. Не означает ли это разнообразие бессмысленность употребления в дальнейшем этого понятия, сущность которого не имеет адекватного признания со стороны специалистов по традиционному обществу. Есть ли смысл и дальше экспериментировать в этой области, не лучше ли вернуть понятию «община» свое первоначальное предназначение и не заменять ею социальную организацию. Социальная организация и без общины есть социальная организация. Системный подход не должен накладывать понятие общины на социальный организм. Община и общинный механизм регулирования социальной жизни всегда изучались в рамках этносоциальной организации.

Казахское общество - это общество родов, родовых порядков, в котором абсолютно господствуют принципы генеалогического /мнимого/ и кровного родства, как основополагающие условия функционирования этносоциальной организации. От того, что мы назовем всю эту сложную конструкцию ныне популярным термином «община», на наш взгляд, кроме неразберихи, никакого результата это не принесет. Вряд ли можно согласиться и со следующим утверждением о том, «что «семипо-коленная» социальная структура обладает всеми отмеченными выше автономными жизнеобеспечивающими структурно-функциональными параметрами - социокультурными, экономическими, этноэкологическими, институциональными и т. п. - и в

22

таком качестве функционирует как общинная организация» /177.-С.43/.

Насколько позволяют судить наши этнографические материалы, «*жеті ата*» - понятие достаточно условное. Для всех родовых единиц характерна тенденция к расщеплению на сегменты, к объединению снова в родовой союз. В основе всей общественной, социальной организации находится система родственных отношений. В реальной жизни «*жеті ата*» - один из таксонов родства /как «*уш ата*», «*он ата*»/. Некоторая институализация

«жетілама» связана с экзогамным запретом, но в реальной жизни этот запрет мало влияет на формирование общинной структуры.

В связи с универсализацией компетенции общины, не обеспеченными терминологическими понятиями остаются «хозяйственный аул, аульно-общинная группа» /в материалах Щербины, Букейханова/. Современный термин «минимальная община», вероятно, обозначает общинно-аульную группу, выделенную из социальной жизни в конце XIX - начале XX вв. Алимбай Н. связывает возникновение и формирование этого своеобразного явления эпохи кризиса кочевничества с понятием «адаптивной стратегии». Хозяйственный аул представляет собой специализированную организационную форму адаптивной стратегии жизнедеятельности номадов, точнее, генерализованную адаптивную функцию кочевой общины в холодное время года» /17. - С.43/.

Социальное в истории человечества, прежде всего, является предметом изучения исторической науки. При этом историческая наука изучает не столько отдельные социальные явления, сколько социокультурные феномены, каждое явление в их собственной разительной значимости как неповторимое и уникальное во времени и пространстве. В этом и состоит различие в предметных областях истории и социологии. Последняя рассматривает социальные явления /события и факты/ как парадигма. Социология изучает свойства надорганики /выражение П.Сорокина/, куда относятся наука, философия, религия,

23

этика и другие явления, где применяется и проявляется сознание, т.е. те области, где люди взаимодействуют друг с другом и его порождением, т.е. культурой. Именно культура является носителем надорганических ценностей.

С другой стороны, любая организованная группа обладает культурой с ее составными элементами: правовыми, моральными ценностями и т.д. Следовательно, история не столько изучает социальные явления и факты, а сколько культуру в широком смысле этого слова. Общество и культура не могут рассматриваться отдельно друг от друга, т.е. в отрыве. «Неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир», - пишет П.Сорокин, изучая взаимодействие личности, общества и культуры как неразрывной триады /224. - С.218/.

В изучении социальной структуры традиционного казахского общества чрезвычайно важную роль играют базовые носители культуры и, прежде всего, родовая организация. К сожалению, исследовательская практика оперирует в отношении этого феномена механическими и абстрактными категориями, увы, незаслуженными. Без изучения и привлечения правовых, морально-этических традиций невозможно выяснить всю роль этого базового элемента социальной организации казахского общества.

В наше время огромное количество исследовательских проектов по традиционному казахскому обществу /и кочевникам Евразии/ спокойно обходят родовые институты и сам род /ру/. Нередко встречаются заявления типа: «рода нет и никогда не было в природе, но был и до сих пор есть у некоторых народов генеалогический счет родства» /175. - С. 132/.

При этом исследователи, вероятно, забывают, что сам по себе генеалогический счет родства есть производное от рода /ру/. Вся отечественная историография по истории кочевничества во все годы Советской власти, да и сейчас, фактически игнорирует наиболее мощное явление общественной системы номадов - родовую организацию, являющуюся генерализующей по отношению ко

24

всем остальным элементам системы. Марксистская наука сводила родовую организацию кочевников к пережиткам первобытнообщинного строя. Вследствие такого подхода община рассматривалась как основная составляющая социальной организации степных народов Евразии. Ее сущность связывалась с хозяйственным /производственным/ процессом /т.е. как единица землевладения/, в результате отбрасывалась в сторону все, что касалось родовых институтов и ценностей.

Кстати, в дореволюционной литературе вплоть до 30-х гг. XX в. исследователи казахского общества всегда подчеркивали наличие рода, родовых отношений и выдающееся место рода: «Какую бы сторону как общественной, так и семейной жизни того времени мы ни взяли, мы всюду сталкиваемся с всеобъемлющим значением рода, - пишет Н. А. Логутов. - Это было время, когда вокруг рода сосредоточивалась вся экономическая и социальная жизнь народа, ибо только род рассматривался в казахском союзе как самостоятельная правовая единица» /159. - С.46/. Здесь четко указано значение рода в традиционном казахском обществе как основного магистрального ствола общественной системы. При этом дореволюционные исследователи подчеркивали, что родовая организация играет роль основного фона для различных институтов и явлений в кочевом обществе.

Правда, ряд исследователей и тогда однобоко понимал значение родовой организации кочевого общества казахов. Признавая высокую роль рода в общественной системе, тем не менее они ассоциировали его с первобытностью, хотя в стадильном плане род кочевников - универсальное явление. Однако такое механическое понимание происхождения рода степных народов, исходящее из тождества «первобытный род» - «фу», чревато рядом проблем. В действительности, казахский род /ру/ и по внутреннему содержанию, и по внешним признакам не имеет никакого отношения к первобытному роду. Казахский род, прежде всего, политическая единица, основывающаяся не на кровнородственных, а на генеалогических свя-

25

зях. Кочевников, перешедших рубеж двадцатого века с этой уникальной социальной организацией, основанной на универсальной системе «ру», нельзя рассматривать, как пережиток первобытнообщинной эпохи. Для понимания высокой роли родовой организации казахов необходим структурно-функциональный подход. К.Леви-Строс, говоря о системе родства, писал: «Несомненно, что биологическая семья существует и имеет продолжение в человеческом обществе. Однако социальный характер родству придает не то, что оно должно сохранить от природы, а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы. Система родства состоит не из объективных родственных или кровнородственных связей между индивидами» /156. - С.51/. Но, тем не менее, ряд современных исследователей представляют казахский род как биологическую организацию, функционирующую на основе кровного родства. Не находя в нем архаических институтов первобытного рода, они приходят к замешательству, а затем и к бездоказательному отрицанию рода. Род есть, он существует как первооснова кочевого общества. На нем базируется вся общественная, экономическая и политическая жизнь. Он играет роль политической ячейки общества, а родовые отношения - роль социальной организации, так как «генеалогический счет родства» как идеология в самом деле необходим для нормального функционирования общества. За ним скрываются явно экономические или же политические интересы отдельных родовых или семейно-родовых групп и, в конечном счете, кочевого общества. Это начинается с самых мельчайших кристалликов общества и идет до самой вершины пирамиды, т.е. начиная от патронимии до государства.

И, наконец, проблемы территориальной организации и отношение к земле кочевников Евразии также не избежали тех недоразумений, которые касаются вопросов социальной, политической, экономической истории. Можно однозначно говорить о том, что территориальный аспект истории кочевничества не разработан и находится в начальной стадии изучения.

26

27

Все исследовательские поиски, проводимые на централь-ноазиатской территории, носят

этногеографический, описательный характер. В основном внимание исследователей направлено на изучение особенностей расселения и размещения населения, взаимосвязи между кочевыми этносами и их соседями. В последние годы этнографами разрабатываются проблемы сложения историко-культурных областей. Одновременно ведутся широкомасштабные работы по различным аспектам природопользования и возникающих экологических проблем.

Этногеография Центральной Азии, и особенно ее кочевнической части, традиционно изучается однотипно: обычно к исследованиям привлекаются письменные источники той или иной эпохи, довольно большие очерки посвящаются историографии проблемы. Природная среда, если рассматривать ее с учетом возможных в прошлом колебаний и изменений, представляет весьма существенный источник для исторических исследований. Она оказывает решающее влияние на формы и уклады хозяйственной деятельности, а через нее - и на культуру. Культура кочевников предельно точно отражает характер той географической среды, в которой обитает данная общность, т.е. носители этой культуры. Механизм ее воспроизводства и существования напрямую зависит от степени адаптации к этой природной системе.

Изучая прошлое, невозможно обойти вопросы палеографии, поскольку даже в историческое время, известное нам по письменным источникам, менялись русла рек, происходили опустынивания или наоборот, увлажнения территории. Малейшие климатические колебания приводят к усиленному заселению или же опустошению тех или иных районов обитания кочевников, поскольку хозяйственно-культурная система народов Великого степного пояса Евразии напрямую зависела от условий природной среды и была подчинена ей больше, чем у оседлых народов.

В данном контексте и следует изучать тотальные движения кочевников Великого степного пояса, которые характерны вплоть до начала Нового времени. Вероятно, «эпоха брожения» /по определению Ч.Валиханова/ наступила не столько в результате падения Золотой Орды, а сколько в результате серьезных природных изменений. В доказательство этой гипотезы можно сослаться на описания у Мирзы Хайдара Могулистана, Мухаммеда Шайбани Дашт-и-Кыпчака и др. До конца XV - начала XVI вв. это были цветущие оазисы. Важный вопрос в исторических исследованиях - это изучение отношений кочевников к земле. В классической историографии историческое описание любого образования /государство, отдельный этнос и т.д./ привязано к определенной территории. «Прежде всего надлежит знать, - пишет Рашид ад-Дин, - что в каждом поясе земли существует отдельное /друг от друга/ население, /одно/ - оседлое, /другое/ - кочевое. Особенно в той области /или стране/, где есть луга, много трав /в местностях/, удаленных от предместий городов и от домов /селений/, много бывает кочевников» / 211.-Т.1.-КН.1.-С.74/.

Пространственные категории современной исторической науки чрезвычайно европоцентричны, т.е. привязаны к оседло-земледельческому стандарту жизнедеятельности. На наш взгляд, следовало бы основательно изучить территориальные отношения у степных народов и вообще их отношение к земле. Вероятно, есть народы, жизненная энергия которых привязана к определенной территории, и в то же время, для многих народов, цель и смысл существования заключается в передвижениях, в стремлении развиваться вширь.

А.Вебер в своих рассуждениях о духовности /европейской/, оценивая послевоенные реалии /40-х гг./ пишет: «Париж и Рим, с их имперскими традициями, по-прежнему станут бороться со свойственным немцам стремлением вширь» /71. -С. 169/. Это свойство он считал одним из признаков язычества - «присущее язычеству стремление к движению».

Возможно, секрет заключается не в язычестве, а в том, что германские

28

племена в I тыс. н.э. находились еще в состоянии «обретения Родины».

А.Вебер считает необходимым «обратить внутрь нашу /нем-цев-Ж.А.И склонность к экспансии, преобразовать наружное стремление к бесконечности во внутреннее свойство»

/71. -С. 180/.

Коренной переворот в отношении человека к Земле наступил, по Веберу, в XV в., когда «вместо приспособления к Земле и миру или ухода от мира утверждается тенденция господства над Землей» /71. - С.202/ И тогда ярко проявилось то противоречие, которое существовало у оседлых и у кочевых народов по отношению к земле. У последних земля продолжала оставаться основной субстанцией их бытия. Ни в прошлом, ни после XV в. в кочевых обществах не происходило отчуждения земли в пользу социальной верхушки. У казахов земля вплоть до конца XIX в. не стала субъектом частной собственности, хотя в пользовании ею в практику вошли различные переходные нормы, продиктованные изменившимися условиями жизни. С другой стороны, именно максимальная подвижность обеспечивала нормальное функционирование кочевого хозяйства. Частная собственность на землю фактически означала бы конец хозяйства.

Вместе с тем, народы Великого степного пояса выработали особое отношение к земле и особые приемы землепользования как необходимое условие формирования общностей и функционирования этносоциальных организмов. Специфика этого отношения к земле может быть понятна только в связи с принципом родства, который играет генерализирующую роль в социальной системе степных народов. Пространственные ориентиры и отношение к земле у народов Великого степного пояса сильно отличались от оседлых, включая сюда современные цивилизации. Земля кочевниками воспринимается как субстанциональная основа жизни человека. Существует довольно емкое понятие для определения этого отношения «*К,удайдыц жер1*», следовательно, все, что растет на земле воспринимает-

29

ся как «*К,удайдыц берген ризыы*». Жизнь человека быстротечна, он временный гость на священной земле.

Границы, которые существуют (а они имеются везде, где человек) для кочевников условны. Традиционное мышление не воспринимает жестких границ, разграничений, поскольку не существует жестких собственнических отношений к земле. В этой связи уместно вспомнить тех великих мыслителей прошлого, которые ищут землю обетованную, благодатную и где люди живут вечно /Коркыт, Асан кайгы/.

И, наконец, несколько замечаний относительно методов исследования. В литературе порой встречается убежденность в том, что общество древних и средневековых степных народов демонстрируют не только однотипность, но и сходство многих конкретных форм социальной организации. А.М.Хазанов, ссылаясь на Л.Крэдэра и на свои исследования пишет: «... по основным социально-экономическим структурам и формам эксплуатации, равно как и по основным тенденциям общественного развития, древние кочевники евразийских степей были весьма близки к кочевникам средневековья и даже нового времени» /245. - С.265/.

Этот вывод основывается, прежде всего, на консервативности /экстенсивный характер кочевого хозяйства, мало меняющийся во времени/ экономики Великого степного пояса. Однако, он пишет об обратимости социальных процессов: «у тех кочевников, которые знали в прошлом, и даже неоднократно, периоды государственной жизни». На наш взгляд, нельзя однозначно говорить о консервативном, застойном характере хозяйственно-культурных структур народов Великого степного пояса. Зачастую социально-экономические условия, на котором строятся социальные отношения, подвержены чередованию. На всем протяжении обозримой истории /с IV тыс. до н.э./ мы наблюдаем перманентное чередование комплексного хозяйства /с преобладанием пастушества/ с кочевым скотоводством. С другой стороны, окружающий степные народы мир тоже не стоит на одном месте. Восток, с которым тесно связан степной

30

мир Евразии, постепенно развивался. Вероятно, в этом процессе высока роль тех же самых кочевников, время от времени нарушающих монотонный ритм жизни и

вторгающихся в покой Востока.

На наш взгляд, многие стороны быта казахов, действительно сходны и сравнимы по уровню развития с саками, гуннами, древними тюрками и т.д., но необходимо учесть и то, что они сохранились в виде реликтов грандиозной и яркой культуры народов Великого Степного пояса Евразии. Причина столь разительной перемены кроется не только в военной и экономической экспансии России и Китая в XVIII - XIX вв., она кроется гораздо глубже. Чтобы легче было понять, я предлагаю мысленно сконструировать треугольник, тернарную структуру с активным углом. Территория древних культур (имеются в виду оседлые цивилизации древности) в те далекие времена была крохотной частью Евразийского материка. КЯсперс своеобразно начертил границы этой культурной зоны. «Возникновение культуры территориально охватывает лишь узкую полосу всей земли от Атлантического до Тихоокеанского побережья, от Европы через Северную Африку, Переднюю Азию до Индии и Китая. Эта полоска, составляющая в длину около четверти, в ширину - меньше двенадцати частей всей земной поверхности, содержит плодородную почву, разбросанную между пустынями, степями и горными кряжами» /263. - С.5/. Эта узкая полоска материка довольно долго, фактически до Великих географических открытий, была подконтрольна пастушеским народам. Вдоль полосы постоянно сталкивались интересы семитских народов с юга и алтайских /в раннем периоде индоевропейских, арийских/ народов с севера.

Последние были гораздо сильнее и влиятельнее на всем протяжении последних 6-5 тысячелетий, исключение составляют лишь эпоха поздних династий в Шумере и эпоха мусульманского ренессанса в VI-XII вв.

Начало кризиса традиционных отношений в Старом Свете и социальных институтов степных народов датируется XV-XVI вв., когда Великая степная зона Евразии теряет свое былое зна-

31

чение доминанты в мировом пространстве. Впоследствии были нарушены и уничтожены существовавшие у них тысячелетиями жизненные коммуникации, производительные силы, политические институты и культура.

Разительные перемены происходили и в глубинных степных районах в относительно недавние времена. Масштабы и суть перемен, проходивших не в пользу казахов, неплохо осознавались мудрыми представителями степной элиты - жырау. В народной памяти запечатлелись слова Бухар-жырау, сказанные Аблай-хану: «*Сенен бурын жетгханды жебелеЫм, кегиегг Ецсе-гей боты Ер Естди де бтемт. Сен оныңбгр тусттне жара-майсыф**. Вероятно, казахское общество эпохи Есим-хана было намного мощнее и влиятельнее, если жырау говорит Аблай-хану такие унижительные слова. Как можно сравнивать и находить сходство между эпохой Золотой Орды и казахским обществом середины XIX в.? Разительные перемены особо остро ощущаются в сопоставлении лучших образцов поэзии указанных эпох:

Булут болтн айды ашкрн, Мунар болтн кундг ашкрн, Мусылман мен квуІрдиц Арасын бузып етін дмді ашк&n Суйтшгулы Казтутн

К,нлы-кулы заман-ды, Заманю, сай адам-ды, Салыстырып карасам, Су мушз болтн танадай, Шыр кебелек айналам. Мынау азын заманда, Карасы - анткпрр, ханы - арам, Бозбаласы - бошалац, К}лрсыт туды кргз балац. Ебі кеткен ел болды, Енді кпйда мен барам?!

XVг. Казтутн

XIXг. Дулат

32

Следующая проблема историографии вытекает из предыдущих. Среди ученых общепринято мнение об отсутствии каких-либо поступательных изменений в социальной сфере степных народов. Тезис о застойности кочевой экономики, а следовательно и общества, сделали очень популярными ретроспективные методы изучения. В широком смысле так называемый «европоцентризм» и есть проявление именно такого подхода к истории кочевых обществ. Превратности судьбы были таковы, что современные исторические концепции и школы начали складываться в Европе в новое время, оно совпало с эпохой заката степных народов и началом господства европейцев. Начало мощного продвижения Европы обычно связывают с Великими географическими открытиями, а расстояние между Востоком и Западом усугубляется в эпоху промышленного переворота. Европа с этого времени стала проявлять стремление к господству над миром. Инструментом превращения человечества в единую унифицированную общность стал капитализм /мировой рынок и т.д./. Исходя из анализа действия Европы и изучая ее взаимоотношение с остальным миром, наблюдая, как центр тяжести постепенно переходит в Северную Америку /из Западной Европы/, можно сделать вывод о структурообразующем характере западного капитализма в мировом масштабе. Начало гегемонии капитализма утверждается в XV-XVIII вв., когда пушки и порох одержали верх над степными кочевниками Евразии. Последние в эту эпоху окончательно потеряли власть над миром и превратились в жалкие периферии оседлых государств.

Вероятно, этот контраст и стал причиной чрезмерно высокомерного отношения европейских учёных к истории Великой Степи. Они немало потрудились, чтобы не допустить кочевников ни к понятию культуры, ни к понятию цивилизации /см. схемы множественности культур и цивилизаций О.Шпенглер-а, Дж. Тойнби и т.д./.

При оценке древней и средневековой культуры Великого степного пояса наши историки нередко обращаются к матери-

33

алам поздней реальности, к образу жизни степняков в XIX-XX вв. Безусловно, вчерашняя действительность легко поддается реконструкции. Но вместе с тем, такой подход заранее предполагает появление уродливой картины бытия казахов, поскольку этот народ в рассматриваемое время находился в состоянии тяжелого кризиса, стоял перед необходимостью выбора. В казахском обществе во второй половине XIX века шли кардинальные переустройства. «Далее нет уже истории киргизского /казахского - Ж. АЛ народа, а есть история сельских обывателей - инородцев степных областей», - пишет в этой связи П.П.Румянцев. Он был глубоко прав в своем выводе.

Следовательно, такая ретроспективная практика сильно занижает уровень ранних обществ, к тому же приводит к ложному представлению об их культуре. Некоторые наши учёные видят только последнего верблюда, плетущегося в хвосте каравана истории и начинают рассуждать о грандиозных картинах прошлого. К примеру, в монографическом исследовании С.Е.Толыбекова встречаются такие образцы примитивной ретроспекции: «Примером образа жизни казахских кочевников XV-XVIII вв. может быть описание кочевания адаевцев и других «вечных» кочевников в предреволюционном Казахстане. Так, население четырех адаевских волостей проходило в год не менее 2800 км кочевого пути» /237. - С.321/.

Ретроспективный метод и ныне в моде. Свое исследование по кочевой цивилизации казахов Н.Э.Масанов в основном построил на материалах статистических исследований конца XIX - нач. XX вв. «Главным источником этнографических и статистических данных стал фундаментальный сериал «Материалы по киргизскому землепользованию», - признается автор: «Всего было издано по казахам-кочевникам 35 томов статистических данных» /175. - С.18-19/.

Спору нет, статистические материалы по землепользованию казахов XIX - начала XX вв. содержат колоссальные источники-ковые материалы. Более того, усилиями Ф.Щербины, Л.Чермака, А.Букейханова эти материалы систематизированы и обоб-

34

щены. Бери и пользуйся. Но только не для характеристики кочевой цивилизации казахов. Обратите внимание на слова А.Букейханова: «Переходя к внутреннему быту киргизов /казахов-Ж.А./, должно заметить, что современная хозяйственная жизнь последних не укладывается в простую формулу примитивной экономики полудикого кочевника, постоянно меняющего место стоянки и передвигающегося со своими стадами в поисках для них подножного корма и лучшего водопоя. Былое, чисто пастушеское хозяйство киргиза, постепенно уступает место смешанному земледельческо-пастушескому типу...»/59.-С.67/. Речь идет конкретно о формировании комплексного хозяйства начала XX в., уже адаптированного к капитализму, мало имеющего отношение к кочевой цивилизации. К тому же, какое отношение имеют статистико-экономические расчеты по казахам конца XIX- начала XX вв. к кочевой цивилизации? Если речь идет о цивилизации, то необходимо писать о социокультурной, гражданской, общественной, государственной системе Великого степного пояса Евразии в целом.

Наша история своеобразна, она часть степного мира Евразии, часть Востока. Тот научный инструментарий, созданный на Западе и отработанный на материалах Запада не всегда выдает объективные результаты.

Ведь даже в такой проблеме как концепция исторического времени, между западной историографией и нашей, есть непримиримые противоречия. Европейская историческая наука опирается на линейность, на равномерность и необратимость времени, и на них основывается идея прогресса. Устная традиция - шежире - никогда не знала и не признавала линейность, и строила свою историю на концепциях цикличности и обратимости, т.е. она служила мощной антитезой европейскому пониманию истории. Ничего не поделаешь - разные общества. «Западный мир ощущает полярность между Востоком и Западом не только как отличие себя от некоего другого, находящегося вне его, но несет эту полярность в самом себе», - писал К.Ясперс/263.-С.81/.

Еще раньше Рашид ад-Дин четко сформулировал различное отношение к истории у разных народов:«.. .каждый раз-

35

ряд человеческого общества и каждый народ передает известия и повествования о /разных/ обстоятельствах, исходя из своих убеждений, и во всех случаях, предпочитает последние убеждениям других, показывая в отношении истинности их чрезмерное преувеличение, - то невозможно, чтобы все народы в отношении всех событий были единогласны. И значение сего для всех ясно и очевидно» /211.- Кн. - Т. 1. - С.50/.

В целом, в области историографии и методологии проблем предостаточно. Иначе быть не может, мы только приступаем к изучению своей истории. Вернее мы переходим от описания к осмыслению, к познанию, и здесь без методологии и научной историографии делать нечего.

2. Проблемы источниковедения

Казахское шежире в контексте устной традиции. В широком комплексе источников по истории казахского общества XV-XIX вв. устные народные или национальные источники занимают важное место. Сведения, содержащиеся в различных памятниках устного творчества казахов и предшествовавших им степных народов Великого степного пояса, незаменимы при реконструкции исторического прошлого. Как особая форма литературного творчества и одновременно, как суммарная историческая память, эти знания в большей части передавались из поколения в поколение в устной форме. Общие контуры устного творчества содержат в себе как целые циклы исторических преданий и легенд, так и широко популярных эпических рассказов, поэм, толгау, пословиц и поговорок, а иногда и каких-либо метких оценок*. К сожалению, указанный комплекс

национальных источников по сей день не стал объектом

М. Тғышпаев приводит интересную реплику, сохранившуюся в народной памяти казахов о хане Тохтамыше «бізді ел Токтамысты жаман-датнын да коймайды, керсе, бас урып, тоцқандаюнын да крймайды». В переводе означает, что народ в целом заочно, за глаза ругал Тохтамыша, при встрече, как увидит его, так усердно кланяется. /239. - С. 120/. Это не единственное упоминание о могущественном последнем хане Золотой Орды, встречающееся в казахском фольклорном наследии, /см. легенды и предания связанные с именем Едиге /102/. 2

36

изучения со стороны специалистов по казахской истории. Стало традицией отмечать художественную сторону, нежели историческое содержание. Мы в настоящем издании не раз будем ссылаться на все доступные памятники историко-литературного творчества казахов.

Из указанного объема устных народных источников особую ценность для изучения казахского общества в прошлом представляет казахское шежире. В недавнем прошлом по причине, с одной стороны, диктата методологических положений марксизма-ленинизма, с другой - в силу нашей колониальной зависимости, шежире, как суммарное знание о национальном прошлом, вычеркивалось из научной проблематики. Лучшие достижения казахских этнографов связаны с изучением родоплеменного состава казахов. Необходимо сказать, что до сих пор каких-либо серьезных исследований в исторической науке Казахстана по шежире пока нет*.

Современный историографический подход требует от исследователей отношения к шежире как к базовому, основному, стержневому источнику по истории казахского народа. Структура исторического исследования о прошлом нашего народа должна базироваться на материалах шежире, подлинного хранилища историко-культурных традиций. Вовлечение в научный оборот материалов шежире требует серьезной теоретико-методологической работы.

Казахское шежире, как историко-генеалогическое знание казахов о своем прошлом, привлекло внимание собирателей и исследователей с середины XIX в..

Из российских ученых следует назвать имена И.Г. Андреева, А.И. Левшина, И.Н.Берези-

**Среди молодых историков есть несколько имен, начинания которых очень радует и обнадеживает. В1999 году по теме «История Казахстана в казахском шежире (место шежире в изучении истории)» защитил кандидатскую диссертацию Алпысбес М., в 2000 году по теме «Меуһур - Жует Кепейуны жене оның жазбаларындаш тарихи тулюлар» - Жусупов Е. В данном разделе/в первой части/мы опирались на материалы статьи, написанной в соавторстве с М.Алпысбесом. Сокращенный вариант опубликован в журнале «Отан тарихы» /1999. ~№2. -С.5-10/.*

37

на, В.В.Вельяминова-Зернова, Н.И.Гродекова, Н.А.Аристова, Г.Н.Потанина, А.Диваева и др. Значительное усилие в сборе устных форм исторического фольклора казахов приложили представители национальной элиты Ч.Валиханов, М.Чорманов, М.Бекмухамбетов /Макаш-аким/, Н.Наушабаев, К.Халид, М.-Ж.Копеев и др.

Благодаря их усилиям мы сегодня с полным правом можем заявить о том, что шежире представляют собой комплекс историко-этнографической информации с событийно-личностным напластованием. Выражаясь словами Ч.Валиханова: «нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминания о котором не осталось бы в народной памяти» /65. - С. 157/.

Один из ярких представителей национальной историографии конца XIX - начала XX вв. М.-Ж.Копеев, резко критикуя своих современников, увлеченных

переводами из русской и китайской историографии, написал: «Осы кунде шежгре сейлеп жатқандар /«шежГре» - в значении «история» - Ж.А./ бірі %ытай тарихынан аударып алады, бірі орыс жазушылары-нан аударып алады. Қрзак,к,а ол щндай двлелдІ шежгре бол-мак,? «Тугел сездштубІ бір, туп атасы Майхы би» - дегендей аңыз казактыц вз ортасында свйлент журген танымал свзден альт жазтн біреуі де жок,». /143. - С.77/.

Н.А.Аристов придавал казахскому шежире значение источника. Он пишет, что народные обычаи и предания составляют у кочевников, не имевших литературы, почти все, что они сохранили в качестве памятников своего прошлого. Отсюда понятна важность изучений родовых делений для истории и этнографии/23. - С.392-393/. Письменное изложение казахского шежире стало возможным в конце XIX нач. XX вв. Появились труды КХалида, Ш.Кудайбердыулы, М.-Ж. Копеева, Н.Наушабаева, М.Тынышпаева и др., где письменно зафиксированы и интерпретированы образцы историко-генеалогических знаний казахского народа.

38

В сущности своей казахское шежире, в котором представлено традиционное видение истории, уделяет преимущественное внимание роли отдельной исторической личности и, только затем, связанных с ним событий. В степной традиции повествования истории народ представляется как структурное генеалогическое явление - ру, ел. Соответственно, в традиционном историописании присутствует такое сложное и высшее понятие «нация», оно передается в сочетании таких важных терминов: «ел» - народ, «журт» - территория, т.е. «ел журт» - нация. Примечательно, что вопросами шежире за все годы Советской власти занимались по большей части литературоведы и фольклористы, а всякая попытка обращения к национальным источникам историков пресекалась очень жестко. Не последнее место в обвинениях в национализме Е.Бекмаха-нова, А.Маргулана в 50-гг. отводилось привлечению различных жанров устной исторической традиции. Из недавней истории нам памятна неоднократная критика официальными властями трудов О.Исмагулова, М.Муканова.

Первые теоретические проработки шежире были связаны с именем востоковеда В.П.Юдина, который ввел понятие «степной историологической традиции». Он отметил, что вспомогательная историческая дисциплина, изучающая степную историологическую традицию, «должна создать свою собственную исследовательскую методiku». Однако до настоящего времени остаются невыработанными научные методы исследования устной исторической традиции.

Существовавшие дефиниции термина «шежире», как «генеалогического древа», вводят в заблуждение многих исследователей. Этимологический анализ происхождения понятия «шежире» показывает половинчатость существующего определения. И это негативным образом отражается в понимании значения устной традиции. В ранних изданиях «Истории Казахской ССР» шежире характеризуется как генеалогия казахских родов, составленных мусульманским духовенством конца XIX в. До настоящего времени бытует мнение, что «шежире» - слово арабского происхождения, от «шатжарат»/38. - С.39/.

39

Мы предполагаем, что термин «шежире» имеет тюрко-мон-гольское происхождение. Так, если в монгольском языке «шежире» нашло произношение в «цээжээр», то в калмыцком языке как - «чеедж», а в тувинском - «шээжилээр» с единными значениями: «память, иметь в памяти, запомнить, знать наизусть» /121. -С.177; 216. -С.97; 217. -С.187/.

Примечательно, что в казахском языке «шежире» сохранилось лишь в значении родословная, генеалогия, история; для обозначения слова «память» в казахском языке используются слова «жады, жаттау, жатка биу», имеющие персидское значение от «йад» - «память», «вспоминание», «образ».

В арабском же языке «шатжарат» имеет лишь значение «дерево», без смысла

«генеалогия», а понятие «генеалогическое древо» употребляется в изафетном сочетании «шатжарат ан-нысб».

Поэтому, правильное распознавание происхождения и первоначального значения слова позволяет нам значительно расширить смысл понятия «шежире» в казахском языке. Не случайно, что «шежире» воспринимается не просто как «генеалогия», а больше в значении «история». Опять-таки, понятие «история», употребляющееся в форме арабского слова «тарих» -«дата, эпоха, время, рассказы», всегда как бы сосуществовало со словом «шежире», имея один и тот же смысл. Таким образом, в казахском языке понятия «шежире» и «тарих» - идентичны.

Исходя из толкования понятия «шежире» как тюрко-мон-гольского «память», мы переводим ее как «память историческую». Но при этом надобно заметить, что всякая информация или всякое знание существуют и сохраняются лишь в силу своей востребованности. Так в чем востребованность шежире? Ответ на этот вопрос кроется во всем комплексе естественных и социальных факторов системы жизнедеятельности кочевников и синкретной традиционной культуры кочевников, частью которой и является шежире. В первую очередь нужно сказать, что все генеалогические знания подразделяются на генеало-

40

гию личностей и династий, генеалогию родов и племен, составивших казахский этнос.

Эта первичная классификация отражает функциональное значение шежире: династийные генеалогии можно воспринимать в качестве кодекса права наследования власти, определяющего факт происхождения и перворождения. Знания, касающиеся родов и племен, необходимы для обоснования структуры. Они имели значение в этнополитической системе организации кочевого государства, т.е. как специфическая форма общественных связей. Если же генеалогические знания династийного характера фиксировались письменно, то хранение генеалогического знания родоплеменного содержания осуществляли «шежIрешI», которых также называли «кIрия», а информацию, преподнесенную ими как «шежIре» /запомненное/, заменяло «кIрия сееI». В связи с этим хотелось бы отметить этимологию понятия «кIрия», которое зачастую механически воспринимают как кIрия синонимичное слову «КерI» - «старик, старец»*.

Таким образом, в традиционном кочевом обществе существовала особая категория людей - историков, профессиональных фиксаторов устных форм историко-генеалогического ха-

**Этимологический анализ показывает, что «кария» является производным от арабского слова «кари», имеющее значение «чтец Корана» и при этом так называют обычно человека, знающего Коран наизусть, иначе говоря «кария» имеет значение «чтец с феноменальной памятью» или человек, отличающийся особым даром памяти. В казахском же языке, в языке кочевников мусульмано-тенгриянцев, «кария» приобрел особый смысл, которым именовали профессионалов-информаторов, хранящих и передающих устную историю. Понятия «шежIре» и «кария» в казахском языке приобретают идентичное значение. Воспринимая «шежIре» в значении «генеалогизированная история» будет правильным также придать единый смысл понятиям «шежIреи», «кария» и «тарихшы» (историк), последнее из которых было малоупотребительным в казахском языке в сравнении со словом «шежIреи» /см. М.Аспысбес.*

Этнологическая интерпретация истории Казахстана по материалам шежире казахов. - Караганда, 2000. - С.30-32/.

41

рактера. Образ такого информатора описывает еще в XIV в. Рашид ад-Дин:«... бывает историк происшествий и повествований, которые он описывает и устно излагает, ни одно /из них/ воочию не наблюдавши, так бывают и такие /историки/, которые являются участниками происшествий и событий, то история происшествий у них будет такую, как она рассказывается на основе личных наблюдений, /а/ не понаслышке... когда сведения передаются из уст в уста и которая является причиною науки; в сведениях такой передачи нет никакого сомнения» /211.-Т.1.-КН.1.-С.48/.

Подтверждением может служить еще и высказывание М.-Ж.Копеева: «А вот еще. Казахи, как начинают говорить о прошлых временах, так сразу начинают свою речь с формулы *«но-тй-кызак^заманы»*. Мы спрашивали у многих «кария» о смысле словосочетания «времена ногаев и казахов», на что те отвечали, что изначально казахи и ногайцы одного генеалогического корня».

В.Юдин пишет, что комплекс исторических сведений устного характера «представляет собой как бы сборники исторических рассказов - «глав» исторического значения кочевников Дешт-и-Кыпчака. Эти рассказы- главы имели специальное название - «кэр! сез» - «старое слово», «древний сказ»*.

Для выяснения значения слов «кдры - кария» уместно обратиться снова к «Казахскому шежире» М.-Ж.Копеева: «У наших казахов /«бІздібул казакта» - оборот речи, выражение, характерное в разговоре казахов -Ж. А./ нет конкретной, словно выгравированной в скале истории. Не придавали они значения ни письму, ни чтению, поговаривая «полагающийся на чтение - забывчив, полагающийся на письмо - ошибается». Отсутствие грамоты и письма обернулось для казахов отсутствием их письменной истории. Однако, прозорливые и прилежные души, внимательные и благородные «*куриялар*» /мудрые/

*В.Юдин также понимал значение слова «кары, кария» не иначе, как казахское слово «Кари».

42

не забывали услышанное, имея хороший слух - память, всей душой внимали сказанному, благодаря им услышанное запоминалось, увиденное передавалось из уст в уста, от первых к последующим, от начальных к последним, дошли до нас». Функциональное, практическое значение казахского шежире и содержащихся в нем историко-генеалогических сведений заключалось в их востребованности в регулировании общественно-политических отношений кочевого государства. Именно в них следует искать те специфические атрибуты государственности кочевников, которые не характерны другим типам политической организации. Прямой пример нам видится в институте регулирования родственных отношений. В шежире казахов как в единой генеалогической системе сочетаются элементы фиктивного и действительного родства. Это было замечено еще С.П.Толстовым: «несмотря на внешнюю стройность, как бы формирующую традиционную структуру естественно выросшего племени, генеалогия Махмуда Кашгарского и Ра-шид ад-Дина несут на себе печать искусственной конструкции, освещающей родословные традиции исторически сложившегося объединения племен»/234. - С. 198/.

Таким образом, казахское шежире представляет собой комплекс историко-генеалогических знаний по истории Казахстана, и в этом отношении, безусловно, оно является главным историческим источником в исследовании древнего и средневекового периодов. В отображении исторической действительности прошлого для казахского шежире характерны некоторые проявления мифологического сознания. Обычно под мифом принято понимать древние народные сказания о легендарных героях, богах.

В шежире невозможно увидеть глобальные мифы вроде мифического божественного пантеона древнегреческой мифологии. Но отсутствие стройной мифологической конструкции успешно заменяется и восполняется многочисленными сверхъестественными, мифологическими элементами, сопровождающими исторических лиц - героев прошлых времен.

Миф в шежире выступает как инструмент сакрализации

43

личности. Это характерно даже для шежире XVIII-XIX вв. Машхур Жусуп, описывая Жидебай-батыра в цикле преданий о казахских рыцарях, приписывает ему мифические черты, выражающиеся в наделении исторического лица сверхъестественными способностями. Он пишет: «То было время тяжелое, когда каждый день казахам приходилось воевать с калмаками. Однажды Жидебай-батыр услышал, что в соседнем ауле гостит Каракерей Кабанбай. Во сне приснилось Жидебаю, что его будит Дос-батыр /дед Жидебая, убитый калмаками! и велит ему пойти и получить благославление великого батыра. Когда Жидебай, мальчик семи-восьми лет, прибежал к аулу, батыр со своими нукерами седлал коней; он приблизился к Кабанбаю и поздоровался с ним. Кабанбай-батыр спросил его: - В путь добрый тебе, мальчик! Куда же ты собрался темной ночью?

Мальчик ответил:

- Имя ваше популярно и известно всем. Хотел бы я получить ваше благославление!

Кабанбай-батыр отвечает мальчику:

- Что же, можно тебе дать мое благославление, мальчик. Есть у меня четыре алмажая*, одно из них я даю тебе, возьми!

Оказалось, что «одним» является невидимая красная лисица.

Алтеке-Сарым Жидебай-батыр был знаменитым батыром Аблая, который в то время являлся ханом всех трех казахских жузов. Он мог в самую безлунную темную ночь совершить переход, ориентируясь, будто в ясный день». Далее говорится о том, что причиной такой сверхъестественной способности Жидебай-батыра, когда он мог очень легко найти потерявшуюся в степи вещь /даже ночью/ была невидимая красная лисица, якобы всегда сопровождавшая батыра.

«Человек, посланный Аблаем, чтобы убедиться в существовании ее, заглянул за

**Алмажай - особенное свойство характера и натуры выдающихся людей. Имеют магическое объяснение и происхождение.*

44

пазуху спящего батыра и тот час же ослеп», - говорится в предании.

Особенность казахского шежире заключается в его нацеленности на личность.

Личность, в данном случае - герой, наделенный сверхъестественными свойствами, вобрала в себя коллективное деяние. История сконцентрирована в характере и поступках героя, он как бы олицетворяет дух своего времени. Таким образом, шежире не только повествование о прошлом, но и важнейшее воспитательное средство. Культурный герой в шежире, как правило, превращается в божественного духа и служит объектом подражания и поклонения нового поколения.

Наличие мифических элементов в устной историологической традиции, что является продуктом кочевнического миро-видения и восприятия окружающей среды и происходящих в ней событий, заставляет многих исследователей усомниться в достоверности исторических сведений в преданиях. То, что

А.И.Левшин писал в XIX в. о казахских преданиях: «различие их /казахских преданий -Ж. А. /в порядке хронологии рассказа... в именах лиц и названиях мест так велико, и истинные происшествия заменены столь многими выдумками, что принятием оных за основание мы бы обратили все сочинение в собрание исторических мечтаний», - популярно и ныне /153. -Ч.З.-С.30/.

Исходя из особенности казахского шежире- насыщенности мифическими чертами - мы приходим к выводу о важности развития метода дешифровок основной информации, дошедшей до нас в устной историологии в виде определенной кодификации. То, что мы называем разработкой изучения шежире, на самом деле означает поиск ключей дешифровки основного содержания.

Афинский философ Критий *N* в. до н.э./ говорил, что люди выдумали богов, чтобы внушить другим страх и заставить их исполнять законы. Когда мы сталкиваемся со случаем обожествления образа Чингисхана в истории - это обычный случай приписывания мифических черт исторической личности. В

45

преданиях говорится, что Чингисхан родился со сгустком крови в руке, что он потомок небесного божества, сошедшего сверху и соединившегося с овдовевшей Алан гоа - праматерью Чингисхана. Интересно то, что эти сюжеты нашли свое место в казахских исторических преданиях и шежире*.

Несмотря на явную прагматическую сущность мироощущения и деятельности в казахском шежире существуют различные мифические мотивы. В одном из них /этиологическом/ ставится задача воссоздания утерянных элементов целостной таксономической системы. Такая попытка в конечном итоге реализуется в форме генеалогической истории.

В других /антропологическая система мифических представлений/, основной задачей является освещение проблем происхождения генеалогии, они составляют систему знаний о первопредках, о родовых и племенных связях. Антропологические мифы шежире объясняют происхождение человека либо как трансформацию тотемных животных, либо как часть, иногда более совершенную, других существ. Так, происхождение легендарного Едиге, ногайлинского времени, преподносится в мифологизированном сюжете происхождения от Баба Тукласа и пери.

Шежире также выступает в качестве своевременной системы героической мифологизации. Героический сюжет фиксируется в шежире как важнейший момент жизненного цикла или исторического движения времени вообще, в них присутствуют мотивы чудесного происхождения исторических личностей, описание их подвигов и прочее.

**Сюжет о чудесном рождении относится к категории «кочующих» и означает божественный знак, избранность конкретного рода и семьи. В период усиления Аблай-хана, когда его власть практически начала выходить за границы казахских жузов, появляется легенда о том, что его сын Касым-торе, родился со сгустком крови на ладони:*

Сетцатацер Касым,

Туюнында анадан

Кан шенгелдеп туыптыгы. /XIX г. Нысанбай жырау/

46

В образе предков в казахском шежире выступают мифические фигуры Алаша-хана и Огуз хана /точнее Уыз-хана/. Так, в шежире М.-Ж.Копеева Уыз-хан - это культурный герой. Маш-хур-Жусуп Копеев пишет: «Мы приходим от потомков Уыз-хана. По велению того самого Уыз-хана была сделана первая казахская юрта /киз уй/. Поэтому казахи прозвались «Киз туырлыцпы казак, уыз уйм».

Для казахского шежире чужды точные хронологические ссылки. Специфика степной историологической традиции заключается в игнорировании категории точного исторического времени. Временное определение ограничивается понятиями «еткенде», «баягы заманда» *Мене, ескт/*, которые уже сами по себе придают этим историческим повествованиям характер, а не истории по европейским понятиям. Естественная причина отсутствия временных определений исходит из космогонических представлений тюрко-монгольских или вообще восточных народов, когда за основу летоисчисления был принят двенадцатигодичный цикл, ориентированный на звезды.

В.П.Юдин, рассматривая «чингисизм» как явление в некотором своем роде

конфессионального характера, полагает, что начало чингисизма превращается в начало «новой эры» этой цивилизации. Он пишет: «Тюрко-монгольские народы поставили в центр своих представлений о происхождении мира историю рода Чингисхана - эта история «новой эры», а история до Чингисхана - «история до новой эры». Эпоха Чингисхана для них стала точкой временного отчета, т.е. тем, чем и является эра»./241. - С. 17/. Если учесть, что шежиры богат такими историко-мифическими героями как Алаша-хан, Уыз-хан и др., утверждение В.П.Юдина можно принять лишь условно. Малозначимость точных хронологических установок в степной историологии всегда компенсируется приблизительным временным соотношением исторического события и времени на формально-условные распределения временных периодов исторического времени типа «*ерпге заман*», «*ертец*», «*ерте-ергпед*», «*кене заман*», «*атом заман*», «*бертт*», «*кунI бугт*».

47

Однако коль персонификация становится стержнем истории, то и историческое время зачастую отождествляется с эпохой легендарной личности. Так, в истории Великого степного пояса можно условно выделить следующие эпохи:

- время Муг (мык заманы) - период камня;
- время Алаша-хана - период энеолита и начала бронзы;
- время Уыз-хана - период сакско-гунской истории;
- время Чингисхана - период тюрко-монгольской истории;
- время Аз-Жанибек-хана - период золотоордынской империи;
- время Токтамышша и Едиге - период кризиса ордынской истории;
- время Касыма и Хак-Назара - период узбеко-казахской истории;
- время Есим-хана и Аз Тауке - период усиления Казахского ханства;
- время Аблай-хана - период казахско-джунгарских войн, -эпоха рыцарства;
- время Кенесары - период антиколониальных войн, борьба за независимость.

Историческое время в миропонимании и философии степных народов представляется циклическим, события развиваются стадияльно и замкнуто. Каждая историческая эпоха - отдельная великая личность, история выступает как круг времени, не имеющий ни начала, ни конца.

С другой стороны, генеалогические поколения сами по себе представляют хронометрический инструмент. Традиционное определение семи колен в традиционной культуре казахов составляет период времени от 1/5 до 1/4 тысячелетия.

Бесконечность пространства потребно и согласно духу кочевых этносов. Номады живут в постоянном движении, расширяя территории которые составляют их жизненное начало. Пространство /просторы/ для кочевников представляет собой самый ценный фактор.

Мобильность кочевников позволяла им осваивать огромные

48

территории Евразии. Для кочевника не могли существовать какие-либо искусственные барьеры. Границы пространства кочевников ограничивались естественными геоклиматическими условиями, экологической средой, возможной для ведения хозяйства, осуществления жизнедеятельности, количеством пассионарной энергии. Поэтому земли, на которые ступили копыта коней кочевников - «*ат туягы*» - считались их территорией. Пространства Центральной Азии в шежиры подразделены на земли: Дешт-и-Кыпчак /Сары-Арка/, Жидели Байсын, Жетису и т.д. Родовое начало придает порядок хаотичному расселению кочевников в пространстве, оно не ограничивается пределами конкретной

политико-территориальной организации. В пользу этого явления говорит и употребление по отношению к территориальному началу понятия «*журт*», что само по себе шире понятия «ел». В первом термине - «*мсурт*» - заложено зерно всеобщего единения /сравнительно, «*к,удайдыц жерI»I*.

Анализ многих письменных вариантов казахского шежире позволяет нам определить существование различных традиций интерпретации шежире. Среди них мы можем подчеркнуть наличие западных, восточных и традиционных мотивов. В образцах интерпретации шежире Шал-акына, Нуржана Науша-бая и Машхур-Жусуп Копеева господствует традиционная интерпретация, отличающаяся ориентацией лишь на сведения, бытовавшие в степи. Он писал: «нынче повествующие о шежире переводят: одни из китайской истории, другие - от русских авторов. Насколько это оправдано и может ли быть достоверным для казахов?». Машхур-Жусуп - традиционалист и утверждает, что история народа должна исходить из его собственной памяти и воспитывать его собственное историческое самосознание.

Историологические традиции Ш.Кудайбердыулы и М.Ты-нышпаева тяготеют к западной историографии. Они, ориентируясь на исследования Н.Аристова, В.Радлова и прочих европейских авторов, привносят в казахское шежире западные элементы интерпретации истории.

49

Тяготение к традициям восточной историографии в трудах К.Халида объясняется сильным влиянием арабо-персидской культуры, где Курбангали пытается найти корни истории и культуры казахов. Многие понятия он считает в генезисе арабскими или персидскими, нашедшими свое место в культуре казахов, широко использует восточную историческую литературу и в определении исторического времени ориентируется на мусульманское летоисчисление, которое не характерно для других его современников.

В последние годы идет активная работа по изданию различных материалов, относящихся к своду казахского шежире, наибольшую ценность среди которых имеют сведения, собранные М.-Ж.Копеевым. К сожалению, основная часть этого уникального собрания, известная как «*Крра мес*» до сих пор не издана. Некоторые попытки наших филологов опубликовать шежире Машхура не отвечают требованиям научной компетентности.

К числу таких попыток относится подготовленное для печати Сарсенбы Даутовым «*К,азак. шежгреа*». Во-первых, «*Крзак, шежIреа*» издана без научных комментариев, во-вторых, без соответствующего научно-справочного аппарата, в-третьих, из-за неразборчивости редактора в текст вкралась масса ошибок и опечаток. Укажем для наглядности на некоторые из них:

Отпечатано /в изд. 1993г./: Должно быть /в рукописи:

- 1 .Жау талмага.. .кшд жуз
- 2.фусырман
- 3 .рум-бутагымыз
- 4.турIк, онан тутж, онан кой,
онан кшк, онан едшше, онан
алтыншы, онан магол татардын
- 3.Шэюр-Шаирттеп
- 6.Тимеш Куандыкта
- 7.Тысарып деген кала
- Жау таламаган .. .Кiiii жуз с. 10
- Мусылман с. 11
- урым-бутагымыз с. 12

Турж, онан Тугае, онан К, ой,
онан Киж, онан Едшше, онан
Алынша, онан Магол, Татар... с. 12
Шэюр-Шэюртэттагы с. 13
Темеш Куандыкта с. 19
Царев деген кала с.54

50

Чтобы избежать возможных ошибок нам приходилось постоянно обращаться к рукописному варианту «Кдзак, шеж!рес1» М.-Ж.Копеева, имеющемуся в личном архиве. Вывод может быть только один - работа над изданием различных вариантов казахского шежире должна, прежде всего, предполагать у редакторов научную подготовку, знание истории Великого степного пояса Евразии и, что немаловажно, добросовестного отношения к рукописи.

Немало ошибок, вызывающих недоразумения, обнаруживается и при ознакомлении с «Шеж!ре» Ш.Кудайберды-улы. Впервые оно было издано в 1911 г. в Оренбурге. Перевод на современную орфографию /кириллица/ был осуществлен в 1991 г. кандидатом филологических наук Сарсен-бы Даутовым и опубликован в журнале «Жулдыз».

Во-первых, при подготовке нового издания выпали из текста целые абзацы /см.: Оренбург, 1911.- С.4, 73, 101; Жулдыз, 1991. -№1.-С.69,91,100/.

Во-вторых, перевод пестрит массой грамматических ошибок.

Отпечатано /в изд. 1991 г./ *1.ламфарфт*

2.шис-Тауратта шейт деп 3.Шеж!ре жазтндар кейде сен деп эжазды 4.Жартасты ертеп 3.Нурдан таптым дегет шатая айттылтнт уксайды 6. Раиса яки Саха аталюн бу-рын/ы туріКті худы 7.Алты айдан вте кашып

8. Опiвiр

9. Еск1 һаріверт Ю.Марк Керел заманында П.Фарюн Нам Сагдиян 12.Еабн, Нура басына шейт 13.ШЫНЫС бектертде 14.КерейдиқКерш танбасы

Должно быть /изд. 1911 г./:

лам харфт с. 7-69 шии Тауратта шит деп с. 7-69 Шеж!ре жазтндар кейде се деп жазады с. 7-69

Жартасты отпен ертеп с. 8-70 Нурдан таптым дегент шатак

айткант уксайды с. 11 -71 Фи-ся, яки Саха атантн бу-рынгы бартн туріКті куды с. 14 - 72 Алтайдан вте кашып

Оцугур с. 16 - 72 Еск1 гурыптарын с. 18 - 73 Марк Аурел заманында

Фертн Нам Согдыян с. 20 - 74

Ебт - нур басына шейт с. 46 - 83

Шыщыс бектертде с. 44 - 82

Керейдиқкреш тая/басы с. 59 - 87

51

15.Ибрахим мырза...хакма Кiд Ибрахим мырза хак1м Кiд

16. Томин

*17.Эм1р Хасенниц взт ептірiп,
оwііwпi алды. Хорезм, Каитр,*

Батун Мауреннахырды альт 18.Хызыр деген бір патшалык 19. бишойт калмак с. 72-91 Тумын с. 80-93 Эм1р К,усайынның взт ептірiп, Балхты алды. Хорезм, Каитр,

бутт Мауреннахрды альт с. 77 - 93 Хазар деген бір патшалык с. 97. - 99 бінеуіт кюлмак; с. 101 - 100

20. Рылымдыкпен ел алса, оза ма, Зулымдыкпен ел алса, сол оза ма, Манайынъцбзрт де оттай ишрпып. Мацайынъцбзртде оттай шарпып. с. 104 - 113

Еіреу жуур алдап альт, кайта малтып Жалындай таска жакх/ан кунде шалкът.

Последние две строки вообще выпали в последнем издании (1991 г.) «Шеж!ре» Шакарима*.

Таким образом, наше краткое и беглое сравнение первого издания «Шежіре» Шакарима с переизданными в наше время текстами обнаруживает огромное количество ошибок. При переводе на русский язык данное шежіре обросло еще большим количеством отклонений от текста.

Состояние наших источниковедческих работ и тексты исторических материалов, издаваемые в наши дни, ставят исследователей в незавидное положение.

Искажение подлинного смысла источника нередко ведет историков к непредсказуемым выводам, к явной дезинформации и т.д.

Роль шежіре в изучении этноциальной организации. Шежіре является не только базовым источником для изучения

** К сожалению, наше сопоставление Оренбургского издания 1911 г. с полным собранием сочинения Шакарима (1988) также указывает на ошибки при переиздании издания 1911 г. переиздание 1988 г.*

*Еіреу жура алдап алыт,
кайта малтып,...*

*Еіреу жура алдап алыт
кайта малып,...*

*Ръыым гзден жабжаттык
майдай балкып*

*Ръыым іsден жап-жатык
майдай балкыт.*

52

истории Великого степного пояса, но и одновременно оно адекватно отражает его внутреннее устройство. Заключение в шежіре историко-генеалогические материалы скрепляют воедино суперэтническую конструкцию степных образований. В русскоязычной исследовательской традиции это явление впервые было замечено Ч.Ч.Валихановым. Значение своеобразного генеалогического устройства казахского народа было им описано следующим образом: «Вот родоподделение киргиз /казахов-Ж.А./ в том строго неизменном порядке, как принято у них. Самый порядок разделения, обуславливая собою право старейшинства и силу племени, что и, по понятию киргиз, выражается правом физического первородства предка, имеет большое значение в их родовом праве и принимается совершенно в генеалогическом смысле: посему форма отношений орд с ордами и родов одной орды между собою соответствуют правам кровного братства, а отношения родов к своей орде - отношению сына к отцу, к старшему роду старшей орды - отношением племянника к дяде; всего более характеризуется этот патриархальный родовой быт отношением в диспутах степных импровизаторов из разных родов о превосходстве и старейшинстве своего предка...» /65. - С. 148/.

Наши материалы по казахскому шежіре показывают, что в традиционном обществе оно имело функциональное значение как идеологический механизм регламентации генеалогических отношений и других сфер общественной жизни, являющихся стержневыми. Принцип родства лежит в основе механизма самовоспроизводства и самоконструирования этноса, придавая определенный порядок разнообразию жизненных ситуаций. Тем самым хаотическое движение этноса в пространстве и во времени приобретает определенный смысл и порядок. Этот порядок, построенный на регламентации родовых отношений, неплохо интерпретирует К.Халид, один из известных генеало-гистов конца XIX - начала XX вв.: «... *Ұлы жузден Үсіп, Кіуі жузден Алышын туды. Уйсын ұлдарынъц штде аршындысы Жалайыр, Алышын балаларыныцак^тдысы Жаппас болган соң, аталтнда аталарымен катарластыры «Үіст-Жалайыр»,*

53

«Алышын-Жаппас» деп қрсарланып айтытды. Казакта «цурбы, тургы» деген ем сев бар, «хурбы жасы катар», «турт» - кара-ма-трсы, тустас, деңгейлес адамдар. Мысалы: Үсіп мен Алышын турида бірдеу, ал Жалайыр Алышынмен бір жылда туып туыскан болса, қурбылас деп айтылады, тургылас де-мейд I АНbifbipazтустdipy уштмысалы: Үсіп мен

Алшын бір жылда тумаса да тур/ылас, яти улкендт атак,-дережесі Гпрдей тіпті екеутиц арасы бірер ж уз жылт айырма болса да, турфвиіас. Уйтге Жаппас туртылас бола алмайды, тіпті онан бурын, я кешин туса да тур/ылас емес ...»/2П. - С.92/.

Генеалогические отношения основываются на реально действующих родовых связях и иерархии, за которыми зримо выступает само своеобразное государственно-политическое устройство Казахского ханства. Родовая структура казахов не ограничивается пределами действия границ этноса и государства. Социокультурное пространство, на котором действует система родства, выходит далеко за пределы политико-территориального организма, как основополагающая ценность вообще кочевой цивилизации Центральной Азии.

Иерархическая структура родового устройства как основа этносоциальной организации казахского общества институционализируется в политическую общность. Высшие таксономические уровни родства совместно с политическими группами реализовываются как потестарно-политическая организация. Как пишет Р.Г.Кузеев: «разработка структур родоплеменной организации упомянутых народов /казахов, каракалпаков, узбеков, туркмен, башкиров - Ж. А./по «полной схеме» создает многоступенчатую генеалогию с иерархической соподчиненностью, включенных в нее родственных образований различного порядка... в новое время, родоплеменная иерархия и сама генеалогическая структура организации общества, были не более чем идеологической надстройкой, отражающей былые генетические и политические связи, а также процессы этнической консолидации народа или его составных частей» /146. - С.92/.

Исторический анализ социально-политического значения

54

основных уровней родоплеменной структуры показывает ее мобильный характер, служащий политическим интересам. Таким образом, шежире - это и есть отражение идеологии данного общества и государства. Устное историческое знание при этом позволяет довольно убедительно фиксировать и хронологические рамки этногенетических процессов. Существовавшая у казахов нового времени трехсоставная структура с четко выраженным генеалогическим старшинством рода Жалайыр /*тарак, тси&шы жалайыр*/ сложилась, вероятно, в эпоху Золотой Орды, во времена правления Аз Жанибек-хана*.

Для выяснения особенности функционирования родовой организации и ее идеологии (шежире) мы рассмотрим внутреннюю структуру социальной организации. В основе традиционной этносоциальной организации находятся семейно-родственные группы «*ата баласы*». Это -экзогамное отделение, относительно небольшая группа кровных родственников. Диапазон действия этих групп достаточно широк, представляя собой объединение родственников от одного до семи и более поколений. Вообще, основополагающий принцип формирования общества закладывается именно на этом уровне родства. Во главе этой социальной группы стоят аксакалы - старейшины.

Но уже следующий уровень родства - род, выступающий как структурная составляющая этносоциальной организации

**Так, КХалид предполагал, что возрождение древнего триединого начала /уш ж уз/связано с именем Аз Жанибек хана. «Жетбек хан Байкотан-ныушуулын ушжузгезкетт, врк/айсысына тайпалардыбенген...»/247. -С.233/. То же самое подтверждает М.-Ж.Копеев: «Сонан соц/после Ала-уш хана/казакнотйлыныцханы Эз Жатбекке каратн. Ол казакты ев зацл-на, бетгмен жайытн калпына жгберген. Ұлы жуз Уист ат деп Уистнен датка сайлап, Жалайырдан кетермеш1 сайлатн...» /142. - С.29/. Причиной, почему золотоординский Жанибек был прозван Аз Жанибеком, и шежире, и письменные источники называют одну: «Жэнгбек хан вте вдиц шарш мэселелерге жетши кт болтндыктан, Эз Жднгбек хан лакабын алг-ан. Эз - 13 Жвн1бек деген сев, бул хальцкп аса вд1лд1гмен*

беделді болып быген...» /247. - С.234/. Подробнее см.: Артыкбаев Ж. О. Материалы к истории правящего дома казахов. - Алматы, 2001. - С.46-59.

55

/по казахской терминологии: ру/, является уже единицей политической.

Управление в данной группе находится обычно в руках определенной семьи, передающей эту власть по наследству. В нее входит определенное количество семейно-родственных групп, для координации действия которых и выбирается эта правящая семья. На этом уровне кровнородственное родство уступает свое место генеалогическому. Каких-либо строгих границ, ограничивающих число поколений, численность населения или территории, в нем нет. Действие определяется стечением обстоятельств, в первую очередь политических и территориальных.

Далее в этносоциальной организации представлены уже другие таксономические звенья /арыс, тайпа, жуз/, представляющие значительные союзы и сообщества.

Р.Кузеев пишет: «в ряде случаев трудно или невозможно отличить родовую организацию от племенной». Действительно, в данной схеме родовой уровень в классическом варианте совпадает с семейно-родственной группой. Там именно сохраняются все атрибуты кровнородственно-родового общества.

На уровне жузов интегрируются в общность уже многие субэтнические группы и социальные страты. Вместе с тем, примеры такой общэтнической интеграции различных сословных групп мы можем наблюдать на уровне крупных союзов племен /аршннъцкожасы, уйанництвреа и т. д./.

И, наконец, в шежире закладывается фундаментальное начало единения народа и государства. Казахское шежире содержит ряд уникальных преданий мифического характера, правда, не лишенных исторических подоплек, предназначение которых - обоснование единства народа и целостности государства. Это, прежде всего, легенды об Алаша-хане - мифическом первопредке и правителе казахов. С его именем связан этнопо-литический и социальный порядок в обществе.

подавляющее большинство легенд этого цикла представляют родоначальниками трех казахских жузов /Ұлы жуз, Орта жуз, Кіші жуз/ сыновей Алаша-хана: *«Баяшда бір хан болыпты. ол елдісал-тында егер бала алапес болып туса, еңтіреді екен. Тіпті отыртн жерт орнын, да шауып тастайды балтамен. Содан*

56

бірі Күні ханның вйелі ала бала туыпты. Оны хан/а быдәрмей есіріпті. Кундердицбг кунгханяг осы сырын айтып қрыпты. Хан ашуланып воланы влтгрмекизг болыпты. Содан тиеіесі баласын кашырып жгберттг. Кундердиц кунтде сол баланы гздеп ж уз Кісті жгбередг. Олар щита келмеген соң- тагы да жуз Кід. Осылайша адом саны уш жузге жепйтп. Осы уш УК уз жкпке Апаша баланъцуш улы иемк етіпті, осыдан казак;-тъцуш жузі шытды». В других вариантах шежире мы встречаем более

подробные сведения о происхождении казахского народа. Так, по шежире К.Халида: *«Еір ханның улы алапес болуны ушт қасына жуз Кісті қосып, щладан шытрът жІбе-реді. Олар сахара мен тауларды мекендеп &мр суріп, одан ке-руендерЫ тонап тыным бермеген. Оларды тыймак, болтн хан тагы да жуз жасакты жІбереЫ. Алайда булар барса, керсе, еверіКтері взІщтигенопарбайыпалтн, тамакток» жаскы кит, ат-эбзелдерІ сай, алацсыз кун кешуде екен. Келгендер де соларт қрсылады. Хан тагы ушжуз Кід ЖІбередІ, булар да қрсытып, осыдан уш. жасак;к,уралады... Ала ханю еркенттен «Алаш», жалпы саны уш жуз болтндыктан «Алаш уш УК уз» болтн decedi»/141. - С. 56/.*

Эти сведения находят подтверждение в других легендах. В то же время, при интерпретации шежире поздними знатоками, в эти коренные казахские исторические

повествования вкрапляются библейские /мусульманские/ сюжеты: «*Ракаша сакаба балалары сакпраю шыгып, мал багып, кешпелі деп айтып еди, - повествует казахская легенда, - Ракашанъшулы Кабыл, онъщ улы Матз, онъцулы Сайыт, одан Ақицолпан, одан К, урай... одан Жайылхан, одан Маухф>і, одан Эзбек пен Ыспан.*

Ыспаннан сорт халк^ы тарайды. Озбектицбаласы сегіз еді - Туркмен, %ыришз, Кара колпак Кцят, К^гзыл аяк^ Кайшы-лы, Крнакцы, ецишит Алаш еді.*

Алаш улкен орында калып бай болып, малы куп болтндыц-тан ораза-намазды керек кылмай каза кыла берген себепті «казак:» деп атапты. Казак, деген свэ арабша салак, деген свз екен. Казактын балалары: Кара К, улымбет, онъщ баласы

57

Кутанбай. Онъщ балалары: улкет Уйст/Ах; Арыс/, ортанышы-сы А кжол /Жан Арыс/, Китуісі Алыын /Бек Арыс/».

Основная задача всех этих генеалогических повествований заключается в укреплении единства основных составляющих казахского этноса - трех казахских жузов. В этом же цикле легенд /«*Бул казак, кайуакытта уш жуз болтн?*» и т.д./ параллельно к основному сюжету излагаются материалы, характеризующие систему родства казахов, обретение родовой территории. В некоторых вариантах шежире содержатся буквально описания всех более или менее известных топонимических названий и мест.

В корпус материалов по шежире входят большие своды ди-настийных сведений и схем /ата тарату/ различных субэтнических /сословных/ групп казахов. На наш взгляд, наиболее разработаны генеалогические материалы по группам «*торе*» /чингизиды/ и «*ходжа*» /потомки пророка/. Мифические и легендарные сюжеты, сопровождающие эти генеалогические своды /схемы/, обосновывают необходимость и целесообразность общей модели этносоциальной организации. В конфигурацию этносоциальных организаций казахов, кроме вышеназванных, входят многочисленные группы иноэтнического происхождения, значительная часть которых находилась на различной стадии ассимиляции и адаптации к базовой трехсоставной системе. Таким образом, в шежире заложен механизм, позволяющий регулировать взаимоотношения между различными родовыми сегментами казахов, а также с субэтническими группами, находящимися в определенных структурных дистанциях с основными частями этноса. Шежире возлагает на социальную группу «*торе*» в большей мере политическую миссию, обосновывая их привилегированное положение. В этой связи достаточно проанализировать легендарное происхождение Чингисхана в казахских исторических преданиях: «*Вір Алтын бел деген хан болтн, - так начинается повествование о сверхъестественном начале рода Чингисхана, - Сір кундерг ханныц каты-ны к, урсакты болды. Еір уакытта бір кыз бала келтірді. Аи*

58

десе аузы, кун десе квзі бар... Содан соцкемтр бул баланы /кызды/ карац!ы теіір уйге салып асырайды. Сол кыз бір Кундері ержетт есті... Кемтр бул х^гзды тыск/а шыкграды. Шытрюнсоцкызжаръцдуниеткврт, вне-бойы биш&t, есі ауът қлды. Сол тыека шыкканда.. Алланъщеишртен курсанты болды.

/Экеамен шешей/ кызын бір алтын эбдгреге салып, аузын жауып, іііте азык, салып, кишт сыртына байлап акт жа-ткан дарияю салып кря бердг... жІбектен жт есіп, ок,ка байлап Токтагулмергенатты. Обдірепні тартып су дан шытрып алды... Бала ержетт, есті. О>зІжаксы, адіп болды. Соп баланы ц атын Шыщыс пройды. Сол Шыщыс патша болды, эды болды. Ктге зулымдъц кылмады, зорлъщ %ылмады, журт тыныш болды. Елде урлык» етірт жок болды. Улеііесі Шы-щыстан кейт уш ул бала туды. Ол уш бала ержеттІ. Ер жет-кен со ц Шыщыска зорлъщ цылды... Терт баласы шешесте келді ЕірісіМен боламын патша жене бгртмен боламын dedi. Тертеуі таласып келді Терт баласына ііеііесі айтты: - Беріц де мешцбаламсыц, сендер таласпацдар, мен тертеуінді эды шаритт кылайын. Мына сагымт садаъцды Іл. Са/ым са-дактарыцды квтерсе,

сонъцпатша бол. Тертеуі анарын са-ымт садактарын иіді. Ушеутц садактары жерге тусін жерге тусін Кетті. Манат Шыщыстыц садагын кетерт турды».П43.-С.91-95/.

Шежире закрепляло в общественном сознании сакральность политической структуры традиционного общества, представленной в лице субэтнической группы - торе. Соответственно, к торе относились как к некоему инструменту, необходимому для выполнения этноинтегральных функций и олицетворения политической целостности общества. Во всех основных вариантах шежире стержневые сюжеты связаны с выщажившимися историческими /или легендарными/ личностями. Через описание их деяний шежире повествует об истории Великой степи, и окончательно закрепляет и санкционирует сложившуюся систему социального и политического порядка.

59

Таким образом, основная задача шежире заключается в обосновании существующей этносоциальной структуры общества. Основные идеи, заложенные в шежире, и их мотивы свидетельствуют о том, что мы имеем дело с идеологией традиционного общества.

60

Глава II

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

1. Проблемы периодизации

Человеческая жизнь трехмерна. В каждую долю секунды человеческое сознание оперирует трехмерной системой координат времени - прошлое, настоящее и будущее. В этом заключается залог целостности человеческого бытия. Это распространяется как на отдельные человеческие популяции, так и на все человечество. Впрочем, это не исключает многообразия человеческой истории, своеобразную специфику восприятия времени у отдельных народов. Тем не менее, у всех народов самые священные образы связаны с прошлым, это особенно заметно у народов Великого степного пояса.

Историческая мысль всегда стремилась периодизировать исторический процесс, найти его закономерности, поскольку она служит более точному объяснению как отдельных исторических событий, так и пониманию хода истории. Периодизация в самом общем ее рассмотрении не что иное, как определение временных свойств того или иного исторического периода. Научная периодизация есть крупное обобщение хода истории и как всякое обобщение имеет характер условности. Всякая периодизация группирует материал по определенным законам, которые должны отражать, прежде всего, его архитектуру. В конечном счете, каждый историк, по необходимости воссоздавая панораму истории, выступает одновременно в качестве архитектора и строителя. Впрочем, все зависит от истинности критериев. Здесь существуют различные принципы и мнения в виде историографических традиций /см. предыдущие разделы/.

Для казахской историологической традиции основным принципом систематизации служит цикличность. Шежире из-

61

лагает историю посредством описания деяний величайших личностей, их можно было бы назвать эпохальными личностями, выступающими в качестве основных творцов истории. Таким образом, основным критерием изложения истории является ее персонификация. В чем-то эти критерии созвучны сегодняшнему пониманию роли истории в жизни человека: «История - наука о людях во времени. Время истории - конкретная и живая действительность, плазма, в которую погружены исторические феномены, среда, в которой они могут быть понятны», - отмечают исследователи /200. - С. 50/.

Средневековые исторические сочинения Востока в центр исторического времени и

пространства также ставят личность. «Правило и обычай мудрецов и ученых таковы, чтобы великие события, добро и зло всякой эпохи датировать своим числом, чтобы после них у /их/ проницательных потомков и у последующих поколений был бы определенный авторитет /основанный на прошлом своего народа/, чтобы обстоятельства жизни прошлых веков стали бы известны им в последующие периоды, чтобы посредством этого остались навсегда на страницах времени повествования о знаменитых государях и счастливых властителях, потому что /последующие/ события и происшествия стирают и изглаживают это по прошествии месяцев и дней и на протяжении эпох и годов», - пишет Рашид ад-Дин /211.-Т.1.-КН.1.-С.65/.

В западной исторической мысли ещё с античной эпохи господствовали представления о трех стадиях развития человечества. В наиболее завершённом виде, на наш взгляд, они были преподнесены представителями эволюционистической школы /середина XIX в./. Господствующим принципом систематизации истории на Западе стал принцип линейности, в соответствии с которым история человечества рассматривалась как необратимый поступательный процесс. Ранние эволюционисты, вслед за ними и марксисты, выделяли в истории три последовательных фаз: дикость, варварство и цивилизация.

В содержание периодизации в качестве стержнеобразующего элемента, они заложили уровень развития производитель-

62

ных сил /средства добывания пищи и т.д./. Вместе с тем у Л.Моргана ступени развития /дикость, варварство, цивилизация/ обозначены терминами из области этнических /введение понятия «этнического периода»//! 87. - С.329/. В истории развития человеческого общества Л.Морган выделил две формы организации /у него «план»/. В соответствии с этой схемой вторая форма /план/ характеризуется такими отличительными чертами, как стремление к наживе, богатству и в конечном счете неминуема гибель этого общества. В отличие от Л.Моргана его коллега Э.Тэйлор/с его именем связано официальное признание этнографической науки и появление первых научных учреждений/ был оптимистом, предполагая, что человечество способно преодолеть кризисы: «Вся обширная область истории человеческой мысли и нравов показывает, что, хотя цивилизации приходится вести борьбу не только с остатками низших ступеней развития, но и с проявлениями вырождения в своей собственной среде, она оказывается, однако, в силах преодолевать и то, и другое и продолжать свой путь»*.

Теория развития и смены общественных формаций, разработанная в марксизме, следуя эволюционистским канонам, содержательную, смысловую сторону истории рассматривала в виде периодической смены общественно-экономических формаций/первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм/. С формальной точки зрения эта схема соответствовала разработанной уже к тому времени делению Всемирной

**В продолжение этой мысли Э. Тэйлор излагает основное кредо эволюционизма: «Вообразим себе, что мы видим культуру, как она в олицетворенном виде шествует по миру. Вот она иногда задерживается и останавливается на пути, нередко она отклоняется на такие боковые дороги... Однако, прямо или отклоняясь, путь ее направляется вперед... Попятный путь противен ее природе, ее ноги устроены не так, чтобы делать неверные шаги назад. И взгляд ее, и движение, устремленное вперед, являются выражением подлинно типических свойств человечества» /См.: Тэйлор Э. Первобытная культура./пер. с англ., под ред. проф. В. Н. Никольского. -М., 1939.- С.42/*

63

истории на древний /первобытность и рабовладение/, средневековый /феодализм/ и новый /капитализм/ периоды. В советской историографии утвердилось еще понятие «новой истории», связанное с победой социализма в России и триумфальным шествием его по миру. В соответствии с вышеуказанными установками марксизма история Казахстана

преподносилась в виде сменяющих друг друга общественно-экономических формаций. В этом русле наиболее завершенная матрица периодизации истории Казахстана была предложена в середине 50-х гг. XX в. коллективом Института истории, этнографии и археологии имени Ч.Валиханова АН КазССР на Ташкентской сессии. В докладе Г.Ф.Дахшлейгера, озвучившего основные положения периодизации Казахстана, были выделены соответствующие этапы, выдержанные в требованиях формационной теории. Впрочем, и тогда, и после совещания возникало немало вопросов из-за несоответствия предложенной периодизации с реальными контурами истории. Реалии степных обществ не всегда адекватно сходились со смысловыми категориями марксизма. В первом случае, недоразумения были связаны с такими формациями /обязательными/, как рабовладение и капитализм, во втором случае - характер развития производительных сил и общественных отношений в Великой степи не согласовывалось с навязанным понятием феодализма. Его в прошлой истории казахов в чистом виде не было /отсутствие земельной собственности, феодальной эксплуатации и т.д./. Этими причинами объясняется введение в научный оборот симбиозного /примиряющего/ понятия «патриархально-феодального строя», характеризующего традиционное общество казахов.

Немало интересного в рассматриваемую проблему внесли кочевниковеды. В связи с началом глубоких /и сравнительных/ теоретических исследований по кочевникам Евразийских степей, в скором времени выяснилось, что их история не укладывается в формационные схемы. Анализ хозяйства и структурных основ социальной организации кочевых народов с глубокой древности до начала XX в. не обнаружили существенных

64

различий стадийного порядка. «По основным социально-экономическим структурам и формам эксплуатации, равно как и по основным тенденциям общественного развития, древние кочевники евразийских степей были весьма близки к кочевникам средневековья и даже нового времени», - пишет Хазанов /245. - С.265/. Причины этого явления многие авторы видят в экстенсивности кочевого скотоводства, мало меняющегося с течением времени, и в его ограниченных возможностях. На наш взгляд, в кочевниковедческих исследованиях /Г. Марков, А. Хазанов и др./ авторы очень часто опирались на материалы позднейших степных обществ /XVIII-первая половина XIX вв./, переживающих сильнейшие перемены /можно сравнить с катастрофой/ и вступивших в эпоху заката кочевничества. Отчасти делаются выводы на материалах XV-XVI вв., на наш взгляд, также относящихся к неблагоприятным. Ч.Ч. Валиханов назвал этот период /после распада Золотой Орды/ временем «большого брожения». «В первой четверти XVI столетия в наших степях было большое брожение кочевых племен...» - пишет он /65. - С. 155/. Думается, что непрерывные движения степных племен и хаос, господствовавший в политической и социальной жизни, были временными явлениями, наступившими в результате кризиса и распада государства. Вследствие «смут и беспорядков в XV в. /степные племена - Ж. А./сдвинуты с коренных мест жительства и приведены в смутное, беспорядочное движение или бегство /босу/», - отмечает Ч.Валиханов.

Стабильное и мирное хозяйство степных племен строилось на сравнительно ограниченных пастбищных просторах, на чередовании пастбищ. Кочевание шло на определенных маршрутах /север-юг/ и основывалось на разумном сочетании пастушества и земледелия. Отчасти нормальная хозяйственная структура степных народов предполагала участие части населения в торговле с оседло-земледельческими регионами или в осуществлении контроля над трансконтинентальными торговыми путями. Государственность и преемственность в этническом развитии в ней сохраняется благодаря тому, что испо-

65

кон веков политические и общественные устои зиждились на разумном сочетании

пастушества и оседлости. Основной стержень развития истории проходит по меридиональной линии -/юг-север/. При этом опять же следует учесть и аспект обратимости хозяйственных основных хозяйственных укладов Великой степи. В хозяйственно-культурном менталитете степных племен одинаково заложены обе ценности - земледелие и кочевое скотоводство. Любая ситуация /политическая, природная/ делает из кочевника прекрасного земледельца и наоборот. Это доказывается многочисленными примерами из истории казахов.

Следует признать, что на той территории, где в XIX в. жили казахи, в обозримом историческом прошлом идет постоянная смена хозяйственно-культурной ориентации и генетическая связь насельников не прерывается. Усиление кочевничества иногда происходит не столько по природным причинам, а сколько благодаря притоку в степь /из Алтая/ нового кочевого населения.

В последние годы наблюдаются попытки выработки новых подходов в типологизации исторического процесса. Впрочем, эта проблема требует углубленных исследований на основе гносеологических подходов.

Историю степных народов нельзя анализировать с позиции способов производства, теории формаций, и вообще, измерять социально-хозяйственными мерками. В первую очередь, необходимо выдвинуть на первый план историко-культурные и религиозно-культурные факторы и переходить к многофункциональному анализу истории. Для современной исторической науки характерно широкое обращение к цивилизационным принципам периодизации истории. Форсированные поиски неформационного принципа, объяснения принципов устройства общества и исторических закономерностей идет и в казахской науке. Однако размытость в определении понятия «цивилизации» усложняет употребление этого слова. Тем не менее, в последнее время во многих исследованиях, относящихся к про-

66

шлому казахов, цивилизаторский подход актуализируется. В определенной мере в этом видится заслуга Л.Н.Гумилева, попытавшегося привести историю народов Великой степной зоны на цивилизационное поле.

Первые авторы цивилизационных теорий /О.Шпенглер, Дж.Тойнби и др./, разрабатывая схемы множественности культур, ввели в научный оборот понятие культурных суперсистем /цивилизаций/, которые не совпадают с государством, нацией или другими социальными группами. «Я называю это «социальными и культурными суперсистемами». Независимо от обозначения, все исследователи этого обширного «социокультурного континента» соглашаются в том, что они имеют здесь реальную, полную смысла причинную целостность, развивающуюся в зависимости от государства, наций или каких-либо социальных групп», - писал П.Сорокин.

В сущности цивилизационный подход обязывает историка дать разностороннее и цельное описание какого-либо общества с признанием, пусть и не всегда отчетливо сформулированным, взаимосвязи множества элементов, образующих ткань общественной структуры, множественности цивилизации и разных путей мировой истории.

К сожалению, в цивилизационных построениях западных ученых народы Великого Степного пояса Евразии выпали из схем. О.Шпенглер насчитывает восемь завершенных культур в истории человечества. Дж.Тойнби число цивилизаций довел до двадцати одного.

Общества кочевников включено ими в разряд примитивных народов /диких, варваров/, не имеющих истории: «Они имеют историю, только временами включаясь в оседлые цивилизации». Кочевничество, как особая форма взаимоотношения людей, общества и природы, остается до сих пор неизученным и недоступным для многих

исследователей.

В существующих цивилизационных построениях обнаруживаются довольно много противоречий, заключающихся в принципах классификаций. Так, исламская или православная цивилизации представляют, в первую очередь, религиозные об-

67

щности; иранская, мексиканская, русская и т.д. - продукты государственности и должны, вероятно, рассматриваться как государственные общности или цивилизации. В магическую цивилизацию, по О.Шпенглеру, автоматически включены гетерогенные культуры: иранская, арабская, сирийская, византийская и т.д. Утверждения О.Шпенглера, Дж.Тойнби и др. о том, что все цивилизации проходят органический цикл /рождение, рост, расцвет, подъем, надлом и т.д./ не всегда подтверждаются в реальности, /например, Китайская цивилизация/. В целом, складывается впечатление, что цивилизационщики не ушли далеко от ранних эволюционистов.

Нам импонируют культурологические подходы к периодизации истории. Одним из первых историков, пытавшихся объединить обширный разнородный материал истории и сгладить формализованные рамки предшествующих цивилизаций, был Г.Рюккерт. Он видел три ступени «большого исторического производства». На первой ступени происходит изобретение простейших орудий труда, одежды, средств питания, но в результате человек впервые противопоставляет себя природе. На второй - социальной ступени - возникают первые опыты человеческого общества, оформляются языки, обычаи, род, семья, государство, право, закон. Отсюда, по мнению Г.Рюккерта, зарождается третья ступень, которую он назвал «духовной».

В отличие от классификации Тойнби, основанной на избирательном принципе изучения человеческой истории и страдающей самыми поверхностными обобщениями, схема Г.Рюккерта предполагает действительно множественность, но с одной фундаментальной основой. Определяя культуру как основу человеческой истории, Г.Рюккерт называет ее всеобщим явлением, которое выражает самостоятельность и своеобразие человеческой сущности.

Оппонентом сторонников локальных цивилизаций /суперсистем/ был К.Ясперс. Он, как и Г.Рюккерт /немецкая школа культурных кругов/, предлагал придерживаться в периодизации типологии духовного развития Запада и Востока, на этой позиции им была построена так называемая осевая теория раз-

68

вития всемирной истории. В его типологии можно вычлени три периода истории человечества: дописьменный /так называемая доистория - от становления человечества до изобретения письма/; затем, наступает эпоха собственно историческая /или письменная/; с окончательной победой европейской культуры связано начало третьего этапа. Он предполагал, что с 40-х годов XX в. наступает эпоха универсализации /она понималась им как господство глобализации/*.

Еще более объективной видится схема человеческой истории А.Вебера, исходящая из «духовно-душевных свойств» как основы развития истории.

А. Вебер рассматривает периодизацию, исходя из внутренней сущности и структуры истории, - взаимоотношения между человеком и Землей. Вот основной критерий веберовской периодизации: с конца ледникового периода он выделяет три периода, которые совпадают с изменениями в тенденциях социальной структуры и политики, в процессе прояснения сознания, в мыслительном и техническом постижении существования. Первый длительный период /статический/ длится от 4000 г. до н.э. до 1500-1600 гг. до н.э. Второй период /динамический/ кратковременен - от 1500-1600 гг. до 1900 г. С 1900 г. наступает третий период, «заставляющий нас распрощаться со всеми существенными чертами предшествующей истории». По А.Веберу, первый

длительный период отличается тем, что в Евразии постоянно происходит давление переселений, которые идут от северных равнин Евразии. Результатами этого давления стали: а) возникновение областей древней высокой культуры и б) внешняя структуризация общей истории.

Коренной перелом наступает во втором субпериоде, начи-

**В исторической науке Запада есть своеобразный водораздел, отделяющий исторический период/т.е. с IV тыс. до н.э., с появления письменности/от доисторического. Под доисторией понимается первобытность. Например, по К.Ясперсу: «Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, из десятков тысячелетий существования подобных нам людей в тысячелетия, предшествующей нашей эре, в Месопотамии, Египте, в долине Инда и Хуанхэ возникают великие культуры древности»/263. -С. 51/.*

69

нающемся с 1200 г. до н.э., когда «вторгшиеся кочевники на лошадях и верблюдах, образующие верхний слой, оставаясь душевно полностью или частично верными своим взглядам в размежевании с преднайдённым хтонизмом, приступают во всех больших исторических делах к рассмотрению господствующего в данное время вопроса о смысле существования и, тем самым, создают повсюду трансцендентальные универсальные религии, философии или установки, существующие еще сегодня, начиная с даосизма и конфуцианства в Китае, брахманизма и буддизма в Индии до зороастризма, пророческого иудаизма и трагического и философского толкования бытия греками» /71. -С.201/.

Таким образом, в сознании и мышлении в первый субпериод 4000 г. до н.э.-1200 г. н.э. преобладает магическое осмысление бытия /т.е. появление универсальных толкований/.

Большая история кочевников завершается к началу второго периода, т.е. в 1500-1600 гг. /названного А.Вебером переходным/. С этого момента Евразийская история становится Всемирной историей /в нее включаются новые регионы: Америка, Австралия, Африка/. Прекращается давление кочевников с северных равнин Евразии, структурировавших до этого Всемирную историю. Наоборот, центр давления перемещается в Европу и она стремится втянуть в себя все исторические тела Земли /рынок и товарные отношения/. Масса переселенческого элемента из Европы формирует новые социальные структуры. А.Вебер называет это явление «душевно-духовной экстра-вертностью Запада». Самое главное отличие первого периода от второго заключается в изменившихся отношениях человека к Земле. Вместо гармонии и приспособления к Земле приходит и утверждается тенденция господства над Землей. Для понимания истории кочевых обществ Евразии предложенная А.Вебером периодизация мировой истории, на наш взгляд, является основополагающей и конструктивной.

Ярко выраженное своеобразие социальных отношений у степных народов, специфика культуры не ставит их особняком от всемирной истории. Вряд ли уместно вводить в периодиза-

70

цию кочевниковедения новые термины /общинно-кочевое, военно-кочевое, таборное/, усложняя и без того сложную научную историографию истории Евразийских степей.

Если источники показывают степь в стабильном состоянии, в мирных и гармоничных отношениях с соседями /особенно с оседлыми/, если наблюдается расцвет хозяйства и торговли, если путешественники-чужеземцы свободно прохаживаются по степным районам, значит есть там государство. Если появляется в степи харизматический лидер /например, *вупие-богдо Шыцыс хан*/, складывается аппарат управления, идут завоевания соседних стран, значит наступает имперский период Великой степи. Если источники говорят о том, что в степи хаос,

беспорядок, непрерывные движения кочевых племен и безвластие, это однозначно свидетельствует о наступлении кризиса /«босу»/. Таким образом, развитие, расцвет и упадок степных народов Евразии подчиняется определенным закономерностям, характеризуемым четким механизмом цикличности и обратимости исторических процессов*.

Своеобразие исторических процессов в Великом степном поясе требует очень взвешенного подхода к периодизации его истории. В нашей работе для удобства исследования и изложения материала мы принимаем те условные хронологические рамки, которые приняты во Всемирной истории: древность, средневековье, новое время. Эти чисто механические понятия, необходимые для систематизации исторического материала и прояснения картины исторических процессов с древнейших времен, применяется нами как инструментариум. Они не рассматривают развитие казахского общества /и его предшествен-

**На наш взгляд, казахские исторические материалы позволяют провести некоторую периодизацию исторического времени.*

Во-первых, по памятникам. Так можно выделить: а) эпоху «мык»/так называются курганные сооружения древности; б) эпоха «ногайлы»/все, что построено из обожженного кирпича; в) эпоха «калмак оба» - поздние каменные насыпи - оба.

Во-вторых, по легендарным личностям. Так можно выделить: а) эпоху «Алаша хана»; б) эпоху Уыз-хана; в) эпоху Жошы-хана...ит.д.

11

ников/ как непрерывный поступательный процесс. М.Блок в одном из своих очерков отметил следующее: «Действительно, было бы грубой ошибкой полагать, что порядок, принятый историками в их исследованиях, непременно должен соответствовать порядку событий» и с ним можно согласиться /50. - С.28/

2. К истории становления производящего хозяйства

Древняя история, условно выделяемая нами, как эпоха формирования человека и его основных свойств бытия, трудно поддается историческому анализу и порою недоступна для нашего воображения. Даже в рамках исторического времени, освещенного многочисленными фактами и документами источников, в своих поисках мы иногда бывали беспомощны. Мы строим гипотезы, делаем попытки анализировать события, исходя из имеющейся базы фактов, и в результате получаем ответы, далеко не соответствующие реалиям. Максимальное приближение к объекту исследования, как основная задача исторического исследования, по отношению к древней истории не всегда бывает достигнута.

К.Ясперс по существу прав, когда говорит о том, что «становление человека - глубочайшая тайна, до сих пор совершенно нам недоступная, непонятная...».

Реконструкция древних обществ на имеющихся в нашем распоряжении материалах - задача сложная. Поэтому мы ограничиваемся апробацией некоторых подходов к нему. В целом, основная задача параграфов 3-5 второй главы будет заключаться в анализе политической истории древнего периода и поиске закономерностей исторических процессов. В некоторой степени, нарушая этот порядок, предваряя основные разделы, в данном параграфе речь пойдет об особенностях становления производящего хозяйства.

Один из важных принципов нашей работы заключается в том, что мы изначально принимаем существование нескольких/двух, а то и трех/ хозяйственно-культурных регионов на территории Казахстана. Своеобразие экономической жизни и политических процессов на территории Казахстана определя-

72

ется взаимодействием различных компонентов. В определенной мере такой

двуполосный характер этнокультурных материалов сформировал жизнестойкий этносоциальный организм, способный адекватно реагировать на любые воздействия внешних и природных факторов.

По археологическим материалам, существование на территории Казахстана двух четко различающихся /юг-север/ зон культуры известно ещё со времён палеолита.

Исследователи отмечали следующие моменты: в обеих группах на самых ранних этапах палеолитической техники применялись одинаковые приёмы раскалывания камня /так называемая «клектонс-кая техника скола»/, что, видимо, свидетельствует о начальном единстве носителей этих культур. Впоследствии эти группы шли совершенно разными путями эволюции своей индустрии. Объясняя причины подобного явления, известный археолог Х.Алпысбаев предполагал два варианта: «либо древнейшее население этих зон генетически не связано друг с другом, методы изготовления орудий труда у них зародились самостоятельно и развивались разными темпами, либо первые группы палеолитического населения Казахстана, переместившегося сюда с Азиатско-Африканского материка /не обязательно в одно и то же время и одними и теми же путями/ осели в районах с разными физическими свойствами, исходным сырьем для изготовления орудий труда» /18. - С. 189/.

Таким образом, еще в древние времена /ашель - мустье/ в обоих регионах характер и темпы развития индустриальных комплексов были разными. Х. Алпысбаев отмечал сравнительно быстрое развитие в Северном Казахстане системы полюсного нуклеуса. Оперативный переход к более прогрессивной технике нуклеуса, а затем и настоящих бифасов остаются пока неизвестными. Не исключено, что в основе этих различий лежат не просто особенности исходного сырья, но и разные природно-климатические условия древней эпохи. Вместе с тем, мы можем предположить наличие контактов между двумя зонами палеолитической культуры Казахстана, продиктованных, веро-

73

ятно, различиями в экономической и социальной жизни. Возможно, более суровые условия севера Сарыарки сказывались не только на прогрессе каменной индустрии, но и определили мобильность населения, с охотой вступающего в контакты с югом.

В казахских мифах начало обитания на территории Казахстана человека и появление соответственно того набора животных, которые присущи для хозяйства казахов связывается с «Великим потопом» /Топан су/ «Когда Ной /Нук, пайгамбар/ исполнилось двести пятьдесят лет, - рассказывается в легенде, - Всевышний Бог избрал его в пророки и послал к современному ему народу... В продолжение семисот лет он склонял людей к принятию мусульманства; только восемьдесят человек, мужчин и женщин, уверовало... Сильно вознегодовав на людей не верующих, Ной молился Богу о гибели их... Архангел Гавриил (Жэб1райыл галайссалам) явился ему и сказал: «Всевышний Господь принял твою молитву, он возжелал потопить всех людей, живущих на земле». Бог повелел построить ковчег/кеме/ и научил, как построить его. Пророк Ной вместе с теми, кто уверовали ему, построил ковчег. После того из земли выступила вода, с неба полился дождь. Пророк Ной взял по паре от всякого рода птиц крылатых и зверей, ходящих на ногах, и вместе с уверовавшими вошел в ковчег, все одушевленное на лице Земли потонуло в воде».

Ковчег остановился на вершине горы Казыкурт, на небольшой возвышенности /600 м/ расположенной на юге Казахстана. Она расположена между Чимкентом и Ташкентом*.

**Кроме южного Казыкурта в самом центре Казахского мелкосопочника /Сарыарка/вдоль бассейна реки Нура /49/в двух местах встречается это название: в первом случае, в горах Казыкурт /1071 м/ и западнее, в районе реки Соналы /629 м/. Обе указанные точки лежат вдоль древней трассы меридионального пути степных народов и племен. В различных вариантах Библейских сказаний священная гора, местность, где остановился ковчег, называется по-разному: Арапат, Сион, Джуды.*

Особенно популярны были в прошлом легенды, связанные с горой Арарат. Арабы предпочитают говорить Джуды, евреи - Сион и т.д.

74

В казахском фольклоре начало разведения животных также связано с событиями Великого потопа. В ковчеге Ноя были и предки домашних животных:

Казык, Ұрттыцбасында кеме калтн.

Оп Киені болмаса неге калтн?

Иштде ею. козы болган екен,

«Шопан ата» деген сев содан калтн

О л. керемет болмаса неге калтн?

Иштде ет бузау уйықтап калып,

«Зеці баба» деген сев содан калтн.

Кемеде ет бота калтн екен,

«Ойсыл кара» деген сев содан калтн.

Казык, урттыцбасында кеме калтн,

Ол касиет болмаса неге калган?

Иштде еш культ калтн екен,

«Кьглкуйрык- К/амбар ата» содан калтн.

Видимо, следует связывать время Великого потопа с концом крупного последнего оледенения /ок. 12-10 тыс. до н.э./, когда резкое повышение температуры подняло уровень воды в Атлантике и в др. водоемах. О масштабах наступивших перемен в эпоху наступления голоцена написано немало, самое сжатое определение дано А.Г.Медоевым: «Изменение климатических условий в конце плейстоцена явилось экологической катастрофой». В результате, племена, обитавшие на территории Казахстана, столкнулись с невероятными трудностями. Ближе к концу V- началу IV тыс. до н.э. в степных регионах осталась чуть ли не мертвая гидросеть, опустыниванием была захвачена огромная территория Казахстана*.

** Гибель и миграцию животных А. Г. Медоев считал основной причиной исчезновения носителей позднепалеолитической культуры Центрального Казахстана. Племена, выдвинувшиеся из Сарыарки, шли на северо-восток и заняли прочные позиции в левобережье Прииртышья, на подступах к Кулундинской степи. Таким образом, культура микролита как бы начиналась с нуля/См.: Медоев А.Г. Гравюры на скалах. - Ч. I. -Алма-Ата, 1979. -С.8/*

75

Неолит, начало которого датируется VII-VI тысячелетиями до н.э. принес громадные изменения в жизнь древнего населения Казахстана и близлежащих территорий. Впрочем, объясняются эти революционные изменения очень просто. За миллионы лет человечество приобрело достаточно опыта, чтобы сделать решающий шаг вперед, выработать основы производящего хозяйства. Если необходимо поделить историю человечества на два основных периода, границей, вероятно, будет служить неолит*.

Суть перехода от палеолита к неолиту заключалось в переходе к постепенному оседанию бродячих охотников и собирателей в обильных растительностью и дичью лесостепных районах. Неудивительно, что именно среди них начались первые эксперименты по приручению животных и одомашниванию некоторых растений, положивших начало скотоводству и земледелию. Впрочем, неолитическое развитие не было однонаправленным и наступательным процессом сменявших друг друга прогрессивных изменений. Сильно сказывалось влияние климата, более засушливого и теплого, соответственно, и уменьшение растительного покрова, чем в предыдущих периодах. Этими процессами были обречены на вымирание крупные травоядные животные: шерстистые носороги,

мамонты и т.д. Исчезновение крупных животных, охота на которых являлась главным источником пищи в ранние периоды, изменило условия жизни первобытного человека. Возникла необходимость в новых, более совершенных орудиях труда для охоты на более мелких животных.

**Из-за указанных нами характеристик неолит образно был назван «неолитической революцией» /Г. Чайлд/. Интересно его следующее высказывание о том, что в неолите «потенциальная изоляция никогда практически не достигалась, возможно, потому, что всецело снабжающего себя хозяйства нигде не было»/Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. - М.,1956. - С. 58-61/. Он справедливо полагал, что распространение и развитие культуры происходит не только путём миграции, но и в ходе обмена и передачи идей.*

76

В северных районах Казахстана сформировались ландшафтные зоны, характеризующиеся, в первую очередь, большим распространением лесостепных условий, наиболее благоприятных для человеческого существования. Состав флоры и фауны, а также характер размещения растительности свидетельствует о более теплом, подобном современному, климате. Следует, однако, оговориться насчет условности геоклиматической информации о природных условиях прошлого. Особенно это касается существующих хронорядов, лежащих в основе шкал эволюции природно-климатических условий. В целом, по отношению к югу, на наш взгляд, оправдана /не увлекаясь различными теориями природно-климатических колебаний/ попытка Г.Чайлда, увязавшего начало доместикации животных с ари-дизацией. Именно последняя стала стимулом устремления животных в оазисы. Полагаем, что первые опыты по одомашниванию животных шли как среди охотников, так и ранних земледельцев Казахстана.*

Кроме северных /Атбасар, Маханджар/ и южных очагов /Караунгур, Мангыстау/ неолита в степных районах Казахстана, вероятно, существовали и другие оазисные центры, где шли первые опыты доместикации. В этой связи уместно сослаться на мнение одного из дореволюционных исследователей Казахстана Д.Д. Букинич, который говорил о роли оазисов в пустынных районах, как стимуляторов перехода к производящему хозяйству /66. - С. 101 -102/.

В исторической литературе начало неолита Передней Азии датируется более ранним временем, по сравнению со степными зонами Евразии. «Надо думать, что в некоторых местах в DC/VIII/тыс. до н.э. земледельческо-скотоводческое хозяйство стало свершившимся фактом, поскольку в последующий период раннего неолита/сер. XIX-VIII тыс. до н.э./, то тут, то там начали появляться прямые указания на это, фиксирующиеся морфологически» /259. - С.61/. По свидетельству археологов,

**О возможностях становления скотоводства в условиях охотничьего быта. См.:В.Г. Богораз-Тан/51/.*

77

ранний неолит характеризуется в Передней Азии долговременными поселениями с прочными глинобитными домами.

Наиболее ранние памятники производящего хозяйства на территории Средней Азии, представленные Джейтунской культурой /Копет Даг/, датируется второй половиной VII- начала VI тыс. до н.э. В предгорной полосе Копет Дага паслись одомашненные козы и овцы, а в оазисах находились поля, засеваемые пшеницей и ячменем /43. - С. 102/.

Подытоживая обзор литературы по истории хозяйства на территории Туркмении, А.Оразов пишет: «Древнеземледельческая культура с применением искусственного орошения в южном Туркменистане возникла в VI тыс. до н.э., раньше, чем в других областях Средней Азии и европейской части СССР» /195. - С.39/. Самые ранние

костные останки домашних животных на территории Туркменистана /Дам-Дам Чешме-2/ относятся к VII тыс. до н.э. Костные останки двугорбого верблюда на территории Туркменистана /Алтын Депе, Анау/ начинают появляться с III тыс. до н.э.

В то же время, интересно заметить, что появление лошади археологи относят ко II тыс. до н.э. Таким образом, можно полагать, что в скотоводческом хозяйстве древних насельников территории Средней Азии /а также и южнее/, лошадь появляется в эпоху бронзы. Следовательно, выделение настоящих пастушеских племен коневодов, вероятно, также надо отнести к более позднему периоду. Картина возникновения производящего хозяйства на территории Туркменистана в целом характерна и для остальных районов юга Средней Азии.

Территория Казахстана, по мнению некоторых специалистов /В. А. Шнирельман/, относится к числу вторичных очагов производящего хозяйства. К сожалению, в специальной литературе территория Казахстана даже не рассматривается в качестве возможных очагов производящего хозяйства. Вероятно, не следует отделять казахстанский регион от восточноевропейского, относящегося к числу вторичных очагов. «Очень слабо изученным остается восточноевропейский степной очаг, где

78 становление производящего хозяйства происходило в VII - первой половине IV тыс. до н.э., - пишет В.А. Шнирельман, - следует думать, что местное земледелие имеет достаточно глубокие корни и восходит, возможно, к эпохе неолита» /259. - С. 108/ Возможно, на процесс формирования производящего хозяйства на территории Казахстана имели прямое влияние более древние центры доместикации, например, Средняя и Передняя Азия. Имеющийся материал позволяет говорить об этом очень осторожно, поскольку каких-либо прямых свидетельств этого влияния не наблюдается. К тому же этот процесс мог идти в обоюдодоползном и в выгодном русле, как об этом свидетельствует распространение коневодства.

В одном из самых древнейших народных сказаний казахов «Бул казак, кой уакъгтта уш у/с уз атантн», связанного с описанием деяний первого мифического правителя казахов - Ала-ша-хана, имеются намеки на то, что в формировании первых этнических образований сыграли определенную роль пришельцы с юга. Возможно, в нем мы можем найти отзвук истинного хода событий. «Давным-давно, - повествует предание, - *Кырызъ хаННьтбiрi болюн, Кызыы Арыстан хан деген Букпрада турып-ты. Осы кунгI бiр взде он бес азанышы азан айтатугын муна-раны сол %ызыл Арыстан хан жасаткpн екен деседi. Бэйбше-стен бала болматн, «Кызыл аяк» * деген бiр ендi шауып, ат квтте салып экелген бiр къгзт аяк, салып, онан бiр бала сау-ысканныц аласындай ала туады. Бэйбше взтен ту май, то-калдантутндыктанiштарлыккы!ып, кундеп, булбаланы балам деп сактама, квзт жоюлт, кiрашыишн батыр. Мынау*

*«Кызыл аяк:» идентифицировать с известными этносами очень трудно, но в древних пластах этнонимов, связанных с определением «кызыл», достаточно. Вероятно, этнонимы, связанные с «аяк:» - более древние/ср.: казаяк, кызылаякит.д. названия, исчезнувшие очень давно/. Ряд тюркских племен, оказавшихся на территории Ирана в эпоху средневековья, стал называться «кызыл бас»/красноголовые/из-за красных головных повязок/ шалма/: афшары, румлу, шамлу, устаджи, такалу, кадждар и зулкадар. Предполагается, что они откочевали из Малой Азии. В XVв. они в Иране и Азербайджане составляли главную опору сефевидов/177. - С.252/.

79

оскенде журтъцды ала кылып устайды, елицдi ала тайдай булдIредI, - деген со ц, хан кырык жiгiтке буйрык берттг: «Мына баланы, тапкан шешест Сырдариядан ерi втизт коя берицдер. Элсе вист, влмесе вз бетI мен кацгып кун к врет», - деп жер аударады. «Зинхар кайтып бул журттымына катын мен бала да кврмест, сендер де кврмецдер», - дептi».

Первоначально, эта группа воинов Кызыл Арыстан-хана вместе с пегим мальчиком и его

матерью обитала в правобережье Сырдарьи, в предгорьях Алатау и Каратау. По прошествии двенадцати лет мальчик в степи случайно встретился /октай ушырап/ с сыном Майкы-би Уйсыном. Вернувшись к отцу Уй-сын заявил: «*Eip arashyt'z'kvelenkeshide jas balany kerdt. Au dese аузы бар, кун dese квз1 бар, керген Kid кызып, бір касыксумен жутып ж1берерлж. Жалгыз айыбы - тiнi жок,*». Вероятно, первые пришельцы говорили на непонятном для местных жителей языке. Что и стало причиной появления такого заключения - «Тiнi жок,» - не умеющий говорить, немой.

Впоследствии Майкы-би, Котан-би, Когам-би выделили каждый по сто джигитов во главе со своими сыновьями и отправили эти три сотни в степь.

- *Кара таудан ари карай асыцдар. Улытау, Кiiii тау деген таулар бар. Каракенг1р,)КездиКеНзир, К,удауберди деген жер-лер бар. Сонда барып, 1рге теуip, салыц салыцдар, -* сказали в напутствие аксакалы джигитам /142. - С.3-4/.

Как бы то ни было, казахстанский очаг обрел свою специфику в конце неолита и в энеолите, благодаря возникновению и распространению здесь коневодства. Отныне всякое проникновение со стороны Передней Азии исключается. Наоборот, весь комплекс археологических материалов /керамика и тд./ свидетельствует о движении с севера на юг /147. - С. 137/.

В связи с изучением целого ряда памятников Великой степной зоны, в археологической науке не раз высказывалось мнение «об общности и, может быть, одновременности доместикиции лошади в степных районах Юго-Восточной Европы, Заволжья и Казахстана» /163. - С. 131/.

80

Учеными замечена одна интересная особенность в памятниках неолито-энеолитического периода Евразийских степей, относящихся к зоне распространения древних коневодов. Так, например, количество костных останков лошадей на неолитическом поселении Деревка /IV тыс. до н. э./ составляет 60 % всех костей, на поселении Репин-Хутор - до 80%, а на Ботае до 99,9 %.

«Всего на Ботае найдено сотни тысяч костей», - отмечает В.Ф. Зайберт/108. -С.198/.

В.И. Бибикова выделяет два ареала в развитии коневодства на территории Юго-Восточной Европы: западный и восточный. Последний ареал характеризуется более многочисленными костными останками лошадей, следовательно, «из восточного ареала, где лошадь как домашнее животное была освоена рано, она могла эпизодически проникать на смежные территории, занятые племенами с иным хозяйственным укладом...»/47. - С.42-43/.

Все авторы, занимавшиеся изучением костных останков из неолито-энеолитических поселений /В.И.Цалкин, В.И.Бибикова, Н.М.Ермолова, Л.А.Маркова, Т.Н.Нурумов/, сходятся во мнении, что юго-восточная часть Европы, а также степная территория Казахстана являются областями доместикиции лошади. Л.А.Макарова и Т.М.Нурумов ставят вопрос несколько в иной плоскости, предполагая, что памятники типа Ботай могут «свидетельствовать о ранних формах коневодства, а также о более раннем времени доместикиции лошади на территории республики». В любом исходе этого вопроса имеющиеся материалы позволяют говорить о господстве коневодства в структуре хозяйства степных жителей неолито-энеолитического периода.

Вполне вероятно, что Урало-Иртышское междуречье является не самым основным очагом развития древнего коневодства на территории Евразии. Многочисленные народные предания казахов связывают начало господства скотоводства, как основного вида хозяйственной деятельности с территорией Сары-Арка. «*Каркаралы, Каракуыс, Едiреу, Ку, Баянауыл тау-*

81

ын Бес Казылгыц, deudi. Булмал Kindiei», - такую оценку Северо-Восточной части Сары Арки дал - А.Букейханов. /55. -С. 165/.

В казахском фольклоре говорится: «*Жылкғы желден жара-лады*» буквально означает - «лошадь произошла из ветра», предполагается, что она изначально степное животное /в полном варианте: «*сиырсудан, жыысыжелден, туйесордан, крйаудан, хісі топырацпан, ешкі*» - корова - из воды, лошадь - из ветра, верблюд - из солончака, баран - из воздуха, человек - из земли, козел - от дьявола /200. - С.303/.

Мы, вероятно, можем предполагать о существовании нескольких хозяйственно-культурных регионов на территории Казахстана в неолито-энеолитическое время V-III тыс. до н.э. Первая - лесостепная - представлена в виде носителей Ботай-ской культуры, вторая - функционировала как меридиональная система, возникшая, скорее всего, на основе охотничьих традиций передвигавшихся за табунами диких лошадей. Эта последняя была тесным образом связана с оседло-земледельческим югом в широком смысле, а с Туркестанским регионом /включая Ташкент/ непосредственно. Таким образом, мы можем предположить существование на территории Казахстана с неолито-энеолитического периода трех хозяйственно-культурных типов: полу оседлое - на севере, кочевое - в центральных районах, оседло-земледельческое - на юге. В целом экономическое развитие определялось гармоничным сочетанием хозяйственно-культурных типов однородных в этносоциальном и культурном плане племен. Безусловно, основу хозяйственной деятельности скотоводческих племен составляло коневодство. Вместе с тем, оно не мешало иметь и другие виды животных. Судя по различным легендам и поверьям казахов, степные племена разводили коров раньше, чем лошадей. Возможно, именно на этих материалах можно проиллюстрировать влияние так называемого пе-реднеазиатского центра доместикации. Обратимся к легенде с интересным названием «Легенда о состязании лошади и коро-
82

вы»: «Прежде у казахов были одни коровы; лошадей люди вовсе не знали; быкам украшали рога и хвосты филиновыми перьями и ездили на них все - и тюре, и богатые люди, не гнушаясь. У коров потекло что-то из носу, люди стали просить бога и он создал им тогда лошадь из ветра. Поднялся ветер с пылью -и прибежал табун. Люди пустили в бег корову и лошадь, корова опередила, конь остался сзади. Оба устали и хотели пить. Корова первая добежала до норы сурка и спросила его: «*Суыр сасык, су кайда?*» /Вонючий сурок, где вода?/. Обидевшись, сурок указал ей на вонючую, стоячую воду. Корова напилась и побежала далее. Лошадь прибежала после и спросила: «*Суыр жунар, су кайда?*» /Сутрок., пахнущий мятой, где вода?/. Сурок указал ей хорошую, чистую и прелестную воду. Корова, напившись дурной воды, не могла скоро бежать и лошадь опередила ее».

К числу древних этиологических мифов относятся легенды о «Быке», о «Корове» /в записях Г.Н. Потанина/, где сохранились отголоски древнейших представлений степных народов о первопричинах сотворения мира. Например, это повествование идет от имени жаворонка: «*Бурьыцы кунде жерде су жок, екен. Кек вггздг екI Kid багыпты. Ею адом да швпдейЫI -вггз су бердімуйгзтен жер казып, су крйнап шыкты... Квк ее/з муйгзтен жер кватереЫI...*» В другой легенде, прослеживаются отголоски древнего тотемного культа быка: «Не жалея, что меня съели, разбей мою голову, - говорит своему хозяину голова быка, растерзанного волком и лисицей, - в обоих рогах ты найдешь столько, что без милостыни проживешь шесть лет». /200.-С.51/.

На наш взгляд, различные поверья и легенды о домашних животных наряду с другими источниками, играют принципиальное значение в деле изучения древнейшей истории производящего хозяйства. Следует, однако, учесть, что параллели в историческом фольклоре народов Средней Азии, а также Передней Азии должны быть в полной мере учтены. Так названия покровителей домашних животных *ІзецI баба, Шопан ата,*

Ойсыл к/ара/ известны по всей территории Средней Азии, как имена различных святых. Г.Н. Потанин отмечает, что в Ташкенте имеется «мечеть святого Зинг-ата». Ойсыл кара отождествляется с именем суфийского проповедника Хазрат Вайс Карани. В легендах суфийских он чуть ли не современник пророка Мухаммеда. В Мангышлаке находится некрополь Шопан-ата, один из древнейших культовых комплексов Западного Казахстана. «Культовым центром его является мечеть, состоящая из нескольких служебных помещений, вырубленных в известняковой породе», - пишет СИАджигалиев, обследовавший этот памятник. Формирование комплекса Шопан-ата он датирует XII-XIII вв. /12.-С.40/.

Единственным покровителем скота, не связанным с исламом, вероятно, является культ Жылкышы-ата /*Крмбар ата*/. «Жылкышы» буквально означает табунщик, пастух конских табунов*.

Таким образом, domestикация лошади и широкое развитие коневодства в эпоху неолита-энеолита в степных просторах Евразии дали начало формированию суперсистемы, своеобразного историко-культурного феномена известного в историографии, как пастушеские /номадические/ культуры.

3. Древняя история

Начало степных народов Евразии, в частности, начало тюрк-ко-монгольских государств, казахские легенды связывают с именем мифического Алаша-хана. Мы уже обращались к этой легендарной фигуре, сохранившейся у казахов, как главного героя устных исторических преданий. Вероятно, исходя из этого же источника один из крупнейших историков Востока Рашид

** Возможно, культ покровителя лошадей «Камбар ата» восходит к забытым сако-скифским культам и этимологию слова можно интерпретировать в связи с трансформацией названия сакского племени Хаома варга. В названии племени отражается образ жизни и основное занятие, т.е. коневодство.*

84

ад-Дин /XIV в./ свое сочинение «Джами ат-таварих» начинает с рассказа об Алаша-хане*.

«Ной /Нух пайгамбар/ - да будет мир ему! - разделил землю с севера на юг на три части, - пишет Рашид ад-Дин. - Первую часть он отдал одному из своих сыновей - Хаму, который был родоначальником чернокожих; вторую-Симу/Сам/, ставшему предком арабов и персов; третью часть представил Яфету /Яфес/ - праотцу тюрков. /Ной/ послал Яфета на Восток. Монголы и тюрки рассказывают об этом то же самое, но тюрки называли и продолжают называть Яфета Абулджа-ханом /Алаша-хан/ и достаточно не знают, был ли этот Абулджа-хан /Алаша-хан/ сыном Ноя или его внуком; но все они сходятся на том, что он был из его рода и близок к нему по времени. Все монголы, племена тюрков и все кочевники /букв.: обитатели степей/ происходят от его рода». Подробности этого обстоятельства передают в следующем виде: «...Абулджа-хан был кочевник; его ле-товка была в Ортаке и Казтаке, которые представляют собою чрезвычайно большие и высокие горы; в тех пределах находился город по имени Инандж. Зимнее стойбище Абулджа-хана

85

**Исторические предания монгольско-тюркских племен Рашид ад-Дином были записаны со слов Пулад-чинсана, представлявшего интересы великого кагана при Хулагидском дворе. По его инициативе из степи были приглашены знатоки старины/иезжире/. Сам Казан-хан также славился своими знаниями исторических преданий. «Он же/Пулад-чинсан/во всей населённой части мира не имеет равных себе/в осведомлении/о видах различных искусств, в знании происхождения тюркских племён и их истории, особенно монголов» /211. - Т.1. - АН. 7. - С. 67/. Благодаря им сокровенные исторические предания степняков попали в этот великий свод древней истории. Рашид ад-Дин считал, что «Все племена и ответвления тюрков и монголов сходны между собою и прозвание всех первоначально было одно; однако, монголы представляли собою категорию тюрков, и между ними имеются большие различия ...». Здесь же он пишет об отсутствии достаточных сведений об этих народах в исторической науке «в древних летописях о его жизни отсутствуют достаточные сведения» /211. -*

Т. 1. -С.66/.

было также в этих пределах, в местностях, называемых Бур-сун, Какьян и Каркорум, называют также Каракорум. Поблизости этих мест находятся города Талас и Кары-Сайрам» /211.-Т.1.-КН.1.-С.80-81/.

Далее Рашид ад-Дин возводит генеалогию легендарного Огуз-кагана к упомянутому Алаша-хану и повествует яркими красками дальнейшую историю тюрко-монгольских племен. На наш взгляд, Алаша-хан - личность мифическая и собирательная, а, возможно, и нарицательная фигура, за которой скрыта многообразная и интересная жизнь ранних коневодов в Евразийских степях. Это был период формирования этносоциальных организмов у степных насельников, темпы развития которых, по мнению многих исследователей, в ранний период далеко опережали своих оседлых соседей /197/.,,

Как этносоциальный организм древние коневоды обладали своими территориями с пастбищами, мелкими оазисами, охотничьими и рыбными участками, а также путями миграции и торговли. Мы уже говорили о существовании своеобразной экономической общности в древнюю эпоху, которая основывалась на своеобразном разделении труда /оседлость на юге, полуоседлость на севере, подвижные коневоды-охотники в центре/. Каждое племя составляло политическую и военную единицу. Вероятно, тесные связи между различными племенами и культурная однотипность сближали и укрепляли их союз. В этой связи уместно принять аргументы С.А.Арутюнова и Н.Н.Че-боксарова, предлагавших рассматривать первобытные этносы как соплеменности. Это, на наш взгляд, относится к изучаемым нами раннеконеводческим общностям Великой степной зоны Евразии, где уровень потестаризации и интеграции был гораздо выше чем, в других регионах /33/.

Абульгазы Бахадур-хан дает несколько иную интерпретацию происхождению Алаша хана. Он полагал, что Алаша-хан - потомок Яфета в шестом поколении /Яфет-Тюрк-Тутук-Иль-че-хан, Диб Бакуй-Киук-Алаша-хан/. В сочинении Абульгазы сын Яфета - Тюрк оказывается автором многих народных обы-

86

чаев, сохранившихся и по сегодняшний день, Тутук - современник Кеймурса /Гайомард/* он также ввел многие традиции в жизнь, так от него началось употребление соли при приготовлении пищи. 16. - С. 16/.

Несколько подробнее пишет историк об Алаша-хане: «Алан-ча /Алаша-Ж.А./-хан много лет правил государством. Со времени Ноя - мир ему!- до времени Аланча - хана все потомки Иафета /Яфет - Ж. А .1 были мусульмане, при Аланче юрт улучшился, народ сделался богаче. Но... возникло идолопоклонство. У Аланча-хана /Алаша/ было два сына близнеца: старшему имя было Татар, младшему - Монгол. Аланча-хан когда состарился, разделил свои владения между сыновьями. Оба брата провели жизнь в благополучии и счастии, не делая друг другу худого».

Таковы в общих чертах представления великих восточных историков о самом раннем периоде истории Великого степного пояса Евразии. Казахские источники в целом, подтверждают эти сведения, а в некоторых моментах вносят существенные дополнения. Так, в шежире М.-Ж.Копеева дана следующая оценка:

«Бул Алашаханнан бурын казак болып, журт болып кызге кертп, ауызи инген емес, ев алдына отау тткен емес. Эр журтка консы болып журген. - Казактың казак, болып, кызге түсіп, ауызи инген осы Алаша ханныңхан болып турткес! Казактыңбасын косып, бірікіріп, орынтетір-ген де Алаша хан. Сонан бері «Алаш» уранды казакпайдыңба-ласы жанжал, урыс-твбелес болса, «Алаш»-«Алаш» деп айтй салса, еспйген казакта ее калмайды» /142. -С.6-7/.

В данном фрагменте речь идет о формировании древнейшего степного этнического

образования «алаиш», «алаиш ель»>

**Гайомард-мифическая персона. По авестийским традициям - пер-вочеловек: « Так, от Гайомарда была та польза, во первых, он убил Арзура и по справедливости отдал себя Ахриману. Во вторых, была та польза, что люди и все души мужчин и женщин, участвующих в воскрешении, произошли из его тела. А третье - то, что металлы созданы и сотворены из его тела» /226. - С. 101/.*

87

«алаиш журты». Впоследствии, в XV в. это образование получило название «казак» под которым подразумевается вольный, свободолюбивый житель степи. Такое понимание значения термина «казах», вместо прежних «кочевники», «степные племена», означает идеальный тип, нарицательный образ в казахском шежире. Древние этнические группы, объединенные общностью социально-культурных параметров, не представляли территориально замкнутую общность. Вероятно, в ту эпоху территориальные границы были размыты, а этнический состав довольно многообразен и характеризуется отсутствием такой базы этнической интеграции как этническое самосознание. В этой связи уместно обратиться к шежире: *«Алаиш» казак но-гайт тен, жалпы, тiптi взбекураны деседi. «Алаиш» деген машинасы «ей, Алынша /Алаша/хан эулегт, тайпа-тайпа болып, бентп кетсек те негiзiмiзде бертгз бiр Алынша ханнъц кауымыз» дегет. Дегенмен, кейде «алаишысыц?, аюйынбы-сыц?» деп алаишты белек, жат магынасында колданады. «Алаиш» с0зi атйыннъц касында айтылса, «жат» деген ма-гынаны береди».*

То есть, еще в древние времена у степных групп сформировался общий военный клич /Алаш/, общие правила брачного выкупа и отмщения за кровь и складывается культ предков /в первую очередь Алаша-хана/, что позволяет говорить о существовании единого этносоциального организма. Многочисленные степные группы солидарно выступали против общих врагов, но в то же время вели междоусобные войны за пастбища и ча лошадей. Вот причина появления такого обращения *«алаишысыц аюйынбысыц?»*. Каково было окружение складывающегося в бескрайних степях Евразии раннего союза пастушеских народов - общности Алаш? Это в первую очередь, оседло-земледельческие общины на территории Двуречья /Месопотамия/, Египта, Китая, Индии и Ирана. Производственный потенциал неолитического земледельческого населения этих регионов был значительным, особенно в районах речных долин. Еще в VIII-VI тыс. до н.э. начали осваиваться плодородные долины Тигра и Ефврата, Инда и Ганга, Нила и Хуанхэ. В первом из перечисленных регионов еще в конце V тыс. до н.э. складывается своеобразная культура /Убайд/, представленная крупными поселениями земледельцев, освоивших начало ирригационной техники. Для этого населения характерно развитое ремесло, гончарный круг, ткачество и монументальное строительство.

Переход к производящему хозяйству в долине Нила осуществляется несколько позднее и датируется второй половиной VI тыс. до н.э., «различные группы земледельцев и скотоводов уже обитали на обширной территории от дельты до Верхнего Египта»/259.-С. 101/.

До недавнего времени процесс возникновения производящего хозяйства в Египте представлялся как заимствование пер-реднеазиатского комплекса. «Сейчас считается, что импульсы исходившие из Азии не привели к коренной перестройке местную хозяйственную систему», - пишет Г.Чайлд /251. - С.89-91/.

Картина формирования древних оседло-земледельческих общин на территории Китая до сих пор окончательно не выяснена. Этот вопрос в значительной мере связан с вопросом о происхождении культуры Яншао в Северо-Западном Китае. В нашей исторической науке господствовало и сейчас еще действует убеждение, что истоки культуры Яншао следует искать на западе /69. - С. 146-151/.

Л.С.Васильев связывает генезис культуры Яншао с влиянием переднеазиатского очага.

Как бы то ни было, эта ранняя земледельческая культура Восточной Азии датируется второй половиной V - первой половиной IV тыс. до н.э. По мнению В.А.-Шнирельман, в среднем течении Хуанхэ обитало «относительно развитое население, которое уже выращивало просо и разводило свиней и собак»*.

* «Ареалы известных в Евразии диких просяных культур тяготеют к поясу степей, протянувшихся от Европы до Тихого океана», - пишет В. А. Шнирельман. Предполагается, что аридные условия лучше подходили для диких видов проса. В связи с чем одним из гипотетических центров доместикации проса возможно является и территория Казахстана.

89

Процесс распространения производящего хозяйства в Индостане изучен еще недостаточно. Известно, что со второй половины V тысячелетия на территории Северной Индии /поселение Багор/ население занималось как земледелием, так и скотоводством. Современные археологические исследования позволяют в некоторой степени воссоздать картину возникновения производящего хозяйства на юге, где действительно культура шла из севера, с долины Инда. Проникновение производящего хозяйства в долину Инда связывается с северо-западными районами Азии.

«Постепенный процесс проникновения земледельческо-скотоводческих групп через горные районы Белуджистана в долину Инда шел в течение VII - первой половины IV тыс. до н.э.» /259. - С.77-78/. Именно с этими ранними мигрантами, вероятно, связывается появление значительных поселений и городищ на севере Индии, известных под названием цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро.

Путь перехода от локальных и изолированных земледельческих общин к цивилизации /строительству культурно-исторических систем/ на всей территории Востока примерно совпадает в общих чертах. Этот путь лежит от первобытного эгалитаризма к сложным социальным организациям, со сложной этносоциальной иерархией внутри и соответствующими коммуникативными узлами связи. В реальном приближении в каждом из них обнаруживается, конечно, своя специфика. Общей для всех указанных регионов Востока является одна закономерность - спорадическое, но сильное /структурообразующее/ влияние со стороны пастушеских культур Великой Евразийской степи. В рассматриваемом этапе истории, пастушество представляло собой громадный скачок во всех сферах жизни - как в материальном, так и в духовном. В историографии сложился определенный опыт осмысления этого величайшего события. Обратимся к высказываниям А.Вебера: «Истории не имели и ступени ледникового периода третьего человека ори-ньякской, кроманьонской культуры... она начинается тогда, когда присутствует понятный, внутренне продолжающийся про-

90
цесс событий и одновременно сознание пребывания в нем. Момент, когда это произошло, конечно, как мы теперь знаем, не время основания Рима. Однако, как бы мы его ни отодвигали вследствие раскопок и других данных, этот момент относится только к периоду возникновения первых высоких культур, сложившихся вследствие организации земледельческого населения самых ранних евро-азиатских плодородных областей скотоводческими кочевниками в форме государственных объединений» /71.- С. 306/.

На наш взгляд, наиболее ранние миграции степных групп шли в страны Передней Азии /из Мавереннахрского плацдарма/ и далее в северную Африку /по долине Нила/. Несколько позднее миграциями были охвачены Северо-Западный Китай /долина Хуанхэ/, а затем и Индия /долина Инда/. Вероятно, следует предположить существование нескольких плацдармов, где сосредотачивалась и накапливалась сила степных подвижных групп. В таких центрах происходила дальнейшая концентрация сил, формировалась структура нового образования и оформлялась идеология дальнейшего движения. По отношению к юго-западу таким узловым пунктом, в раннем этапе, вероятно, служило Иранское нагорье, в дальнейшем - междуречье Аму и Сыра /Оке и Яксарт-Мавереннахр/, по отношению к юго-востоку - долины Афганских гор /современные южные районы Тад-

жикистана и Узбекистана, эта территория и есть мифический Жидели-Байсын/, по отношению к Китаю - Восточный Туркестан, южные предгорья Алтая, верховья Иртыша и т.д., по отношению к Европе - степи северного Причерноморья и Северный Кавказ.

В результате миграции пастушеских племён в оазисах происходило слияние двух хозяйственно-культурных систем и формирование надобщинных социальных структур.

Основу этого партнерства составлял, с одной стороны, избыточный продукт, создаваемый в оседло-земледельческих центрах, и, с другой стороны, политический механизм, выработанный пастухами. Пастушеские племена в общественном развитии не-

Глава II. История великой степи в контексте всемирной истории 91

ели интересные новшества: систему родового самоуправления, основанную на кровнородственных и генеалогических связях и базирующуюся на родовой организации.

Эта организация обеспечивала равное право каждого в общественных делах, а также защиту интересов каждого с учетом достоинств личности, его прав и свобод. Родовая организация гарантировала развитие личности и его творческого потенциала.

Сформированные в пастушеских сообществах степной Евразии ценности гражданского общества в сочетании с общинными порядками оседлых обществ породили своеобразную структуру и порядок. Для него были характерны - сильная административная власть, государственная собственность, верховная власть как собственник земли и прибавочного продукта, а также отсутствие частной земельной собственности. Обычно в марксистской литературе такого рода отношения в древних обществах Востока называются «азиатским способом производства». «При таких обстоятельствах, - пишет КМаркс, - отношение зависимости может иметь политический и экономический характер ... Государство здесь - верховный собственник земли. Суверенитет здесь - земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существовало никакой частной земельной собственности...» /172. -С.482/.

В этом и состоит главное отличие древних цивилизаций Востока, обреченных строить свое будущее с учетом на постоянные контакты с миром подвижных групп скотоводов. Та политическая система, выработанная в обществах пастухов, накладывалась на общинную систему Востока, и породила государственную цивилизацию. Активную роль в этом симбиозе играла структурообразующая воля степных народов Евразии, которая действовала на протяжении многих тысячелетий /фактически до XV в./. Другим результатом взаимодействия степных и земледельческих народов является урбанизация, т.е. появление крупных оседлых поселений. Первоначальные контакты двух социально-культурных систем на стыке /в маргиналь-

92

ных зонах/ привели к возникновению городских центров. В урбанизации были заинтересованы как земледельцы, так и пастушеские народы, над ними довели экономические интересы. Впоследствии, города приобретали самостоятельное значение как центры торговли, ремесла, а только затем как культовые и административные центры. Подавляющее большинство городских центров появилось на стыке указанных двух хозяйственно-культурных укладов. В определенной мере ранняя урбанизация Востока есть следствие их прямого взаимодействия. Торговля, обмен и торговые контакты, спрос на ремесленные продукты со стороны пастушеских племен и их политической элиты послужили первоосновой ранних городских центров.

Обратимся к истории возникновения Шумерского государства, самого раннего государства в мире. «История начинается с шумер», - писал Самуюэл Крэмэр, имея в виду древнейшее начало государственной жизни в Двуречье*.

Предполагается, что начало государству дали поселенцы с восточных регионов, поработившие немногочисленных местных обитателей Двуречья. С.П.Толстов считал, что шумеры относились к степным народам Евразии: «.. сами создатели сумерийской цивилизации Нижнего Двуречья сохранили в своём языке признаки отдалённых восточных связей, и в лексике, и в морфологии сумерийский язык обнаруживает явные

сходства с языками алтайской группы, в частности, с тюрками...» /236. - С.79/.

**В изучении шумерской цивилизации не последнее место занимают лингвистические исследования. Особенно занимательны среди них сюжеты, посвященные поиску сходных слов в тюркском и шумерском. Вполне вероятно, алтайская языковая семья, одна из древних семей, и особенно ее тюркская ветвь, имела непосредственное отношение к шумерам. Но сравнительное языковедение должно предполагать не только сопоставление структуры сравниваемых языков, материальное родство грамматических формантов этих языков, чего обычно не хватает, но и основываться на глубоких знаниях исторического прошлого контактирующих этнических групп, носителей этих языков /22 7,85/.*

93

Собственно, история Месопотамии начинается с VI тыс. до н.э., т.е., до конца неолита эта территория была малонаселенной. Дошумерское население, в основном, имело эламское /восточное/ происхождение, они пришли в Двуречье из бассейнов рек Карун и Керхе. Но кризис, наступивший в середине IV тыс. до н.э., сопровождавшийся упадком материальной культуры /исчезновение прежней расписной высокохудожественной и распространение серой керамики, отсутствие магических знаков, характерных для более раннего этапа/, были предвестниками кардинального переворота общества.

С приходом шумеров в Двуречье начинается государственная жизнь. Основой ее экономической мощи стала концентрация всей власти и земли в руках правящего рода. Огромное количество сохранившихся до наших времен клинописных табличек свидетельствуют о громадной роли в экономике государства храмовых - государственных хозяйств. Царь одновременно был и верховным жрецом в государстве. В конце IV - начале III тыс. до н.э. на территории Двуречья уже известны несколько протогосударств, созданных шумерами - Урук, Киш, Ур и т.д. Эта была эпоха борьбы соседних государств за сферы влияния и за политическую гегемонию в регионе. В состав войск первых шумерских правителей входили тяжеловооруженные пешие войска и примитивные колесницы на сплошных колесах. Предполагается, что именно они принесли в Двуречье секреты древней металлургии и письменности.

В конце III тыс. до н.э. на территории Шумер появились пастушеские /овцеводческие/ семитские племена, активно заимствующие достижения шумерской культуры и освоенные ими земли. Таким образом, усложняется не только социальная, но и этническая структура. Наблюдается взаимодействие трёх групп населения: дошумеры, шумеры и восточные семиты /аккадцы/. В конце концов, семиты, как более многочисленный компонент, победили в этой борьбе.

В начале II тыс. до н.э. /на рубеже XIX-XVIII вв. до н.э./ идет новая волна мигрантов в Двуречье. С северо-восточных

94

рубежей шли воинственные группы центрально-азиатского происхождения - касситы. С юга и запада Двуречье захлестнула волна семитских пастухов /амореи/. Это противостояние на некоторое время ослабило регион, но затем способствовало к усилению. В это время стал выделяться Вавилон, как древнейший административный, политический центр, своеобразный мегаполис древнего мира. При правлении Хаммурапи /1792-1750 гг. до н.э./ в Месопотамии была окончательно сломана старая общинная система, основанная на клановых /родственных/ принципах, и было построено государство с сильным административно-политическим, территориальным порядком. Централизация государства осуществлялась через институты вассально-иерархической пирамиды власти. В результате на первый план выдвинулся государственный закон с достаточно разработанной системой управления /законы Хаммурапи/. Так, в общих чертах происходило создание первых государств на Востоке: кочевники привнесли в них свою административно-политическую систему, свое видение государства, а оседлые создавали тот хозяйственный механизм, на чем зиждилось богатство этих государств, а духовная борьба и противостояние привели к формированию первых культов божественного пантеона, письменности, величайших храмов и т.д.

В ходе движения на юго-западные регионы кочевники просочились и на территорию Египта. Как и в Шумере, первые государства в Египте возникали в виде храмовых. Первоначальные общины-государства появились на р. Нил, вдоль ее северных долин и в борьбе этих общин сформировалось раннеполи-тическое устройство. Верхний Египет в рамках своего скотоводческого хозяйства выступил в данном противоборстве ведущей силой. Правители-фараоны постепенно приобрели сакральный ореол, как «сыны Солнца». Выработался особый ритуал поклонения им, а также сложилась культовая традиция захоронения /гигантские пирамиды, являющиеся величественным символом Древнего Египта/.

Уже в начале Древнего царства в Египте сложилась развитая централизованная система администрации, которая сыграв

95

ла немаловажную роль в формировании специфических черт древнеегипетской общественной структуры. Какие народы создавали первые фундаменты Египетской государственности, откуда они пришли и как они назывались - неизвестно. «Откуда и когда явились сюда первые поселенцы - вопрос неисследованный; вероятно, они принадлежали к кавказскому племени, и культура шла здесь с севера на юг вверх по реке, - писал немецкий историк О.Егер. - Отдельные общины, многочисленные округа, с наследственными князьями и рабами, которые появились вследствие порабощения первоначального туземного населения» /99. - С.9/.

На рубеже XVIII-XVII вв. до н.э. территория Египта стала ареной действия гиксосов, племен имеющих явно центрально-азиатское происхождение. Раннее появление гиксосов датируется около 2100 г. до н.э., они в течение 500 лет господствовали в Египте. Время от времени они подкреплялись новыми наплывами степных кочевников. Заслуга гиксосов состоит в том, что они познакомили Египет /как и касситы Вавилон/ с боевыми колесницами. Лошади, возможно, до того были известны в Египте, но запряженные в колесницы они впервые были представлены на Северной Африке гиксосами.

Период господства гиксосов стал отчаянным, несмотря на ряд разрушений, и упадка в начальном периоде, в превращении Египта в великую империю Востока. О первоначальном страхе, охватившем местное население перед новым нашествием свидетельствуют надписи в древних пергаментях /XVIII в. до н.э./ «Пророчество Нефертити»: «жрец и маг Нефертити отвечает на вопросы Снофру, царя Древнего царства: «Я скажу о том, что вижу. У меня нет обыкновения предрекать то, что не наступит. Река /Нил/ станет сушей Египта. ... Азиаты-кочевники, и на востоке возникнут враги. Азиаты спустятся в Египет из-за отсутствия укреплений, и чужеземец будет находиться рядом. Да просят они /азияты/ воду, как обычно, чтобы напоить свой скот» /250. - С. 18-19/.

Во времена правления Тутмоса III /в начале XV в. до н.э./ египетские войска совершили в Азию 17 походов. Была поко-

96

рена Сирия и Палестина, расширены южные пределы. Основу его большой армии составляли боевые колесницы, унаследованные от гиксосов. В летописях Тутмоса III описывается его поход в Сирию: «Каждому был указан его походный строй, лошадь следовала за лошадей, а его величество / Тутмос III/ во главе своего войска.. его величество отправился на золотой колеснице, украшенный своим боевым оружием, как бог Гор...» /250.-С.29-30/.

И в последующем Египет всегда попадал под власть чужих династий: в X в. до н.э. правила ливийская династия /из наемных солдат/, в VI в. /с 525 г. до н.э. до 404 г. до н.э./ господствовала Ахеменидская династия, затем Египет стал одной из греческих

провинций и центром эллинистической культуры.

В начале II тыс. до н.э. на территории Западной Азии появились новые государства, сыгравшие важную роль в древнейшей истории Востока. Речь идет о хеттах, ассирийцах, митанийцах и др., а также созданных ими государствах.

Хеттское государство, возникшее в начале II тыс. появилось «в ходе инфильтрации индоевропейцев в зону расселения обитавших там племен» /70. - Т. 1. - С. 121/. В генезисе этого государства ярко выступали миттанийские черты. Дело в том, что на территорию Западной Азии коневодческие формы хозяйства, боевые колесницы, запряженные лошадьми, боевой порядок были внесены миттанийскими племенами. Им принадлежит заслуга строительства первого протогосударства. С упадком Миттании в XIV в. до н.э. она попала под власть хеттов, царство достигло наивысшего развития. Традиционное скотоводческое хозяйство с развитым коневодством позволило хеттам создать сильную и боеспособную армию. Хетты господствовали в районе Восточного Средиземноморья, вплоть до границ Египта, и в XV в. вышли к границам Эгейского моря. Главной характеристикой политического строя хеттов было обожествление власти правителя, которого называли «Солнце». В государстве заметное влияние играли представители родоплеменной знати. В культурном развитии /письменность,

Глава II. История великой степи в контексте всемирной истории _____ 97

законы/, хетты многое взяли из Вавилонии. В древнем Востоке хетты прославились по двум направлениям производственной культуры: во-первых, сильное коневодство /известен трактат о коневодстве содержащий правила выращивания и тренинга лошадей/*.

Во-вторых, они прославились успехами в бронзолитейном деле. От них берет начало и победа железа в Западной Азии, т.е. хетты основоположники древней металлургии Западной Азии./70. - Т. 1.-С. 122/.

Одновременно с хеттским государством появилась и Ассирия. Немаловажное воздействие на становление Ассирии оказали касситские завоевания в Западной Азии и торговля. Здесь особенное влияние оказала транзитная торговля, способствовавшая расцвету г. Ашшур, столицы Ассирии. В начале I тыс. до н.э. после падения хеттов Ассирия стала крупной державой древности /потеснив Вавилон на востоке и Урарту на севере, подчинив районы Восточного Средиземноморья/. В конце концов Ассирии удалось разгромить Вавилон в 729 г. до н.э. при царе Тиглатпаласаре III. Наивысшего расцвета Ассирия достигла в VII в. до н.э.

Современная археология предполагает, что заселение Индии скотоводами и земледельцами в эпоху неолита шло с севера. Многие предметы материальной культуры, включая брон-золитейное дело, градостроительство, ирригацию, позволяют проводить аналогии с развитой Шумерской культурой в Месопотамии. Безусловно, между Шумером и Мохенджо-Даро, а также культурными очагами Средней Азии существовали тес-

** Безусловно, хетты были мастерами колесниц. Во многих древнейших письменностях Востока упоминаются лошади, особенно в эпоху хеттов. Царь хеттов Хатта-сали пишет письмо правителю Вавилона и не забывает о лошадях: «в стране моего брата лошадей больше, чем соломы» /Ковалевская В. Б. Конь и всадник - С. 36/. Один из известных памятников хеттской культуры «Трактат о коневодстве». Правда, это сочинение было составлено миттанийцем Киккули/XIV в. до н.э./служившим главным конюшником /по тюрк.трад.-«акташы»>>/при хеттских царях /История Древнего Востока. - М.,1979. - С. 138/*

98

ные торговые отношения. Развитая городская культура, известная как Хараппа и Мохенджо-Даро, могла возникнуть только на торговых путях, как об этом мы уже сказали. Погребения времен первой династии Ура /около XXV в. до н.э./

свидетельствуют об исключительной роли торговых взаимоотношений между центрами древней культуры: золото и сердоликовые бусы с Индостана, лазурит - из копей Бадахшана в Северном Афганистане. Ур был портом морской торговли с Индией. Высоконосные шумерские корабли, связанные из длинных тростниковых стволов и промазанные естественным асфальтом, с парусом из циновки на мачте из толстого тростника, плавали вдоль берегов Персидского залива... и далее в Индийский океан/116.-Т.1.-С.60/.

Само появление административно-торгового центра предполагает расширение земледельческой периферии, необходимой для поддержки города /в первую очередь - обеспечение пищей администраторов, жрецов, воинов и ремесленников/. Вместе с тем, можно предположить и раннее проникновение племен Евразийских степей в пределы Индии. Речь идет о памятниках в долине Инда III тыс. до н.э., известных в науке как культура Мохенджо-Даро. Поскольку древняя письменность, обнаруженная в этом раннем очаге урбанизации, до сих пор не расшифрована, трудно напрямую связать возникновение этой цивилизации с миграциями с севера.

История Древнего Китая обеспечена гигантским количеством источников, как письменных /включая надписи на панцирях черепах/, так и массовых археологических. Китайская цивилизация с самого начала была письменной цивилизацией, сыгравшей в культурно-историческом развитии Восточной Азии огромную роль.

IV-III тыс. до н.э. в Северном Китае складывается ряд неолитических комплексов, наиболее изученным из которых является яншаоский - с основным ареалом распространения в районе бассейна р. Вэй и среднего течения Хуанхэ до долины Янцзы. Характеризуемые расписной керамикой, полуоседлым

99

неполивным подсечным земледелием /посо/ и одомашниванием целого ряда животных /свиньи, козы, овцы, собаки, куры и крупный рогатый скот/ культура Яншао типологически относится к развитому неолиту /70. - Т.1. - С. 145/.

Государственная история Китая началась почти одновременно с Ближним Востоком. Интересно то, что самая ранняя производящая культура появилась на территории северо-западного Китая, в бассейне реки Хуанхэ, на стыке с миром степных народов Евразии. Специалисты считают возможным проведение генетической связи культуры Яншао /керамика, зерновые культуры, процесс одомашнивания скота/ с аналогичными культурами западных районов.

Вероятно, инфильтрация с запада скотоводческих групп, длившаяся на века и тысячелетия, была не массовой, а поэтапной и незаметной. Тем не менее, кардинальные преобразования в области материальной культуры объясняются именно влиянием извне.

К проблеме индоевропейской прародины. Судя по всему, возникновение первых крупных очагов Восточной цивилизации надо связывать с историческими процессами внутри континента. Первоначальные, исходные толчки шли из степных регионов, обитателями которых были коневодческие этносы. На наш взгляд, проблема эта связана с вопросом о возможной степной прародине индоевропейцев. Правда, этот вопрос чрезвычайно запутан и иногда противоречит самой простой логике.

Таковым является гипотеза о переднеазиатской прародине индоевропейцев

/Гамкрелидзе-Иванов/. Эта гипотеза предполагает двойное /иногда и тройное/ движение племен с первоначальной территории распространения до исторических мест их обитания. «Носители «древнеевропейских» диалектов направляются с первоначальной территории их обитания в Передней Азии, очевидно, через Центральную Азию и далее на запад повторными миграционными волнами и расселяются в

100

промежуточном ареале Причерноморья и Приволжья, где образуют в течение определенного периода особую диалектную общность», - пишет Т.В.Гамкрелидзе /75. - С.363/.

Затем, по мнению авторов этой гипотезы, индоевропейцы со своей второй родины /ее обрели они в III тыс. до н.э./ в конце II тыс. до н.э. отправляются в путешествие в западном направлении, оттесняя местное доиндоевропейское население. В ходе этих миграций возникли отдельные языковые группы как дальнейшее развитие общего индоевропейского праязыка. Такая сложная судьба была уготована также индоариям и тохарам.

«Протоухары» обитали на Ближнем Востоке уже в III тыс. до н.э. откуда они мигрировали в исторические места расселения /76. - С. 16/.

В данной гипотезе уязвимо само отождествление тохаров с гугиями /гути-кути-токри/ Ближнего Востока. Это гипотетическое тождество и высказанное ими предположение о возможном движении тохар с Передней Азии, через Восточную Европу, а затем в приволжские и прикаспийские степи в III-II тыс. до н.э. не укладывается в реальную картину и противоречит многим фактам. Очевидно, что между Передней Азией /прародина/ и местами исторического расселения их /Европа, Восточный Туркестан /тохары/, Индия и Иран/ лежали территории и культуры многих неиндоевропейских народов. Как можно было просочиться между ними, сохранив свои культурные и антропологические, а самое главное, языковые основы?!

Более объективны в своих поисках индоевропейской прародины М.Гимбутас и её последователи, которые говорят о необходимости поиска прародины в восточном направлении, в регионе Северного Причерноморья. Этот регион совпадает с ареалом распространения древнеямной /курганной/ археологической культуры ранних коневодов. Эта гипотеза хорошо согласовывается с утвердившимся мнением о том, что ранние индоевропейцы были скотоводами-пастухами, а не оседло-земледельческим населением. Гипотеза М.Гимбутас подтверждается материалами по энеолиту Северного Причерноморья и

101

Поволжья. Следует только дополнить эту убедительную в целом гипотезу материалами по восточным регионам, в частности, по Казахстану.

К настоящему времени из-за неизученности памятников позднего камня /неолит/ и медно-каменной эпохи /энеолит/ мы не можем однозначно связывать ранние миграции индоевропейских народов с территорией Казахстана. Однако, очевидно, что энеолитическое население Казахстана было связано, с одной стороны, со среднеазиатским очагом древней цивилизации, а с другой - с Северным Причерноморьем и Поволжьем. Последний регион вообще необходимо рассматривать как маргинальную окраину степного мира, только в контексте с восточными степями.

Открытие серии энеолитических памятников на территории Северного Казахстана изменило наше общее представление о ходе историко-культурного процесса в данной территории /и в более широких ареалах/, в ГУ-III тыс. до н.э. Благодаря открытию Ботая и др. памятников стало возможным выделить в степной части Казахстана, наряду с Поволжьем и Северным Причерноморьем, еще одного древнего очага пастушеской /отчасти земледельческой/ культуры. Эти материалы в этноис-горическом плане требуют более обширной интерпретации особенно, когда дело касается освоения новых пространств, в расширении связей с внешним миром, в распространении прогрессивных

достижении степного энеолитического хозяйства.

Расселение индоевропейских народов проходило в форме «жспансии» степных племён в Юго-Восточную Европу и в Анатолию в период энеолита и ранней бронзы. Вполне возможно, что эти передвижения носили перманентный характер. В начальном периоде в ходе движения индоевропейцев на юг и запад с коренных мест обитания, вероятно, были вытеснены шумеры и другие народы. Постепенно занимая самые выгодные плацдармы /в маргинальных зонах/ индоевропейцы в III тыс. до н.э. и сами включились во все вторжения в оседлые регионы. Ранними индоевропейцами в Передней Азии были

102
миттанийцы, хетты и др. К более поздним относятся переселения германских, кельтских, балтийских и славянских групп в западном направлении, иранцев и индийцев /ариев/ - в восточном. Локализация прародины индоевропейских народов в довольно узкой полосе степной Евразии в IV-III тыс. до н.э. позволяет объяснить существование общей лексики для обозначения домашних растений, животных, а также терминов, связанных с древней металлургией бронзы, терминов, обозначающих колесный транспорт*. Одними из ключевых слов в общем индоевропейском языке являются родственные слова обозначающие лошадь /реку/. Примечательно, что это информативное общеиндоевропейское слово «лошадь» берет начало со степного «*алаша ат*», семантика которого связана с широко распространёнными понятиями в среде степных народов с самых древнейших времен /алаша-ат, алашык /лачуга/, алаша, аламан и т.д./. В казахском историческом фольклоре, как и у многих центрально-азиатских, тюрко-монгольских народов сохранилось значительное количество терминов яфетического прошлого.

К происхождению слова «лошадь». Индоевропейским эквивалентом этого слова (лошадь) является «*to alogon*», получивший специальное значение «лошадь» уже в папирусах в самом начале нашей эры. Э.Бенвенист считает, что форма *to alogon* является сингулятивом от *to aloga* «животные», «неразумные - о животных самых привычных, самых полезных, т.е. о лошадях» /42. - С.46/.

**Об индоевропейских прародинах: «За период, чем в 150 лет поиски индоевропейской прародины не привели к решению, которое было бы принято за пределами группы сторонников конкретной концепции... Нет сомнений по поводу того, что прародина была в конце концов обнаружена, ведь ее искали повсюду ~ от Северного полюса до Южного и от Атлантического океана до Тихого. С точки зрения хронологии прародину помещали как угодно - начиная с 100000 г. до н.э. и до 1600 г до. н.э.» /с.60. Цж.П.Мэллори. Индоевропейские прародины// ВДИ. 1997. №1/.*

103

Интересно следующее его утверждение: «значительная ¹ часть названий животных являются именами собирательными», в связи с интерпретацией латинского термина «*animalia*». В индо-иранском, италийском и германском более употребляем термин «Реку» (*Rekus*), первоначально означавший «личное движимое имущество», а затем «скот». «Реку» находится в семантическом тождестве с понятием «*алаша ат*», представляя его перевод - «пегий», «пегас» и т.д. /См. приложение к этому тому: «Пеголошадные пионеры степной цивилизации Евразии»/.

«Яфетическое прошлое» - производное от «яфетической теории». Автор этой теории академик Н.Я.Март доказывал даль-і ее родство индоевропейских языков с тюркскими и семитскими языками. От первоначального яфетического единства вначале отделились тюрки и финны /т.е. урало-алтайская языковая семья/. Они сохранили древние основы единого языка. И индоевропейцы и семиты по пути своего движения /расселе-і шя/ претерпели серьезную трансформацию. «Яфетическое» от имени Яфета младшего сына пророка Ноя /173. - С.93/.

Говоря о Великом степном поясе Евразии, вероятно, следует связывать его не только с индоевропейской прародной, но и еще с более широким кругом проблем. Возможно, ключ к объяснению общеностратической /яфетической/ основы Евразийской культуры следует искать в степных просторах.

Насколько мы можем судить, расселение индоевропейских народов было многоэтапным и постепенным процессом, охватывающим все новые районы Европы и Центральной Азии. Вероятно, самые активные переселения шли в конце IV - начале III тыс. до н.э., после чего в Великой степи наступает период относительного затишья и стабильности. В социальном плане это привело к укреплению таких форм общежития как племя-ига или же союзы племен. Племена состояли из нескольких родовых общин, объединённых не только родством, но и территориальной близостью, генеалогическими узами, однородным хозяйством, диалектом и культурно-бытовыми особенностями.

104

Одновременно происходит усиление потестарной структуры, основанной на этносоциальной организации. О появлении раннего государства на территории Казахстана в эту очень раннюю эпоху ЯП тыс. до н.э./ говорят некоторые фрагменты казахского шежире: *«Каратаудан арі карай асыцдар. Улытау, Ктітау деген таулар бар, Каракенгір, Жездтенгір, Кудайберді деген жерлерге барып, ірее теуіп, салык салыцдар. Акнайза-ның ушымен, ах; бтектец куштен ел болуды, журт болуды ойлацдар. Кундерццкунтде осы бала хан болады, сендер кара-ша боласыцдар. «Хан эдт болса, кр.раша табанды болса, кара жерден кеме жургІзедІ деген», - деп аксакицдар батасын берт, жггттердг ж уреісіп жгберттг. Актау, Ортаудан асып, Шу мен Сарысуды квктей етіп, Майкы бидцайткан жерте келт, уйкьгны бузып жылыкы алды, куймет бузып кьз алды. Квш елЫ кеишжвнекей алды, ереуіп елЫ отыртн жерте шапты. Оз алдына мал малданып, жан жанданып, уйл-баранды болды. Сатусыз дуние, калыщыз кьз ала бастаюн соц, ел болмаска немене»*. Шежире повествует о ранних обитателях Великой степи, вступивших уже в путь формирования государства, что выражается казахскими словами *«ел болу, журт болу»*. К доказательствам, свидетельствующим о древности цикла легенд об Алаша-хане, мы еще вернемся. В них отражены отголоски древних представлений казахов о своем прошлом, о своих пер-вопредках, обитавших в Великой степи в эпоху энеолита и ранней бронзы. В это время складывается общность коневодческих племен, идет формирование основных параметров этносоциальной структуры и усиление потестарно-политических институтов.

Мы располагаем очень мизерным количеством фактических материалов, чтобы делать выводы о всех разнообразных изменениях, произошедших в развитии хозяйства степных племен в древнюю эпоху. Но, все же, мы склонны думать, что племена, обитавшие в центральной части Казахстана, связанные на юге с оседлыми регионами Средней Азии, а на севере - с полуседлыми коневодами Урало-Иртышского междуречья в начале II тыс. до н.э. первыми создали комплексное хозяйство, сочетающее скотоводство, земледелие и высокоразвитую металлургию. Переход от охотничье-коневодческого хозяйства к полуседлому комплексному сопровождался, по видимому, ростом населения и формированием крупных культурных общностей.* Изменения, происходившие в хозяйстве и в быту племен центральных регионов Казахстана, связаны, в первую очередь, с прогрессирующей аридностью климата. Еще в конце III тыс. до н.э. в ней установился «сухой и жаркий климат /ксеро-терм/, перепад в зональности ландшафта составлял 150-200 км» /107. - С. 172/. Уменьшаются стоки многих рек, усыхают над-і юйменные террасы, понижаются уровни озер и т.д. Наступающая аридизация территории заставила население степных просторов Казахстана искать какие-то формы адекватного отпета на вызов природы. На наш взгляд, именно поиском оптимальных путей выхода из кризиса определяется переход к комп-ј юксному хозяйству. В

первой половине II тыс. до н.э. раскрылся и весь потенциал культуры эпохи бронзы Великой степи /наиболее крупные очаги комплексного хозяйства эпохи бронзы расположены на всем пространстве полупустынных и степ-и ibix равнин Казахстана/. Границы культуры вышли за его рамки, постепенно охватывая близлежащие лесостепные, оседлые регионы, маргинальные зоны. О расцвете культуры свидетельствуют крупные поселения (протогородская цивилизация), яркие культовые сооружения, металлургические центры, высокий уровень социального развития. Даже в Евразийском масштабе культура эпохи бронзы Казахстана представляется значительной и яркой. Бурное развитие металлургии и скотоводства привели к росту производительности и усиленной специализации общественного труда, к крупным изменениям в общественной жизни.

**Алаш - в монгольском языке одно из значений этого слова - «охот-ник». -См. «Монгол-казахтоль» (Б.Базылхан. Монгольско-казахский сло-нир. - Олгий, 1984. - С.27: «Алаач I. Ацшы; 2. блтгрги, кьгртиш»). Безусловно, это не самый веский довод для вышесказанного утверждения, но тем не менее предполагает участие в процессе формирования ранних степных общностей охотничьих групп.*

106

С другой стороны, уплотнения /концентрация/ населения в долинах степных рек, мощный демографический рост, связанный с обеспеченностью продуктами питания и относительной безопасностью населения, привели к активным миграциям жителей степи. По видимому, этому процессу были особенно подвержены племена коневодов междуречья Урала - Иртыша т. е., Северного Казахстана. Археологические исследования на энеолитических памятниках Северного Казахстана /Ботай/ показывают, что население двояко отреагировало на наступающий кризис. «Часть населения, сохранившая табуны, начала миграцию в поисках сходных с ботайскими зон обитания..., другая часть населения не смогла сохранить традиционный культурно-хозяйственный тип, социальная структура деградировала. Небольшими семейными коллективами оно рассредоточилось по долинам рек. Вновь на первое место в хозяйстве вышли рыболовство и охота» /108. - С.176-177/.

Таким образом, в результате распада энеолитического хозяйственно-культурного комплекса, основанного на широком повсеместном господстве коневодства, во II тыс. н.э. на территории Казахстана и близлежащих регионов сложились две этнокультурные общности. Западная, сформировавшаяся между Днепром и Волгой, охватившая Западный Казахстан, получила в археологической литературе название «срубной культуры» /по способу погребения в срубах/. Восточная, относящаяся к степной зоне Казахстана, включая южную Сибирь, по месту первого выявления называется «андроновско-кой». Основой комплекса культур эпохи бронзы стало освоение бронзолитейного производства, резко улучшившее качество орудия труда и оружия, появление конской упряжи и легких боевых колесниц, культ огня, переросшее впоследствии в зороастризм, героический эпос и т. д.

Как свидетельствуют материалы, в конце III - начале II тыс. до н.э. в обширных регионах Великой степи в результате ари-дизации возник ряд противоречий. Перед дальнейшим ростом производства и населения преградой встала ухудшение природной среды. Уже в начале II тыс. до н.э. перенаселенность и

107

и этой связи возникший избыток населения налегали на производительные силы, что заставило ряд групп из числа степных племен, предпринять миграции на запад и юг. Вероятно, следует говорить о начале нового витка миграционной активности/одновременно экспансии/ народов Великого степного пояса.

Как известно, в земледельческих оазисах Востока первыми оказались народы шумерского круга. С ними связано начало становления древнейших цивилизаций /Шумер, Египет, Мохенджо-Даро/, некоторые материалы позволяют говорить о сильном влиянии первой волны на становление Китайской цивилизации. Вторая волна миграции связана с распадом индоевропейской общности в конце IV - III тыс. до н.э. /116. - Т.1. -С.331/. Индоевропейцы распространяются на юго-запад Европы /греки, фракийцы/, на юг, т.е. в Малую Азию /хетты и др./, на запад Европы /кельты и др./, более поздними считаются движения племен в Западную Европу /германские племена/, а также в леса Прибалтики /литовцы и латыши/.

Таким образом, миграции II тыс. до н.э. как бы составляют третью волну. Характер движения

степных племен, направления маршрутов, особенности быта, и как результат - появившийся в ходе завоеваний оседлых регионов симбиоз, свидетельствуют о существовании определенной закономерности. Историки, рассматривая различные факторы миграции, особо подчеркивают социоэкономические и демографические. На наш взгляд, на активность степных народов оказывают сильное воздействие системные коллапсы аборигенных культур Востока.

1 Причины часто повторяющихся этнополитических кризисов в тех регионах, которые граничат с миром степных народов, объяснить трудно, но образующиеся при этом вакуумы очень притягательны. Причины перманентных вторжений степных племен связаны с вызовами по большей части извне, со стороны их оседлых соседей. Во всяком случае, в факте массового вторжения индоарийских и иранских племен во II тыс. до н.э. на юг и юго-восток искать каких-либо завоевательных мотивов сложно. Проникновение их в Индию и Иран происходи-

108

ло постепенно и медленно, взаимодействие их с местным населением проходило мирно и безболезненно. Но в то же время результаты этого движения для местных культур были революционными.

Роль арийских племен в формировании древнеиндийской цивилизации в науке бесспорна. Примерно в XIV-XIII вв. до н.э. начинается крупномасштабное проникновение арийских скотоводческих племен на территорию Северной Индии. Малочисленное, но сильно организованное объединение арийцев на повозках и колесницах проложили путь в долину Инда и Ганга.

Арии внесли в спокойный мир древних дравидов, в их мат-риархально-общественный быт много нового. Знакомство с металлом, ирригационные устройства, развитое ремесло - все это вкуче способствовало быстрому и успешному утверждению арийцев в Индии. Арийская религиозная культура и мифология, особое отношение к природным культам с жертвоприношениями, ведущая роль жрецов-брахманов и развитая форма социальной структуры выдвинули в этой цивилизации на первое место религиозно-духовные ценности. С приходом арийцев в Индии складывается новый миропорядок надолго определяющий дальнейшее его общественное развитие и исторический путь индийской цивилизации. «... интересно и даже удивительно, когда подумаешь об этом длительном и непрерывном существовании индийской культуры и цивилизации, возникших на истории и сохранявшихся на протяжении веков вплоть до наших дней, - писал Дж. Неру, - Мы, возможно, исходим по прямой линии от тех людей, которые в древности спустились через горные проходы с северо-запада в улыбающиеся долины страны. Не видишь ли ты, как они со своими повозками спускаются с горных перевалов в неведомые земли внизу? Храбрые, преисполненные духа приключений, они дерзко шли вперед, не страшась того, что их ждало» 190. - Т. 1. - С.44-45/.

В древних сказаниях индийцев сохранились воспоминания об этом времени, как о «Золотом веке». В те времена у них не было ни разделения по сословиям и кастам, ни имущественного неравенства. Одним словом, вырисовывается картина пастушеской идиллии, и что в самом деле имело место: «Те люди делали все, как хотели, были счастливы. Не было у них ни закона, ни беззакония, и не было между этими людьми никаких различий... Не было тогда различий по кастам и по образу жизни, и не было смешения каст. /Они/ не руководствовались л любовью или ненавистью друг к другу. От рождения они были одинаково красивыми и долголетними, не разделялись на знатных и низких, были счастливы и не знали печали». /Из древне-и 'o источника Ваю-Пурано «Древние сказание бога ветра»/ /250. С.77/.

Как известно, в IV веке до н.э. Северная Индия была завоевана греко-македонскими войсками, в составе которых были также боевые группы кочевников Евразии. В источниках говорится об участии массагетских тяжеловооруженных воинов в походе Александра Македонского. После ухода их с территории Индии образовалась новая империя, объединившая всю территорию Индии, также земли Афганистана. Так называемая империя Маурьев /317-180 гг. до н.э./ дала мощный толчок становлению древнеиндийской культуры и социальных порядков. Затем всей территорией Северной Индии, включая долины Инда и часть Ганга, овладели кушаны /потомки юэчжей/. Они известны по китайским источникам начала новой эры, как древнее население монгольских степей и Семиречья, а также как соседи постепенно усиливающихся гуннов. Под давлением гуннов, после долголетней борьбы они оставили родовые места и на территории Средней Азии создали сильное государство. Юэчжи оттеснили греко-бактрийцев и вели успешные войны против Парфии. VI в. н.э. при знаменитом Канишке кушаны включили в состав государства территорию и народов Северной Индии. Бронзовый век начинается в Китае также с середины II тыс. до н.э., совпадающей по времени с активными движениями арийских племен. Об участии степных народов в дальнейшем развитии Китайской цивилизации говорят

ПО

сами за себя бурное начало бронзолитейного века, письменности, а также строительство царских гробниц, боевые колесницы и т.д.

В китайской историографии цивилизация Китая, появившаяся во II тыс. до н.э., рассматривается как эпоха господства Шан-Инь, которая, как пишет Л.В.Васильев, «очень многим обязана культурным влияниям извне. До эпохи Шан-Инь китайцы вообще не знали ни лошадей, ни колесниц, ни других атрибутов степной цивилизации. В то же время, проникновение достижений западных племен в Китай не носило революционного характера. Все происходило мирно, поэтапно и без скачков. Это позволяет предполагать, что в генезисе китайской цивилизации Великая степь, как ближайший сосед, сыграла немаловажную роль. Проникновение кочевых племен более заметно с середины II тыс. до н.э. Большинство памятников иньской письменности составлены на «гадательных» костях. Обычно, жрец-гадатель брал кость животного, острым орудием выцарапывал на них вопрос и клал кость на огонь. По расположению трещин, образовавшихся после обжига, гадатель угадывал ответ. Один из надписей датируется концом династии Инь /XIV-XI вв. до н.э./ и содержит ценные данные о хозяйстве китайцев: «Десять человек из племени Ту пасут скот на наших землях. ... из земель племени Люй также гоняют скот на западные пастбища... Ван (правитель) отправился на поход в Люй и приказал снарядить много рабов для битвы с Люй». Этот факт свидетельствует о нелегких отношениях между кочевым и оседлым населением.

Таким образом, вкратце вырисовывается следующая история. Около середины II тыс. до н.э., после династии Со к власти пришла, как указывалось выше, династия Инь. С этой династии начинается классическая история Китая. После 640 летнего правления эту династию заменил Чжоу, приход которой знаменует начало хорошо организованного государства. В середине I тыс. до н.э. в политических событиях Северного Китая играли немаловажную роль жуны, их влияние было особенно заметным в бассейне Хуанхэ.

III

Сходств и различий между великими культурами Древнего Востока много. Например, радикально отличаются языки; мало общего имеет материальная культура, приспособленная к соответствующей экологической нише. Вероятно, основные различия между основными очагами древней культуры заключаются в общности духовных устремлений, общественных устоев, социальных процессов. В них и следует искать основополагающего универсального значения влияния степных народов Евразии.

Немало интересных выводов делают археологи, занимающиеся изучением инновационных элементов в древней /материальной/культуре Востока. В основе этих новшеств, проникших во II тыс. до н.э. в земледельческие регионы обнаруживаются стандартные мотивы эпохи бронзы Евразийских степей. «Во второй половине II тыс. до н.э. на юге Средней Азии, в Бактрии и на севере Индостана такими инновациями служат появление: лепной керамики, деревянного дома с коньковой крышей; протоюрты, костюма, не имеющего истоков в местной культуре и экологически чуждого, а также культа коня, колесницы, верблюда, отраженных в искусстве и ритуале, и под-курганного обряда погребения», - отмечает Е.Е.Кузьмина /147. - С.261/. Наиболее существенные инновации в сформировавшейся арийской культуре /Ирана и Индии/- это всадничество, конское снаряжение и культ коня, являющиеся наиболее существенными элементами этнической атрибуции степных народов Евразии.

Подлинно грандиозным духовным творением этой эпохи, своеобразным прорывом стало появление зороастризма /зар-душ/. Этот прорыв служит как бы первым посвящением человечества в тайну неизведанных возможностей. С этого момента, наступившего в середине II тыс. до н.э., мир людей состоит из двух неравнозначных групп, а роль посвященных в исторический процесс все больше увеличивается.

«Пророк Зороастр жил в такой глубокой древности, что сами его последователи забыли, когда и где это было», - пишет М.Бойс, самый авторитетный специалист по этой теме. Она 112

отмечает, что многие страны претендовали на благочестивую роль его родины, но исходя из «содержания и языка, сложенных Зороастром гимнов, теперь установлено, что в действительности он жил в азиатских степях к востоку от Волги».

Как правило, культовые элементы религии более консервативны, чем сами представления. Так и в зороастризме, испокон веков основные культы остаются неизменными, а именно -вода и огонь. Огонь, вода и другие культы зороастризма, в том числе погребальные и поминальные традиции /также консервативные/ сохранились у местных потомков тех пастушеских народов. «Культ вечного огня, видимо, был распространен среди индоевропейцев, которые видели нечто божественное в горящем пламени, - пишет М.Бойс, -. . . зороастрийцы называли огонь Атар. Они совершили приношения из трех элементов также и огню... из сухих чистых дров, благовоний и небольшого количества животного жира» /53. - С. 11/. Из числа указанных компонентов жир считался основным /откъмай к,уо/. Частью зороастрийского культа считается и обязательная ос-вятительная молитва перед жертвоприношением /ак.сарыбас бата/.

Составной частью зороастрийских культов индоиранских народов /и у поздних степных народов/ были и ритуальные приношения воде и солнцу. Обычно применяется в этих целях молоко /ак/и часто - кумыс. В комплекс зороастрийских традиций входят проведение очистительных ритуалов в горных пещерах /это соблюдалось и поздними степными народами/, а также строительство костехранилищ - астоданов /сахана/. В степных районах Казахстана сохранились несколько «сахана» - родовых усыпальниц, отдаленно напоминающие древнеарийские «астоданы». Наиболее сохранившиеся подземные склепы находятся в районе Улутау, Жанаарка, Тенгиз и т.д..

Мы можем говорить, о существовании у поздних кочевников (XV- XVIII вв.) целого комплекса зороастрийских культов: священное отношение и обожествление огня, воды и соответствующие культы; обряды очищения и обряды защиты /от злых

сил/, отношение к животным и, в особенности, к жертвенным /домашних животных убивали ради приношений богам - от этого произошел обряд к.удайы конак/, священное отношение к существующему миропорядку /ашва-ас/ и др. Возможно, перечисленные пережитки /это ещё далеко не полный список/ напрямую и не говорят о существовании в Великой степи в позднейшие времена зороастрийских культов, скорее всего речь может идти о том едином комплексе представлений и миропорядка^ которых берут своё начало, с одной стороны, индоиранский зороастризм, с другой - язычество степных народов. Вполне вероятно, что Зороутра - основатель этого учения -имел прямое отношение к степи. О датах его жизни среди историков нет единого мнения, по предположению М. Бойс: «Зороастр жил между 1500 и 1200 гг. до н.э. Этот период Великая степь переживает самый яркий расцвет культуры, по масштабам и уровню достойного эпитета «степной ренессанс». Зороастризм и его учение и есть результат, этого ренессанса. Этот подъем в основном был связан с успехами древней металлургии в степи. Многочисленные центры разработки цветных металлов далеко выходят за пределы степи, охватывая Восточный Казахстан и Алтайские предгорья, Южную Сибирь и Северный Казахстан, на юге - вплоть до Бетпакдала. В рассматриваемое время, в обществе выделились специализированные группы населения, занимающиеся горными разработками, строительством циклопических сооружений, производством гончарных предметов. Глубокая промышленная специализация и достаток, обеспеченный увеличением поголовья скота, создали культурный прогресс.

В скифскую эпоху отчётливо проявилась общность степных племён и воздействие их культуры на оседлый мир. Археологические находки подтверждают, что горно-степные культуры западного «карасукского» и особенно «татарского» облика оказали сильнейшее воздействие не только на те области Северного Китая, которые прилегают к степной зоне, но и на равнины Маньчжурии, вплоть до Приамурья и Прикамья. Ка-

114

расукские бронзы проникали даже в Китай и на Японские острова» /153. - С.159/. И начало строительства длинных стен в Китае против степных народов в эпоху мелких раздробленных государств также датируется I тыс. до н.э.

Много общего между культурой скифов, сарматов, вступивших на историческую арену в VIII в. до н.э., и культурой степных народов II тыс. до н.э., «преемственность... прослеживаемая не по отдельным элементам комплекса, а по совокупности признаков, как обусловленных принадлежностью единому хозяйственно-культурному типу... так и этнически значимых признаков», - пишет Е.Е.Кузьмина /147. - С.264/.

Исторические и этногенетические корни скифов, т.е. область первоначального их обитания, во многом остаются загадкой. В течение долгого времени многие учёные предполагали, что памятники искусства скифов изготавливались греками, жителями городов-полисов Северного Причерноморья. Но, впоследствии, подобные образцы, выполненные в «зверином стиле», были найдены в Казахстане, в Южной Сибири, в Средней Азии и даже в Северо-Западном Иране. Предметы скифского искусства, выполненные в традициях «звериного стиля», находят в разных концах Евразийского материка.

Сходство образцов скифской материальной культуры во многих частях Старого Света и ход развития истории в середине I тыс. до н.э. заставляют обращаться снова в степь. Во все времена орудия труда и идеи медленно распространялись по другим регионам, поскольку аборигенные культуры были достаточно консервативны и не всегда

воспринимали новшества извне. Вероятно, в начале I тыс. до н.э. в глубине Евразийского степного субконтинента существовал мощный центр, откуда происходило распространение общего стандарта. Носителями этих новшеств были племена, уже переходящие к кочевничеству. Археологические материалы по памятникам Великой степи I тыс. до н.э. и античные источники, свидетельствующие о западных группах степных племен, говорят о значительной подвижности населения этого периода. На основе изучения древней металлургии Центрального

115

Казахстана и близлежащих территорий А.Х.Маргулан пришёл к заключению, «что первыми открывателями и создателями медной индустрии в Центральном Казахстане и Сибири были племена эпохи бронзы, в хозяйстве которых ведущими были две основные отрасли: скотоводство и разработка руд... в конце бронзового века племена стали переходить на яйлажное скотоводство,... все увеличивая радиус кочевания. Эти кочевые племена, возникшие на культурных и экономических традициях людей эпохи бронзы, греки называли «азиатскими скифами», иранцы - «саками». Это был первый крупный союз племён, куда входили саки, массагеты, аргиппеи, аримаспы, исседоны и др. ... Главное достижение скифских кочевых племён составляет еще одно важное, доселе неизвестное достижение. Это - открытие секрета плавки железной руды» /167. - С.13/.

Существенный прогресс, достигнутый в степной металлургии в I тыс. до н.э., является результатом предшествующего развития: создание новых типов сплавов, новых конструкций металлургических горнов и печей. « Все эти достижения предопределили развитие металлообработки в эпоху железа: большинство типов металлических орудий труда, кинжалов, стрел явились прототипами изделий, использовавшихся саками и скифами. Ими унаследованы и многие технологические процессы и приёмы, а само внедрение железа было закономерным результатом достижений эпохи поздней бронзы», - отмечает Е.Е. Кузьмина /147. - С. 153/.

Таким образом, вряд ли уместно говорить о переднеазиат-ских корнях скифского искусства и ремесла. Мощные автохтонные традиции были достаточно сильны в скифской среде и существовали независимо от уровня контактов с Востоком и Западом. Именно степные племена скифо-сакского культурного круга дали очередной толчок ходу всемирной истории.

В VIII в. до н.э. племена, именующие себя скифами, оказались в районе северного Причерноморья. Они стали оттеснять германские племена, активно сотрудничали с греческими городами-полисами. В Причерноморье они создали мощные политические объединения, существовавшие до начала новой эры.

116

В VIII в. до н.э. скифы-саки появились в Передней Азии. По свидетельству античных историков, они пришли сюда через Кавказ, по западному берегу Каспийского моря. Сильные группировки кочевников прошли через Иран, Малую Азию и дошли до границ Египта, где фараон вынужден был откупиться от них, и обещенная дань спасла это государство от разрушения. Ассирия, в те времена одна из сильных мировых держав, искала союза со скифами. Царь Ассархаддон намеревался скифскому вождю Партауга отдать свою дочь в жены. В зависимости от скифов оказались мидяне и другие западно-иранские племена. . . Этот период интересен еще и тем, что скифская территория сама оказалась объектом экспансии со стороны ахеменидского Ирана, чего, на наш взгляд, в более ранние /шумерский, индоевропейский/ периоды, возможно, не могло быть. Хотя мигранты из степных народов на Востоке и создаваемые ими государства были достаточно пассионарными в начальные периоды, они искали контактов со своей исторической родиной и истоком, стремились

присоединить свои родовые территории к империи. Это имело место и в позднейшей истории Среднеазиатско-Казахстанского региона*.

В движениях кочевых племен I тыс. до н.э. прослеживаются те же закономерности, что было в прошлом. Толчки идут где-то в глубине Центральной Азии, и по закону запального шнура эта инерция постепенно нарастает, охватывая все больше племен и регионов, пока не охватит, в конце концов, весь субконтинент. На наш взгляд, основные направления движения скифо-сакских племен распространялись в основном на западные районы Передней Азии, Северного Причерноморья,

**Мы имели в виду даит-и-кыпчакских узбеков, последовавших за Мухаммедом Шайбани в Мавераннахр, и моголов, сторонников Бабурра. Первые в начале века организовали несколько походов в правобережье Сырда-рьи. О попытках моголов во главе с Бабуром снова вернуть к себе свои прежние владения /тимуридские/ - подробные сведения содержатся в «Бабур нома». Полная интерпретация этих событий во втором томе настоящего издания.*

117

Среднюю Азию, а также в некоторой степени - Китай и Северную Индию.

Геродот со слов скифов приводит рассказ, объясняющий появление скифов в Северном Причерноморье и в Передней Азии: «Скифы-кочевники жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны с массагетами и, перешедши реку Араке, удалились в киммерийскую землю...»/81. - С.308/.

Ссылаясь же на Аристея, он даёт и другой маршрут следования скифов в Европу: «Начиная с аримаспов, постоянно воюют с соседями, так что исседоны вытеснены из своих земель аримаспами, исседонами вытеснены скифы, а киммеряне, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов». Вероятно, многоплеменной состав скифского общества в Европе объясняется тем, что в переселениях участвовали различные группы кочевников Великой степи. С одной стороны, в нём было много представителей с западных регионов Казахстана, где массагеты, безусловно, повлияли на ход этих движений и переселений. «С запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты», - пишет Геродот. С другой стороны, по сообщениям Аристея, в переселениях участвовали племена, обитавшие в Северо-Центральном Казахстане. Немало сведений, вероятно, относящихся как к эпохе бронзы, так и к скифскому периоду истории Великой степи, содержат исторические своды самих кочевников. В устной традиции этот период известен как период господства династии Татар-хана. *«Татар хан заманы ЮОжылыу созылып, халкы вте квбейген. Жазулар бойынша Яфестен Алынша /Апаши/ хан арасындашдан бір юна Татар хан заманындагы халыктың всугкеремет болтн. Илениц батысы, Алатау, Сыр бойы, хазар тецште дейт жайылтн. Солтусттте Орал, одан деріЕртіс, Алтай, Байкал Кwi, Амурт дейт, Шъиыста Шыщъцорталы/ыШанчтшаБарына, онтусттте Тибет тауларынанасып Үнді шекарасына дейт жеткен. Татар хан вгген соцулы Бука*

118

хан, уны Ареалы хан /А к,сары/, оданулыАрдакхан, улыБайдуь билІктерІ болин. Осыпан шешин моцгол мен татар арасында алауыздыц болмаюн. Осы Еаудуһ хан моцюлдарды шауып, бутн олар бас квтерт карсылыц бLндіріп, осыдан туыскан-дъцемес, жауласу басталды» /247. - С.220/. В казахском источнике в качестве одной из основных причин активности кочевников /вероятно в I тыс. до н.э./ указывается черзвычайно большой демографический рост населения Великой степи от Хазарского моря на западе до города Шанчин на востоке /Китай/, от Уральских гор на севере до Тибета на юге. «Халыктың есугкеремет болин» - говорит источник, т.е. «численность народа чрезмерно возросла». Столицей татарского ханства при Суйунуч-хане /сын Бай-дух-хана/, К.Халид, ссылаясь на древние источники, назвал город Сыртак: «Суйишиханньцорталыны Сыртак, гиаБары бол юн, казІргІ Сайрам квлищ орны екен, бул ара Таран мен Эулж;а орталыш болды».

Относительно этимологии названия города «Сыртак» автор пишет следующее: «Сыртак, - зи-нат бертген так, сырлы так:, магынасында...»

К.Халид считает Суйунуч-хана современником великих правителей Ирана и Турана Манучахра и Афрасияба. «*Суитиі хан Иран шахы Мвнушахрмен, кеитрек Туран ханы Афрасиб жене Ысфандиярмен дэуІрлес болады. Татар ханнан Суитиі хан т дейт сегІз хан вткен*». Предположительно, время правления потомков Татар-хана до Суйунуча - восемь поколений и охватывает промежуток времени в 300 лет. Потомки Суйунуч-хана правили 700 лет. В общей сложности династия Татар-хана господствовала не менее 1000 лет в Великой степи. На наш взгляд, в данном шежере речь идёт о временах арийско-скифских. Повествование охватывает вторую половину II тыс. до н.э. и первую половину I тыс. до н.э. Таким образом, в I тыс. до н.э., известном в литературе как скифское /сакское/ время, продолжают действовать те же закономерности, которые лежали в исторических взаимоотношениях Великой степи с древними цивилизациями Востока.

119 4. Средневековая история

Выше мы уже писали о том, что средневековый этап в истории Великой степи выделен лишь условно, в первую очередь из-за необходимости систематизации исторического материала в контексте Всемирной истории. За ним собственно и не стоят те смысловые и содержательные моменты, которые имеются в периодизации европейской истории*. Тем не менее, важно выделить из общего потока истории кочевых сообществ Евразии определенные этапы. Прежде всего, это необходимо для выяснения специфики самого степного мира и его развития в общем процессе истории. В данном случае ряд обстоятельств заставляет нас опереться на хронологию истории европейской цивилизации.

Европейские историки начало средневековья связывают с падением Римской империи и разорением Рима - этого вечного города. Судьба империи была предрешена ещё в начале I тыс. н.э., когда начались новые импульсы движения степных народов Евразии. Античный уклад, составлявший основу империи, был обречен внутренним кризисом рабовладельческой системы. В умах выдающихся деятелей той эпохи всё больше актуализировались проблемы отчужденности человека, его бессилие перед необходимостью и тщетность какой бы то ни было деятельности /260/. Римская империя, поработившая на сотни лет народы Европы, Передней Азии и Северной Африки, превращалась в паразитирующий организм, изживая себя.

Движение гуннов из глубин степных равнин только ускорило конец Римской империи и открыло новую страницу истории европейских народов. Если говорить, о характере движения, то, по сути, кочевники начала нашей эры действовали в соответствии с традициями. Европейский вакуум, образовавшийся параллельно агонии Рима, притягивал к себе пассиона-

**В сущности, Европейское средневековье - это эпоха феодализма /по марксистской периодизации - формация/, которая отделяет античность от начала индустриальной/капиталистической/эпохи.*

120

риев, манил богатствами и требовал энергетических вливаний.

В ходе Великого переселения народов, когда под давлением гуннов с Востока, сотни германских, славянских, иранских /аланы/ племен вторглись в пределы Западно-Римской империи, в Европе были посеяны семена феодализма. Одновременно, происходило образование новых государств, этнических структур, рождались культурные тенденции. Гунны, возглавляя в течение многих столетий восточную коалицию степных племён, оказали огромное влияние на судьбы народов восточных регионов, в особенности Китая, Средней Азии, Сасанидского Ирана и Северной Индии.

Анализ многочисленных источников приводит к выводу о том, что на территории Казахстана и близлежащих степных регионов в I тыс. до н.э. развивался самобытный очаг степной культуры. По своим историко-культурным особенностям он отличался

как от западного, так и от восточного культурных ареалов. Имеется значительное количество фактов, свидетельствующих, что исторические судьбы населения Казахстана, Западной Сибири, Средней Азии, Поволжья, Урала и Алтая, были в тесной взаимосвязи. Это был единый мир степных народов*.

Историко-антропологические исследования говорят об ав-тохтонности населения Великой степи. Вместе с тем, образ жизни степного населения отличался от хозяйственно-культурных параметров племён эпохи бронзы /в особенности/ и ски-фосакского периода. С начала I тыс. н.э. идёт процесс усиления кочевничества. В составе стада, как и в эпоху энеолита, начали преобладать лошади. Но одновременно, идёт процесс укрепления и дальнейшее развитие в отдельных регионах земледелия и горной металлургии. «Дальнейшее развитие метал-

**В силу различных факторов, и в первую очередь природных, система ведения хозяйства, уклад жизни, претерпевают определенные корректировки/например, в эпоху бронзы и т.д./. В целом для Великой степи и здесь характерна цикличность/чередование/. В каждом случае населению Вели-*

121

лургии в Центральном Казахстане связано с историей племенных союзов гуннов, усуней, канпой, от которых сохранился мощный пласт высокой культуры в виде орудий труда, предметов вооружения и прекрасных образцов украшений из металлов и цветного камня», - пишет А.Х.Маргулан /167. - С. 14/. В целом для хозяйства эпохи гуннов характерна наметившаяся узкая специализация в масштабах степного хозяйственно-культурного комплекса, в структуре которого имело место кочевое скотоводство в степных районах, с доминирующей ролью коневодства, полукочевничество в северных и северо-восточных регионах, а также оседло-земледельческая - на юге.

Тысячу лет, как рассказывали китайцам гунны, насчитывала их история. Составители «Шицзы» считали, что предками хуннов был потомок Дома Хяхэу-шы, по имени Шунь-вэй. «А племена /поколения/ Шань-жун, Хяньюнь и Хуньюй обитали ещё во времена государей Тхан и Юй. Первая династия -государь Яо - вступила на престол империи в 2357 г., вторая -в 2255 г. до н.э. /49. - Т. 1. - С.39/.

Начало средних веков Великого степного пояса не делится на тюркскую и монгольскую, эти народы очень близки и являются соседями.

Н.Я.Бичурин в своих комментариях сделал существенное дополнение: «Китайские историки заметили только, что Шунь Вэй, сын последнего государя из династии Хя, удалившийся в Монголию в 1764 г. до Р.Х., почитается основателем первой монгольской династии Хунну». Хунну, по азиатским историям Дом Могул-хана, царствовал в западной половине Монголии, орда его стояла под Хангаем /близ Орхона/ владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу от Тарбага-тайских гор. Дун-ху, по азиатским историкам Дом Татар-хана, господствовал в восточной Монголии...»/49. - Т. 1. - С.32/.

кой степи приходилось как бы заново начинать освоение экологической ниши. Поэтому правы те исследователи, которые говорят о том, что IX-VIII вв. до н.э. можно считать начальным этапом распространения номадизма на территории Казахстана /15. - С. 45/.

122

С подсказки Н.Я.Бичурина мы переходим к восточным, в том числе казахским, источникам по рассматриваемой эпохе: «*татрлар взора согысып, вбден апсірен, мезгы келгенде мцгол тайпалалары влтт вз ханзадаларынан К,ызыл Буга хан ба-ласы Кара ханды хан кветердг,* - отмечает К.Халид. - *Бул енген сод улы Огуз хан такка отырып, татар ханы Душун мен Ке-шулмен кецст, Тайынгун ханмен согысып, оны влт Ірген. Бул арада Душун хан епін, бар кауымы Огуз хани карады. Кешул Крpf&ui, 63і тактан безт, татар хандыгы жойылып, Огуз хан татар-мо нголи бгрдей хан болды.* /247. - С.221/. Все восточные источники дают подробное описание именно периоду Огуз-хана, чем мы и воспользуемся. «*Огуз хан айналасындагы квп тайпаларды взте каратып, Иран, Туран*

патшасы Кашта-сыбты жецип, эскерг Ирак, Рамсом, араб жерлерте жетт. Осыган дейт татар-моңгол тайпалары кшипел болып, тек бір жерд орталыцтуткан. Огуз хан кезде шаБарлрга квниц бвлтт, Хами, Турфан, Яркент, Хотан, Сагун, КрикциршаБарлары салынып, моңголиа «вубалъц» - «алты tuahar» атаган... Балъыны да Огуз хан салып, моңголиа «Балык» deidi, бIрак гылыми хаттарда соцгы арт «х» етiп жгберген».

Время царствования Огуз-хана в Великой степи, вероятно, относится к концу I тыс. до н.э. Несмотря на то, что основная канва событий, связанных с деятельностью Огуз-хана, и дух повествования больше соответствуют эпохе зарождения кочевничества /в той его форме, в которой оно изучается историками/, в эпическом цикле широко представлены древние мотивы /факт чудесного рождения, отцеубийство, походы Огуза в Иран, Сирию, Египет, Индию, Европу и т.д./. Вероятно, в цикл легенд об Огуз-хане вошли события, происходившие где-то в конце I тыс. до н.э. - в начале нашей эры, т.е. на стыке этих тысячелетий.

Наследованная Огуз-ханом страна имела границы, соответствующие границам государства легендарного Алаша-хана. «Летом он жил в горах Эрь-таге и Гер-таге, которые ныне зовутся Улуг-таг и Кичиг-таг, - пишет Абульгазы бахадур-хан об

123

отце Огуза Карахане, - а когда наступила зима, он проводил время в Кара-куме и на берегу Сыр. При Кара-хане подданные его сделались столь нечестивы, что между ними не было ни одного мусульманина» /6. - С. 18/.

Сравнивая эти материалы с предшествующими, например, времён Алаша-хана /TV-III тыс. до н.э./, можно утверждать, что места основных летних и зимних пастбищ в течение нескольких тысячелетий оставались без изменений. Таким образом, меридиональное направление кочевания с древнейших времён было определяющим фактором формирования хозяйства, быта и образа населения Казахстана.

Более реальные сюжеты из I тыс. до н.э. встречаются в повествованиях традиционных источников о династии Илхания /Жел-хан/: «Огыз хан дэулет I мен 116 жыл патшалыктан соц каза болган. Тарихта Огыз хан атыныцерекише аталуыныцвзI осыдан болса керек, - - Орнына баласы Кун хан отырып, мунап соцтууысы Аи хан, оныцтууысы Жулдыз хан, соцынан Мецт хан/ибн Айхан/, одан Тецз хан/ибн Жулдыз хан/, одан Желхан /ибн Кун хан/кезектест мираспен хан болыпты. Бул алтауы-нъцбил I гI осал болып, халыктыцвмргтолкумен етти. Акргры Жел хан кезде моңгол мен татар бвлтдI».

Вероятно, окончательное разделение тюрко-монгольских племён произошло при правлении вышеуказанного Жел-хана. Одновременно произошли процессы дальнейшего расселения алашских племен, часть которых оказалась в пограничных районах с Китаем. Судя по содержанию казахских преданий Жел-хан жил в последние века I тыс. до н.э. и приходится дедом известного Модэ-шанью: «I17жътдар шамасы бурын Жел хан етiп, улы Тау /Таг/хан билике келт, осы бетте будда дттиц орталыгы таратылды. Содан Тибетте бір отхана салынып, орталыцетт брахмандар сонда турады. /Вероятно, речь идёт о ранней истории распространения буддизма в Средней и Центральной Азии -Ж. А./ Тау хан айналасына вскер салып, Шъц шетте дейт барды. Бул уахытта Шъц квп патшалъцка бвлтт, «уандъц» аталатын жекеденген тайпалары моңгол-

124

дар fa жем болды. Ейрет татарлар мен Шъцхалкы I бірлесе Тоу хаНia карсы жоръцжасап керт едi, нвтиже шыкпады» *.

К.Халид об этой неудаче китайцев пишет: «... esderi кырг-ын жецип Iске ушырады» 1241. - С.227/. Это поражение стало причиной начала строительства Великой китайской стены: «Осыдан Шъц халифы атакты кррган сокты. Татарлар да моцюдан крркып Ертісті тастап, Алтайдыц бір ушына солтустт-шыгыстыцтубте дейт жеткен. Моцюлмен татар квбтесе шыгыс халыктарымен айналысып жатканда, Крйъцхан еулетг «турш» деген атпен Алтай тауларын жай-

лайтын, б улар батыска, яти Фергана, Бухара, Хорасан у впа-яттарына шабуылдай бастады».

При Тау-хане /Таумынь/ гунны полностью овладели Восточным Туркестаном /алты шабар/. Сам Тау-хан, по свидетельству шежире, жил в Кашгарии/Дора балык,-Гуа балык]. Таким образом, в скором времени границы государства вышли далеко за пределы Великой степи: «Тау ханныциелгел онгустт Тибеттен етин УнЫстант дейт, батысы Сырдарияның солтустгел мен Арал тецзгел, ори Орал тауына дейт, шыгысы UlbiHHbiifUJiezi болтн крргандарына шейт созылтн».

На наш взгляд, некоторые древние образцы казахского фольклора позволяют выделить основные черты территории расселения алашских племён эпохи раннего железа.

Весьма существенно, что самые ранние сведения относятся к эпохе гуннов. К категории наиболее ценного источника по этой теме мы относим эпическую поэму, «Козы Көрпеш - Баян сұлу» известную у многих тюркоязычных народов. Упомянутые в ней топонимические ориентиры довольно четко очерчивают границы обитания кочевников Центральной Азии в древности. Сис-

**Речь идёт о неудачном зимнем походе императора Гао ди в 200 г. до н.э., когда в горах Байдэн китайская армия была окружена гуннами и разгромлена. Китайский император откупился договором о мире и о родстве, что на языке дипломатии того времени означало установление даннических отношений. Гунны получили принцессу и богатые подарки: шёлковые ткани и вату, вино ирис, украшения.*

125

тема кочевого хозяйства с присущими ей чередованием пастбищ и постоянными маршрутами, тысячелетиями не менялись. Поэтому та карта, которая была зафиксирована в эпической поэме, служила и в поздние времена. Обратимся к источнику:

«...Су аягы Курдымнан ара коньп...
дне бойы жаюлап Ертісті ерлеп,
Алатауды жатлап ар жснымен,
Іле басы Купжат тагы барды,
Ұдай қиит барады Сыр бойына,
Аз юна Сыр бойына домыл алды...
Са/ынып Сарыарканы қайта кешигт,
Мазалы ел ііітде рахат кермей
Кешеді кьгсы-жазы домыл кермей,
БІраз елі к.алады о ран ермей...
К,ырьцкун ыстъцивлге қайта қиитІ,
Бетпактъцсар даласы барып тусті...
Бетпакта бос камалып жата алсын ба,
О дан қиш.І КаракецШут тусті,
Аргы тиеті Аягвз, Лепсі, Уржар,
Ток,санмыцилайъцсонда жер бар...
Жайлап-Квістан Аягвз жатът калды.
Каратау, Тарбагатай жерге келді
Жвйтвбе, Катынсу қвлге келді...
Аз журсе, қвп журсе де аман-есен,
Аяш Жетгсут ол да келді...»

По содержанию поэмы можем предположить, что ранние события развёртывались в местностях Су аягы %урдым, Бал-талы и Батналы. Возможно, имеются в виду устья рек Тургая и Иргиза, образующие цепь значительных озер. В источниках XVТІІ в. эти озера известны как Аксакал Барбы. Этнографические материалы свидетельствуют о распространении понятия «Су аягы Курдым» по отношению к этой территории: «Су аягы Курдымнан гздеп келдіШ», «Балталы - Батналы елден келді, Бакалы -

Балдыртнды квлден келдгм» и т.д.

126

Детальное описание территории содержится в разделе поэмы, где описывается маршрут Айбас-батыра посланного Козы Корпешем к своей невесте Баян сулу:

Квктайменен батыр Айбас темен шапты,

Мэнтн томам жолдыцоймен тапты.

%ыздьц берген белбеуг тусiп калып,

«К,ызбелбеу», «К,убажон» кря сапты. . .

К,ыздьц берген Мейсi тусiп калып,

«Мешзек» деп тау атын кря сапты.

Жанындаш жаулыш тусiп калып,

«Абыралы», «Жалаулы» к,оя сапты.

Жанындагы luideri тусiп калып,

«Пидерлг» деген взен содан капты.

К,ыздьц берген каркарасы тусiп тау атын кря сапты.

Немало топонимических сведений содержат и другие разделы поэмы:

Туйемойнак, Жылытау айдап барды, Крй мацырактан жьшии&гсын ерi алады. Ариби

тегнi Сауыр мен Сайкан калып, Жылкьгны кря берiп, жатып калды Еди-Жайыц

бойында жолдас болды, Ерт-бирi ет бай танымайды Сол ет байдыц жайлауы Т

умен емк, Киик атын ацетш жеген емIс, Еренниц усттдегг ceifdi deudi,

%удайдыцкерсеткет жвндI deudi, Карабайдыц жайлауы ТелIквдI

Таким образом, в поэме «Козы корпеш - Баян сулу» через фольклорный текст чётко

зафиксирована граница и территориальная целостность кочевого социума эпохи

ранних кочевников. В ней присутствуют как сведения о хозяйственно-культурной

системе, так и основные стратегические возвышенности Великой степи. Такие же

топонимические экскурсы присут-

127

ствуют в наследии легендарного философа эпохи Золотой Орды - Асана Кайгы.

Таким образом, в память кочевников внедряется понятие родной земли, Родины.

Усиление восточных гуннов в III-II вв. до н.э. привело к формированию новой

империи степных народов. Вероятно, хгот факт говорит о перемещении центра

активности в эту эпоху и в дальнейшем на восточные окраины Великого степного

пояса Евразии. Раньше эпицентром взрывов и миграции служили степи

Центрального и Западного Казахстана. Объяснить это явление, не имея

достаточных аргументов, чрезвычайно сложно. Гипотетически можно

предположить два варианта развития активности восточных регионов. Возможно, в

постскифское время многочисленные группировки степных племён Евразии

обрели этнополитическую стабильность, определились с системой посезонного

распределения пастбищ и водных источников /см. интерпретацию поэмы «Козы

корпеш - Баян сулу»/ и состоялись как общество, этносоциальный организм со всем

комплексом необходимых коммуникации и форм связей /народ Огуз-хана/. Тогда

как на восточных окраинах Великой степи, особенно богатой горно-лесными

ландшафтами Южной Сибири, Алтае и Монголии, в зоне номадизации обитали

охотничьи племена. Переход их к кочевничеству сопровождался сложными

территориальными процессами, усугубляли ситуацию повышение плотности

населения в степном регионе. Другой источник, вероятно, заключается в близком

соседстве одного из древних центров оседлости - Китая. Расцвет этой великой

цивилизации падает как раз на II-I тыс. до н.э. В IV-V вв. просочившиеся в

Северный Китай степные племена создают ряд буферных образований. Как бы то ни было, так называемое Великое переселение народов, новый своеобразный виток миграции жителей степи свое начало берет с восточных горных долин Евразии. Безусловно, это движение не миновало степей Центрального Казахстана и Западной Сибири. Имеющиеся археологические материалы лишь отчасти свидетельствуют о передвижениях с Востока. Большинство сохранившихся архитектур-

128

ных памятников имеет автохтонное происхождение. В регионе Сарыарка /в Центральном Казахстане/ находятся наиболее интересные культовые памятники начала I тыс. н.э.: Домбау-ыл, Козы корпеш - Баян сулу, Теке и другие, построенные в архитектурном стиле «дын» /эта традиция продолжается до конца ХС-начала ХХ вв./.

В Западном Казахстане обитали племена, оставшиеся после распада сако-массагетской конфедерации и др. «По типу погребальных сооружений курганы, раскопанные на Устюрте /V-II вв. до н.э./, близки к погребениям саков Семиречья и кочевникам Туркмении /массагетам/», - отмечает С. Аджигали /12.-С.20/.

Аналогичная картина наблюдается и в северных районах Западного Казахстана, где в этот период расселились племена сармато-аланского круга. Вполне вероятно, что рассматриваемые племена были в определённой степени связаны как с Передней Азией, так и с Восточной Европой.

На территории Семиречья и Восточного Туркестана в рассматриваемое время обитали полукочевые конфедерации усу-ней, юечжи /тохары/ и др. Археологические исследования по усуньским памятникам говорят о том, что западно-семиреченским группам был более присущ оседлый образ жизни и объясняется это наличием плодородных долин /р. Талас, Чу, и др./ и близостью земледельческих центров Средней Азии /Фергана, СОГД//15.-С.43/.

Стремительное возвышение гуннов на востоке сопровождалось сильнейшим давлением на дунху /на севере/ и на юечжи /на юге/, которые в конце концов вынуждены были признать условия вассалитета. Непокорные племена вынуждены были, бросив свои родные кочевья, отправиться в дальние миграции. Именно под давлением гуннов часть племен Монголии и Алтая ушли в китайские пределы /дунху, сяньби/, а юечжи в Среднюю Азию /в район Ташкента, на территорию обитания племён каньпо/. Возможно, в движениях юечжей на юг приняли участие и другие племена Великой степи. Как бы то ни было,

129

но уже во II в. до н.э. Греко-Бактрийское государство, страдая от постоянных набегов степных народов, распалось на ряд независимых владений. Наступило время усиленного смешения и интеграции различных культур, берущих свое начало как от местного оседло-городского субстрата, среднеазиатско-эллинистического, привнесенного на территорию Средней Азии греко-македонцами, а также степной культуры, имеющей в этом регионе огромное влияние и усиливающейся с каждым новым потоком кочевых племен.

На этом фундаменте была построена Кушанская империя, правящая элита которой была из юечжей. Они сумели подчинить на рубеже нашей эры значительную часть Средней Азии. Расширение новой Среднеазиатской державы на юге соответствует маршрутам движения кушанских племён и отчасти повторяет черты эпохи миграции индоарийцев. В ходе движения на юг кушанские кочевые династии подчинили Северную Индию, а по пути следования им подчинилось население Восточного Ирана, Афганистана. Таким образом, кушанская культура обогатилась и буддийской

культурой, активно завоёвывающей в рубеже нашей эры новые ареалы. Известно, что IV собор проходил под покровительством кушанских правителей /Каниш-ка/. В это время канонизируются основы искусства Гандхары с его выразительными скульптурными изображениями, ставшие иконографической основой искусства буддизма. Вторая волна кочевников, проникающих в Индию в начале средневековья, известна под названием эфталитов /белых гуннов/. Эмигранты осели на значительной территории Северной Индии /Синд, Раджастан, Мальва/ и вступили в процесс смешения с ранним индоарийским населением. Исследователи предполагают, что появление новой этнополитической общности - касты раджпу-тов - связано с результатами этого смешения и метисации. С энергичным заселением территории северной Индии этими кочевыми племенами связано и появление такого этнокультурного района как Гуджарат. Они /гуджаратцы/ оказали наибольшее сопротивление арабам и остановили их на границах Син-

130

да в 712 г. Тем не менее, арабам постепенно удалось распространить своё влияние /ислам/ на более обширные пространства Великой Индии.

История Западной Азии начала нашей эры проходит в той или иной связи с Парфией. В образовании этого государства ведущую роль сыграли дахо-массагетские племена, обитавшие на территории Западного Казахстана. Именно из этой среды вышли первые руководители Парфийской державы - Арша-киды, вмешавшиеся в политическую борьбу ближневосточных государств. Во II в. до н.э. в состав Парфии вошли полностью земли Месопотамии, включая территорию Мидии. В той или иной степени на становление государства оказали непосредственное влияние миграции с северо-востока, в лице тех кочевников, которые входили в конфедерацию юечжей, а затем и эфталитов.

Таким образом, к рубежу нашей эры Парфия стала самым крупным и сильным государством Западной Азии и одновременно единственным соперником Римской империи. Противостояние Рима и Парфии продлилось с небольшими перерывами три столетия. Внутренняя структура государства в целом, строилась в соответствии с месопотамскими традициями. Политическую элиту в государстве составляли кочевники, из которых состояло ядро армии. Они были яркими сторонниками усиления государственной власти и продолжения войн с Римом. Южные районы государства с исконным земледельческим и торговым населением, обладая немалой силой, занимали про-римские позиции. Симбиоз обеих структур происходил менее интенсивно /в отличие от Ахеменидского или Вавилонского периодов истории/, сохраняя и консервируя многоукладность экономики и, как следствие, рыхлость хозяйственно-культурной системы.

Продолжительные римско-парфянские войны истощали силы государства и вели к децентрализации. Результатом этого стало падение династии Аршакидов и усиление одного из удельных владений - Фарса. Персам наконец-то удалось со-

131

здать свое национальное Сасанидское государство. Хозяйственные и людские ресурсы Парфии, одной из последних мировых держав, позволили персам быстро поднять Иран и стать одними из сильнейших в этом регионе.

Сасанидское государство в той или иной степени реанимировало ахеменидские традиции. Это объясняется тем, что появление государства было результатом движения за независимость самих персов Эраншахра. Традиции, уходящие вглубь веков, к ахеменидским древностям, влияние зороастризма - религии, являющейся основой иранской идентичности со II тыс. до н.э., самосознание населения, считавшего себя преемственницей боевых традиций ариев, - все в совокупности определило сильные государственные устои. Распад Парфии не означал потерю всей её территории. В составе Сасанидского государства остались часть западных и северных провинций /Армения, Грузия, Кавказская Албания/. Реанимировав ахеменидскую державу, сасаниды в течение четырёх веков правили в

Западной Азии. Централизованный государственный аппарат, социальная структура восходящая к древним периодам /зороастрийские жрецы, воины, писцы-чиновники и народ/, особое место в обществе, отводимое религии,- вот основные составляющие стабильности иранского общества в III - VII вв.

На основе зороастризма появились различные движения - манихейство, маздакизм и т.д. Последнее также является продолжением традиции Западной Азии, где роль жречества была всегда значительной. С другой стороны, вероятно, активность зороастрийских жрецов в конце V- начале VI вв. связана с усилением контакта с кочевниками Севера. Социально-эгалитарные идеи, выдвинутые в ходе усиления движения Маздака, появились не только из-за стремления крестьян к справедливости. Вероятно, на умонастроения жрецов и крестьян оказывал влияние общественный строй соседних кочевых владений. Древнеармянский историк Егише, о походе Иездигера II против эфталитов, пишет следующее: «Внезапно он двинулся против государства хонов, которых называют Кушанами, но пово-

132

евав с ними два года, нисколько не смог воздействовать на них»*.

В 453-454 гг. Иездигер II вторично вступил в пределы империи белых гуннов и потерпел очередное поражение: «царь кушанов... поспешил немедленно собрать войско, составил рать, чтобы выступить навстречу ему мощной рукой ... нанес царским войскам сокрушительные удары. И так теснил его, что нанёс поражение с помощью небольшого отряда, заставил повернуть обратно и сам, наездами пустившись по пятам, разорял многие области царские и тотчас невредимо возвращался в свою страну».

В 80-х годах персы потерпели ряд сильных поражений от эфталитов /смерть царя Пероза, его сын Кувад в заложниках/, которые, безусловно, повлияли на умонастроение народа в стране ариев, что приблизило конец этой последней империи персов.

Гунны и Сасаниды впервые столкнулись в начале V века. Граница, которая была проведена в 420 г., прошла по югу Средней Азии. Самая южная точка эфталитских владений - г. Тал-кан - находился несколько восточнее Мерва, - далее Балх. Начало могущества белых гуннов на территории Средней Азии связано с именем Ак Сибара, правившего в 420-470 гг. При нём произошло присоединение к империи Тохаристана и Ба-дахшана.

Миграции эфталитских племен на юг, юго-восток Азии и формирование новых политических структур было остановлено в VI-VII вв. арабским нашествием с Запада и активизацией древнетюркских племен с Востока. Борьба за города и оазисы Средней Азии между эфталитами и тюрками носила ожесточенный характер /не последнюю роль в них играли опустошительные набеги хазар с севера/. Вероятно, эфталиты в этническом плане представляли конгломерат небольших групп восточ-

**Белых гуннов/эфталитов/в армянских источниках продолжали называть кушанами, а страну - государством хонов.*

133

ных племен. Они сильно отличались от своих восточных соседей - гуннов и принадлежали к смешанному типу и имели более ранние связи со Средней Азией. Анализ взаимоотношений иранцев и эфталитов /давних противников/ в V-VII вв., говорит об установившихся между ними традиционных контактах. Вспомним историю походов Пероза /Фероз/ против эфталитов, такие отношения невозможны для гуннов и сасанидов. Возможно, эфталиты представляют отрасль степных племен Алаша, связанных больше с югом, с городами Средней Азии.

Одно из направлений движения степных племён в начале нашей эры связано с Европой. В 70-е годы IV в. гунны появились в степях юго-восточной Европы и, переправившись через Керченский пролив, громили Боспорское царство. В этот период натиск гуннов был столь неожиданным и ошеломляющим, что даже историки IV-VI вв. рассматривали вопрос о том, откуда явилось это грозное объединение племен. В Европу одна за другой хлынули волны степных народов германского мира /остерготы, вестготы, вандалы/, скифского,

сарматского мира /аланы/, а вслед за ними и сами гунны. Иероним, находясь в Палестине, в одном из писем пишет: «Римское войско, победитель и владыка мира, теми побеждается, тех страшится, тех ви-доужасается... считают себя уже мертвыми». Речь идёт в данном случае о поражениях римских войск в Западной Азии, Сирии и т.д. По словам Аммиана Марцеллина, король восточных готв Германарих покончил с собой, видя, что готам бесполезно сопротивляться гуннскому движению.

Вероятно, ядро гуннского движения составляли немногочисленные воинственные племена Центральной Азии. Но по мере движения на Запад состав гуннских мигрантов значительно пополняется за счет местных народов. В сочинении Иордана хорошо отражены все основные маршруты движения гуннов - это от Северного Кавказа до Дона и Днепра, далее на Балканы, на юг в Сирию и Константинополь, на западные территории Орлеана /Франция/ и Милан /Италия/. Такова орбита передвижения самих гуннов в ходе стремительного завоева-

134

ния Европы. Главное заключается, по-видимому, в том, что военные успехи гуннов в Западной Европе привели в движение огромное количество народов: «По всему пространству, которое тянется к Понту, начиная от Маркоманов и квадов, шевелится варварская масса скрытых до сих пор племён, внезапной силой сорванная со своих мест». Так было положено начало новым структурным процессам в Евразийском континенте. Вероятно, когда-то в древности степные племена-индоевропейцев производили не меньший эффект. На наш взгляд, в небывалых по силе и размерам площади передвижениях племён в эпоху господства гуннов можно разглядеть те же закономерности. Средневековые историки сравнивали гуннские походы со снежным ураганом в горах. Они и в самом деле, смели старую Европу.

Говоря о гуннах, Иордан пишет о том, что они в Паннонии и Дакии сидели вместе с различными подчинёнными племенами, т.е. в равнинах между Тиссой и Дунаем происходила подготовка к дальнейшему броску и концентрация сил. Более ранний этап движения в Европу можно связать с 60-70 гг. IV в., когда гунны, разгромив аланов населяющих область Дона /Танаис/ готовились к завоеванию готв живущих по берегам Днепра. Вероятно, они пытались обустроиться и привести в порядок этносоциальную структуру. Но, несмотря на попытки гуннов перестроить этносоциальную организацию на мирный лад, инерция толкала их дальше.

Маршрут следования гуннов через Центральную Азию фактически не поддаётся реконструкции. Возможно, основная масса мигрантов-гуннов шла по территории современного Северного Казахстана и южной Сибири, далее через Приуралье и Поволжье они вышли к Европе. Безусловно, по ходу в это движение вошли многочисленные племена указанных регионов. Эта версия находит подтверждение в источниках. Второе направление, видимо, следует связывать с югом, куда направлялись кочевые гуннские племена вслед за юечжами. Где-то в Туркестано-Ташкентском оазисе могло образоваться новое

135

объединение, известное в источниках как эфгалиты или белые гунны.

Таким образом, эпоха гуннов является одним из самых активных периодов Великой степи. Переход к кочевничеству не прекратил тягу степных народов к центрам древних цивилизаций Востока, к Европейским глубинкам. Как всегда, энергия кочевников направлена на завоевание и освоение новых пространств. Можно сказать, что идеология их все еще была привязана к движению вширь, в ходе которого периферийные от степи регионы получали новый заряд, новую этническую структуру, государство и политический порядок.

Ряд сведений о тюрках говорит о том, что данные об этой группе степных народов появились в источниках очень давно. Наиболее раннее упоминание о племенах тюрков /Тура/ находятся в Авесте. Тюрк /Тур/ один из трех сыновей легендарного Феридуна,

когда он поделил мир на три части. Старшему сыну Салму достался Рум, Тюрку /Тур/ достался Туран, а младшему Эраджем - Эраншахр. По этой легенде междоусобицы между братьями привели к убийству Эраджа, что объясняет постоянное противостояние юга и севера. Видимо это следует рассматривать как институт традиционной вражды внутри одной системы, в одной оси координат*.

В восточных источниках /особенно у Рашид ад-Дина, Абульгазы/ Тюрку отводят особое место в генеалогических повествованиях. Первый из них пишет о том, что монголы «были одним из одним из тюркских народов» и что «за время около четырехсот лет от них произошло множество ответвлений ... вследствие же их могущества другие племена в этих об-

**История деления мира или страны между тремя сыновьями восходит к очень древним временам /см. миф об Алаша-хане, или же скифскую легенду о Таргитае и трёх его сыновьях/. Степные, возможно и индо-европейские корни мифологических историй о трехчастном делении мира рассматриваются в исторических исследованиях, в то же время Авеста, -возможно, отражает ситуацию времён правления в Средней Азии династии Аршакидов, когда противостояние между югом и севером, также Средней Азии и Румом /Рим/усиливается.*

136

ластях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков /теперь/ называют монголами» /211. -Т.1. - С.77. По Абульгазы: «Яфет, младший сын Ноя, имел восемь сыновей «Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кей-мари, Тарих». Из этих своих детей он на свое место оставил /наследником трона, орды/ старшего сына Тюрка, при этом, завещал другим: «Тюрка вы признавайте государем и повинуйтесь ему». «Он был человек образованный и умный, -пишет Абульгазы, - после отца своего, когда он обозревал земли, одна из них понравилась, и он на ней поселился; эту землю называют Иссиг-кюль» /6. - С. 16/.

Непосредственно на исторической арене средневековья тюркские племена стали фигурировать в эпоху гуннов.

Известно, что возвышение гуннов в Центральной Азии не всегда находило поддержку у близкородственных племен. По сообщению «Исторических записок» около 69 г. до н.э., «дин-лины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы - с запада» /49. - Т.1. - С.82/. Кроме вышеназванных, китайские источники перечисляют десяток племен и народов, активно борющихся за гегемонию в восточной части Великой степи в послегун-нское время /сяньби, гяньунь, уйгуры и др/. Среди них в начале VI в. н.э. особо выделяется род Ашина. Прародителями этого рода считались чудом уцелевший от своих врагов принц и волчица, поселившиеся в пещере на Алтае и породившие десять сыновей».

Восточные тюрки, как и гунны в свое время, вели весьма ожесточенную борьбу со своими соседями. Только победив Жужанское государство, претендовавшее в V-VI вв. на верховенство среди восточных племен, подчинив другие второстепенные группы, древнетюркский род Ашина дал начало империи. КХалид возвышение рода древних тюрков рассматривает в рамках существования династии Илхания /Жел-хана/: «*Тоу хан Илхания мемлекети барыниша кемелте келтрген. Бул вгген соң баласы Кулхан хан болады. Б рі да вкестдей 60 жыл шама-сы билм етін, вгген соң Мукин хан битгт алюн. Кей тарих-*

137

шышир муны турт ханы деп жазады, дурьс та шыгар. Вйткет Тау ханнан осыни шейш туритер моцолт трасты деп есен-телегтн».

Политика активного продвижения на восток началось при Таспар-кагане /572-581гг./ - наследнике Муқан-кагана. По словам китайского историка: «Он имел намерение разгромить срединное государство, но двор поспешил заключить с ним союз мира и родства и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей. Дом Ци страшился их набегов и грабительств и также истощал казнохранилища для платы им. Таспар в счастьяи очень превозносился и приближенным говорил: «только бы эти два мальчика на юге

/Северное Чжоу и Ци- небольшие китайские государства на севере-Ж.А.1 были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности».

Именно в это время, в связи с выходом на широкую международную арену древнетюркское государство возвращается к традиционным символам политической власти. В основу государственной идеологии была заложена идея туранизма. Вероятно, свою роль сыграли племена, связанные со степными районами Казахстана и Средней Азии. Импульсы, дошедшие до центральных степных районов Казахстана, актуализировали реанимацию идеи туранизма. Возможными носителями этой идеи, мы предполагаем, были племена, входящие в группу Апаша и связанные с древней историей Турана, о которых в виде отголосков сохранились различные легенды в этот период /предания о дин-линах, о пегих лошадях, о народе бома и т.д./.

О реанимации не только идеи великого туранизма, но и восстановление имени священной, культовой фигуры Алаша-хана, как первого хана кочевых тюрко-монгольских племен и родоначальника ханских династий, также связано с временем усиления тюрков на востоке. К.Халид, исходя из древнейших исторических преданий казахов и других народов Восточных регионов, возвращение культа Алаша-хана связывает с началом возвышения тюрков: *«Бул аралыкта Обь, Енисей, Ертісті бойлап, шет журген татарларды хундар шауып, кеп*

138

*ни ушыратты. Шабьлтн татарлар Алынша ханнъц/Алаша ханныц/ эруаина сыйынып, букимощол-татарлар, уйтрлар-ды козтп, бул уран/а Еды, Дон, Хазар айналасыныцтатарла-ры да ун косып, бутнАлтай турктерг Турак/яки К,урак/хан бастап крсылып бері 200мъцкол болып, Сагун ханы Бугукра б spine бас болып, хундарт карсы шыкты... Жайсац квлте жиналран. .. Алтайдыц іііі-сыртын толъц камтып, жауын таудъц ектиІ жагына асырып, шыыстагыларын Китай коршына дейт жеттзт, кан тезіс майдан болды. Кара хан /Бугукра ханнъцектишг аты болу керек/ет жаз бойы уздтаз хундардыц Ізте т уст, Кътшиц кртнына тгрелгенде карсы алдынан Шъцэскерг гиыгып, кпттен бергІ ашу-ызасын бір кай-тарды» **

Следует обратить внимание на следующие моменты из ше-жире: *«МоНфон, татар, уйшр, турттайпаларынъцосыжиы-нында хан, байгур т. б. мансаптагы басшыларыныц бастары крсылып, енді будан былой Алынша хан атын улылап, уран шакыр/аннан квмекке дайын болут, жауды жау, досты дос деп бтуге шакъгрп, келгст жасады. КепісіМ крлдарын кант малып, арнайы ырыммен белглендг. Турт ханы осы бтймге енді... Бурынш атактардыц ец жоляршысы «кара» лакабы болып, ецзор хан га «Кара хан» деген атак бертген» /247. -С.228/.*

В восточных источниках активная завоевательная политика древних тюрков на юге Средней Азии и в Передней Азии связывается с царствованием на императорском троне Кутлук-хана, внука Мукан-кагана: *«Муканхан епген соцупы Тобъцхан таккаотырып, екеутицсалтанатыжузжылтсозылюн. Одан*

^Вероятно, в казахском шежиреречь идёт о событиях времён Караха-нидской династии /обратите внимание на эпонимы: Бугукра /Бугра-хан/, Кара- хан/основатель Караханидского государства/. Разгром гуннов объединёнными силами китайцев и восточных кочевников/усуни и т.д./в самом деле, произошел гораздо раньше. В шежире, по-видимому, есть напластование различных исторических событий, происходивших в восточной части Великой степи.

139

кейт улы К,утлукхан же орынын иепенді... К,утлукхан бола сала Алатау дан асып Алтай турттертен согысып, содан Маураннахрю етті. Самарканд, Бухараныалып, Амудариядан аса кшитІ Иранш дейт барды. Кеп олжамен оралып, ендг татарларт ауыз салды. Бул жолында кара кътшицлардан/япш шуриштерден/ вскер альт, Алтайдъцет жагындагы татар-ларды шапты»,

На юге наибольшее сопротивление древним тюркам оказывали эфталиты. Покорив

с 551 по 554 гг. аваров, каи, киданей и отуз тараров, енисейских кыргызов, тюрки дошли до границ эфталитской империи. С этого момента начинается новый этап этногенеза кочевников Великой степи.

Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. В борьбе с эфталитами, влияния которых простиралась от Каспийского моря до Северной Индии и Восточного Туркестана, тюрки осваивают оазисы оседлого мира. Древние тюрки проявили в данных событиях и ситуациях чрезвычайно ловкие дипломатические ходы. Первоначально, для борьбы с эфталитами они заключили договор с Сасанидским Ираном, а расправившись с эфталитами и оставшись один на один с иранцами, в качестве их дипломатического партнера они выбирают уже Византию. Такая внешнеполитическая игра напоминает гуннов времен Атилы.

Для VI-XII вв., отчасти и для последующих эпох, характерной тенденцией на территории Средней Азии является усиленная тюркизация местного населения. Несмотря на сильное влияние ислама, первоначально в демографическом плане, а затем и в идеологическом, тюркизация была ведущей тенденцией исторического процесса. Наряду с коренным государством тюрков-кочевников в восточных степях Евразии, в самых южных центрах Среднеазиатской цивилизации создаются государства с участием тюркских кочевников или под началом тюркской военной знати.

Начало средневековья в Юго-Западной Азии отмечено круп-

140

ным противостоянием тюрков и семитов. В силу ряда обстоятельств /возможно, высокая пассионарность/ большую активность проявляли последние. Вместо древних культур на историческую арену вышли новые государства, вошедшие в Арабский халифат. Вместе с народами носителями древнейших культур исчезли и многие культурные ценности, выработанные на основе сплава кочевой тюркской, античной и местной - шумерской, пришел новый образ жизни, иные обычаи, языки и ислам. Наиболее ярким результатом становления двух культур - тюрко-гунно-иранской и арабо-мусульманской - стало появление на территории Средней Азии научных и культурных центров, в которых работали и творили великие ученые средневековья. Поэтому этот период образно называется эпохой «мусульманского ренессанса». Если рассматривать Индию в данное время, то новые тенденции в ее развитии усиливаются с эпохи газневидов /XI в./, и они были определены, прежде всего, проникновением ислама. Несмотря на сильнейшее сопротивление индо-буддийской цивилизации, сложившейся в эпоху Кушан, ислам радикально действует на севере Индии, резко трансформируя традиционное общество. Таким образом, структурообразующая роль в исторических процессах на территории Южной и Восточной Азии с VII в. переходит к семито-тюркским племенам, действовавшим под флагом ислама. Процессы усиленного влияния со стороны Запада /газневиды, гуриды/ окончательно оформились в Делийском султанате, существовавшем с 1206 г. по 1526 г. Это было время упрочения на территории Индии тюрков и персов, перешедших в ислам. Несмотря на частую смену правящих династий в Индии постепенно утверждаются исламские ценности, где не последнюю роль играют мечети и суфийские ордена, сосредоточившие, как и в древности, огромную земельную собственность в виде вакуфных владений и т.д. В конечном счете, это привело к крепкому союзу между религиозными и политическими деятелями, обеспечивающими сильные черты восточного государства и жизнестойкость общества.

141

Период Делийского султаната, несмотря на ряд противоречий, является продолжением все того же традиционного процесса. Определяющее влияние на развитие политической структуры оказывалось сильными пассионарными группами с севера. Они служили струей

свежей крови в инертном мире земледельческих общин Индии. Правда, в эпоху начального господства миграции шли под флагом ислама и государственное устройство носило исламский характер, хотя носителями этой структуры были те же кочевые тюрки и персы /индоарии/.

В эту эпоху тюрки-огузы углубились вглубь Западной Азии, захватывая одну провинцию за другой. В начале им удалось взять Хорасан у потомков Махмуда Газневи, в 1043 г. сельджуки полностью подчинили Хорезмские вилайеты. В 1055 г. под предводительством Тогрул-би и Шаграй-би захватили Багдад, вынудив халифа уступить Тогрулу титул «султана Востока и Запада».

При потомках Тогрул-бия сельджуки продолжали завоевания в Западной Азии. Так, в скором времени они под свою власть привели земли Ирана, Ирака, Сирии, Палестины и азиатские владения Византии. Но слабость административно-политической системы, где сохранялись многие традиции кочевой государственности, вызвали ряд кризисов. В первую очередь, это объяснялось практикой наделения членов правящего дома полунезависимыми улусами. Таким образом, вместо целостной и крепкой державы образовалась конфедерация автономных владений, султанатов, стремящихся к независимости /Керман, Рум, Хорасан, Ирак и т. д./.

Слабость административной политики привела к отделению от сельджукской конфедерации Хорезма, который объединил значительную часть южных владений сельджуков и объявил о своей независимости. В Хорезмское государство вошла значительная часть Средней Азии и Ирана, Афганистана и Закавказья /Азербайджан/. По этому поводу С.И.Агаджанов пишет: «Образование громадного Сельджукидского государства имело немалые последствия и для этнокультурных процессов

142

в странах Востока. В XI-XII вв. принимавшая активное участие в завоеваниях волна тюркоязычных кочевников хлынула в Иран, Северный Афганистан, Арабский Восток, Ирак, Сирию, Палестину, Закавказье и Малую Азию» /11. - С.4/.

В своей основной массе, как отмечает С.И.Агаджанов, это были огузо-туркменские племена Средней Азии и Казахстана. До IX в. огузские племена, вытеснив кангаро-печенежские и некоторые угро-финские народы, заняли Присырдарьинские степи, Южное Приаралье и Северный Прикаспий. Первые признаки миграционной активизации появились в самой среде огузов в ходе противостояния между различными группировками за обладания пастбищами и землями в присырдарьин-ских степях. Борьба шла между двумя группами огузских племен: одна сформировалась вокруг «иабгу» - верховного правителя огузов, другая - вокруг клана сельджуков, выходцев из племени кынык. Центром борьбы огузов стал Иангикент с одной стороны и Дженд со стороны кыныков. Последние, проиграв ряд столкновений со своими родственниками, начали постепенный отход на юг в пределы Мавереннахра, а затем в Хорасан и северный Хорезм. Во главе этого движения встали выдающиеся предводители огузов-геяджуков Тогрул-би, его брат Шаграй-би /Чаграй/. Более широкое собирательное название тюрков Средней Азии «туркмен» стало в этот период популярным, заменив собой старый этноним «огуз». На мировую арену в XI в. огузы вышли с этнонимом «туркмен».

В исторических источниках распад самих кочевников, огузов объясняется борьбой между двумя главными поколениями: Бузук и Ушук. Восточные источники часто пишут о том, что главной причиной массовой миграции огузских племён на территорию Передней Азии стало усиление «экспансии кыпчаков, стремившихся вытеснить огузов из берегов Сырдарьи» /35. - С. 192/.

Однако, в целом ряде моментов, обнаруживается спорность и недостаточная обоснованность их суждений. Прежде всего, это выражается в заметном упрощении, «варваризации» обще-

143

ственного строя огузов и туркмен XI-XII вв. Весьма непоследовательный и

дискуссионный характер носит теория «дихотомии», согласно которой держава Сельджукидов то представляется почти копией более древних государственных систем Востока, то считается результатом «третьего пути развития - между архаическими тенденциями и симпатиями туркменских племён и политикой централизации своих персидских вези-ров»/54.-С.73/.

Немало интересных событий происходят в западных областях Евразийских степей в древнетюркское время. Как известно, после смерти Аттилы огромное объединение племен распалось. Впоследствии, наиболее значительная часть их объединилась в аварском каганате. В начале VII в. авары во главе с ханом Баяном занимали территорию Паннонии и Далмации. В формировании государственного устройства Аварского каганата сильное влияние оказывали восточно-тюркские племена /язык, государство называлось каганат, а правитель именовался титулом - каган/. Именно в аварский период в Европе распространяются железные стремена и однолезвийная сабля, что также было присуще для тюркской культуры. Но авары, следуя традициям гуннов, вели непрерывные войны с Византией и соседними славянскими, германскими и тюркскими народами. В конце концов, они подчинились власти франкских королей /44.-С. 182/.

В середине VI в. до н.э. в приазовских и прикаспийских степях появились тюркские племена хазаров и болгар. Образно о них можно говорить как о форпостах древнетюркского мира на западе, до гибели каганата эти племена составляли его западные области. В формировании хазаров и болгар принимали очень деятельное участие древнетюркские роды Ашина и Дуло./86.-С.201/.

Восточные историки связывают хазар с домом Татара: *«Иле хан бола сала айнала жауларътен ептеп келісім жасады... Эке келі ушт эскер жинап /вероятно речь идёт о периоде усиления дома Монголов/ татарларю аттантнда, татарлар етге*

144

белтп, бірі Шыңи Кіріп бас саутласа, ектишер Орал тауы-нан асът, Едиг бойына шейт жетт. Хазар теццтцсолтустт және батысына жайылт, Дон суына шейн жеткен. Араб-тар «хазар», турштер «котишкү) деген соя татарлар еді». Здесь большого искажения исторической правды, по-видимому, нет, речь идет о традиционной вражде между тюрками /Дом Татара/ и монгольскими племенами /Дом Монгола/. К первому относились в основном племена, вошедшие позднее в Западно-Тюркский каганат. В ходе междоусобных войн в начале нашей эры единая общность степных племен /алаша/ распалась, и в ходе ожесточенных столкновений, некоторые из них были вытеснены из Великой степи. Мы также знаем о том, что некоторые орды болгар /аспарухские болгары/ в ходе противостояния с хазарами ушли за Дунай, в Южную Европу. В данном случае территория Поволжья традиционно служила местом концентрации сил кочевых племен в их дальнейшем движении на Запад.

Это же явление присутствует в основных закономерностях кыпчакского периода древнетюркской эпохи. Первоначально, в IX-X вв. кыпчаки находились в составе Кимакского каганата. По словам Гардизи, этническую основу этого степного государства составляли семь татарских племен: Ими, Имак, Татар, Байандур, Кыпчак, Ланиказ, Аджлад, занимавшиеся коневодством: «эти люди пасли табуны своих господ» - пишет Аль-Идриси. В X в. кыпчаки начали своё движение на Запад. В ходе этого в этнический состав кыпчаков вошли многочисленные группы огузов /Западного Казахстана/ и печенегов /Поволжья и Дона/. В результате западные группы кыпчаков в скором времени /XI в./ стали называться «куманами». Между степными кыпчаками и западными возникали существенные различия в хозяйственно-культурной сфере. Тем не менее, территория, занятая кыпчакскими племенами - вся степная часть Евразии - стала называться Дешт-и-Кыпчак.

Так в целом характеризуются основные направления движения степных племён в древнетюркскую эпоху. Этот период изучен не так достаточно, поэтому дать полную картину исто-

рического процесса чрезвычайно сложно. Письменные источники в основном фиксируют ситуацию в периферии степного мира и очень скудны внутриконтинентальными событиями. Правда, отчасти, арабские путешественники проникали в глубины азиатского континента /об этом говорят сведения, полученные ими о кимаках, карлуках/ и т.д., но воссоздать по этим отрывочным сведениям даже картину расселения тюрков и монгольских племен /Дома Алаша-хана/ сложно. Несмотря на постоянные передвижения племен в Великой степи и частые междоусобицы, древнетюркский период, на наш взгляд, является наиболее стабильным. Во-первых, в это время были восстановлены нарушенные в эпоху скифов, гуннов государственные культы /культ Алаша-хана/, определены территориальные границы кочевых племен тюркского мира. Во-вторых, немаловажным консолидирующим фактором послужило распространение и победа тюркского языка как языка государственного и письменного. В-третьих, в древнетюркский период сформировался хозяйственно-культурный комплекс, сочетающий кочевое скотоводство на севере, оседлое земледелие на юге, отшлифовались общие устои культуры /обряд захоронения с конем, установка статуй и т.д./. Поистине огромное значение в древнетюркское время имела торговля. Так называемый «Шелковый путь» существовал только в это время. Контролируемая на всем протяжении тюркскими племенами и государствами континентальная торговля обеспечивала тесную интеграцию всей Великой степи. Особой интенсивностью отличались контакты между югом и севером, т.е. традиционные отношения между степными районами Евразии, бассейном Сырдарьи и богатыми земледельческими оазисами и городами Мавереннах-ра. Вероятно, перемещение в древнетюркское время торговых маршрутов с юга /Ирана и др./ на север /по северному берегу Каспия/, безусловно, принесший большой урон Западной Азии, было в пользу расцвета Западных районов Казахстана, а, возможно и междуречья Урала и Иртыша. Таким образом, внутренняя динамика этого периода стоит на порядок выше, чем все остальные периоды Великой степи.

Вопрос о происхождении и о прародине монголов занимает умы многих историков средневековья. Предпочтительной, на наш взгляд, является гипотеза о том, что предки монголов в верховья Онона и Керулена пришли из северо-западных районов Маньчжурии. Сравнительно-исторический анализ монгольской лексики /охотничье-рыболовецкой/ показал, что «все основные термины, относящиеся к этой семантической группе, являются общемонгольскими и восходят к некогда единому пра-монгольскому языку, свидетельствуя, что прамонголы были искони не степняками-скотоводами, а таежными охотниками и рыболовами...»/209. - С. 146/.

По предположению Е.И.Кычанова, легендарные предки Чингисхана /Борте-чино и Гоа-марал/ вместе с другими соплеменниками в середине VIII века двинулись на запад. «Разгром в середине IX века Уйгурского каганата киргизами открыл для монголов возможность постепенно заселить современную территорию Халхи», - считает Е.И. Кычанов.

Как бы то ни было, приток совершенно новых и свежих племён в состав кочевников восточной части Великой степи в VIII-IX вв. открыл новую эпоху в истории средневековья Евразии. В состав ранних монголов входили племена: урянхай, конгират, баяут, тайчиут, ойрат, тумат и др. Западнее обитали племена найманов и керейтов. В восточных источниках содержится очень много легендарных сведений об этом периоде. Например, Рашид ад-Дин монголов считал частью тюрков, к их числу он причислил следующих племен «джалаиры, татары, ойраты, меркиты и прочие подобно другим народам, которые были похожи на монголов и из которых каждый имел /свое/ государство, как кераиты, най-маны, онгуты и подобные им... кунгират, куралас, икирас, элд-жигин, урянкат, килингут...». По свидетельству Рашид ад-Дина, монголы происходят от двух принцев, ушедших от преследований Суйунуч хана в местность Эргене-кун.

Предполагается, что под Эргене подразумевается р. Аргунь /исток Амура/. Возвышение монголов Рашид ад-Дин объясняет божественной помощью, предопределением сверху /211. - Т. 1. - С.76/. «Потом-
147

ки Иль-хана Киян и его двоюродной брат Ньюгуз /НуккУ четыреста лет обитали в недоступных горах. Поселившись в этой земле, они воздали благодарение Богу. Зимой они питались мясом от стад своих, весной пили молоко их, из кожи делали одежду... «Эркене» значит горная цепь, а «кон» значит «острый», - пишет Абульгазы. /6. - С.28/. В устных вариантах казахского шежира «кон» /кун/ произносится несколько иначе, как «квн»>, обычно означает территорию стоянки кочевого аула /стойбище/.

Рашид ад-Дин предполагал, что легендарная прародительница Чингисхана Алан-гуа /гоа/ героиня чудесной истории, родившая трех сыновей от луча света, жила в конце X - начале XI вв. /211. - Т. 1. - Кн. 1. - С. 103/. Вероятно, к этой истории следует относиться очень осторожно. Восточные историки не настаивают на точности своих сведений, полученных из легендарных рассказов. В них сказались отголоски древних мифов монгольского племени, в некоторых деталях наблюдается повторение сюжета о происхождении народов Центральной Азии, соответствующая древнетюркским. В X-XI вв. монголы были сильно обеспокоены проблемой обретения родины. Переход к кочевому скотоводству в условиях степной и лесостепной зоны резко увеличил благосостояние монгольских племен, он сопровождался резким ростом роли скотоводства, особенно табунного коневодства /чего раньше фактически у них не было/. Одновременно этот переход «сопровождался вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок»./152. - С. 171/.

В середине X в. монгольские племена создают свои первые политические союзы. В «Сокровенном сказании» о непосредственных предках /реальных/ Чингисхана Кабул-хане и Амба-гай говорится, что они были правителями государства /китайский термин «го» означающий «государство»/. «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведасть Ам-багай-хаган» /133. - С.84/.

Вероятно, уже в это время складывается идеология, направленная на экспансию, расширение территории и установление

148

верховенства монголов. Стремлением расти вширь можно объяснить начало бескомпромиссной борьбы против татар, чжурчжень и др. В дальнейшем эта энергия вышла за границы самих монгольских племен и перекинулась на тех, кто был подобен монголам, т.е. кереитам, меркитам, найманам и др. Так государство монголов превращалось во всемогущую империю Евразии. Отныне эта энергия на несколько веков служила основным структурообразующим фактором на всей территории огромного континента. Исторические источники «Сокровенное сказание» /Ныгуча Тобчи/, «Золотое сказание» /Алтай Тобчи/, позволяют наметить несколько этапов в движении народов степного пояса Евразии.

В середине 80-х годов XII в. Темуджину - молодому монгольскому предводителю - удалось объединить часть близких ему родов и создать небольшую политическую группу /улус/. Это стало возможным благодаря разгрому меркитов. Именно эта победа обеспечила Темуджину определенную известность. Хотя основную роль в этих событиях сыграли Тоогрул /кереит/ и Жамуха-цецен - предводитель части монголов - тайчуитов.

Примечательны слова Тоогрул-хана, сказанные в ответ на просьбу Темуджина помочь ему освободить его семью из меркитского плена:

Бытыратн елцдг,

Еірттіріп беретт.

Аи, дейтт болсын ажасы,

Крй, дейтт болсын кржасы.

Буки мергидтг

*Быт-шыт кыт,
Берте ужиндг /жена Темуджина/
Бергзейт веце.*

В 1206 г. /в год Барса/ на берегу р.Онон Темуджин был провозглашен предводителем всех кочевых племен и удостоился титула «Чингисхан»: *«Сеитин, киз туырлыкты елдер адал-дъцгс истен... тогыз сирактыакту кетерт, ТэмужинЫ Чин-гис хаган /Далай хаган/ деп атайды. Мухулайю Го уан /мемле-*

149

*кеттт ван/атсиын да сол жерде береди» /186. - С.44/. К этому времени все основные соперники Темуджина были разгромлены, а племена, находившиеся в их руках, были подчинены власти монголов. Перед курултаем кочевых племён /1206 г./ был убит Жамуха-цецен, один из последовательных оппонентов Темуджина во внутримонгольских делах: *«Сети кунэцдг айтсак,-.. ерте кезде... сен арамзалъц истен, Далан бал-жууд деген жерде согысып, мет Зээрениц ктыпгиалына тыксы-рып, жан алкътт алыонъцацде ме?» - говорил Чингис Жаму-хе-Ендгмте, достасайъцдесем, уйтрмайсыц Шыбын жанъц-ды кешгрейт десем де лажсыз болып отырмын. Енди ев тишегц бойыниша кон шыюрмай wтиpип, денецдI кврнеу калдырмай, курметпен кмдгреин» деп амгр етті. Сеитин, Жому ханы ептіpип, жерлеттг».**

Примечательно, что созданное в 1206 году монгольское государство провозглашалось как государство кочевых племен /*кип туырлыкты*/ и в государственной идеологии особое место занимало подчёркнутое противопоставление его оседлым /*балишыц уйлг, сауыскцн ундI*/. В отличие от многих кочевых объединений, государство Чингисхана изначально представляло союз сильных личностей, которым и было распределено всё население /в 1206 году из проверенных друзей, родственников он назначил 95 нойонов /тысячников/. К этому случаю относятся слова Чингисхана: *«Ел-журтты уйымдастырыскан ежелгг ер достарды туыскан етпн, кажымай куш жумсаин кайырымды жолдастарды мыцдъц ноян етпн болгызып, усеii сеетди айтайын»*

Дальнейшее расширение границ государства происходило двумя путями. В первом случае монголы вели очень успешные завоевательные походы. Преследуя своих внутренних врагов /меркиты, керейты, найманы/, монголы в начале XIII оказались в районах Центрального Казахстана и Южной Сибири. Этими же мотивами объяснялись причины похода на Восток и в Китай. Во-вторых, в ход пошли традиционные элементы сплочения степных племен - заключения династийных браков с пра-

150

вящей элитой кочевых групп. Например, предводителю карлу-ков Арслан-хану, признавшему власть монголов, была отдана дочь самого Чингисхана - Алхе бэхи: *«Чингис хаган Арсланды «согыспай беринди»! - деп риза болып, кзызымды беретт» - деп ашр етті. Харлагтардыц Арсланына Алха бэхиЫ берт, Чингис хан буй dedi:*

*Каргыюнда аях; бон,
Кцсайюнда таях; бон,
Таити кезде тат бон,
Тарыкканда пана бон,
Кррин болар Алха бэх.*

Таким образом, в состав империи вошли уйгуры, ойраты и другие кочевые племена. При этом в тексте монгольской летописи говорится и об институте усыновления /по отношению к уйгурам/: *«J\$ызымды берешн, бестий упым болсын. Алтын алка, жIбек-кпкп, кумк-маржан сияцпыларды альт келст»*, - сказал Чингис послу уйгуров, объявившему о желании Идууд-хана подчиниться власти монголов. Родство правящих династий служит гарантией безопасности

покоренных племен. После покорения керейтов на двух дочерях брата Уан-хана Жаха-хамбу были женаты сам Чингис-хан и Толе ЛГолун/, поэтому улус Жаха хамбу не пострадал от разграбления *«сондыкцан Жаха хамбу-дыщел-журты мен дуние-мулкте тииснеиді УК вне Жаха хамбу т арбаныц бір жацпауындай /матн жердемиц/ болып жур деп КеудріМ етеді»* /186. - С.92/.

Наконец, формирующееся монгольское государство /империя/ переняло у покоренных им стран /на первом этапе от керейтов, найман и уйгуров/ формы и правила устройства государства. На раннем периоде монголы ещё очень плохо представляли эти проблемы, фактически не было четкого разделения функции охраны ставки, ни управления двором, ни государственными делами. В целом, ранняя монгольская государственность напоминает обычное вождество. Во время войны с найманами в руки монголов попал начальник канцелярии Та-151

татунга /уйгур/. Хасар, брат Чингисхана, видимо, впервые державший печать в руках, спрашивает у уйгура *«Булмердг не-менеге керектенушг еді?»* Таким образом, Тататунга стал первым государственным секретарем Монгольской империи, ему было поручено устройство школ и письменные дела: *«Тата-тунганымутлтутуып, хат-калам, зан, эскери, саясат катар-лы сабак; уйреттзт, кеп кеишпей быт. алды»*.1186. - С.101/.

В1211 году началась война против Китая, она завершилась только в 1259 году /при Хубилай-хане/. Монгольские войска вышли за пределы Китая, на юге Азии подчинив значительную часть Индокитая. При Хубилай-хане была предпринята попытка завоевания Японии*.

В1219 г. начинается кампания по завоеванию Средней Азии, Северной Индии и Ирана. Часть монгольских войск в это же время во главе с Жебе и Субедеем, пройдя через Кавказ, сделала значительный круиз по Восточной Европе. Они разбили войска аланов, кыпчаков и славян. Известно, что готовясь к западному походу /в страны Сартауыл/, Чингисхан огромное значение придавал Мавереннахру /соответственно Семиречью и Присырдарьинским районам/. Именно этим объясняется организация похода не через степи Казахстана, а в обход их, через Семиречье прямо к центру оазиса. В результате Чингисхан не только завоевал области Мавереннахра, но и лишил племен

*В шежире Курбангали Халид написано следующее: *«Хубылай хан... 15 жыл битгтде кеп жумыстар жасаин. Шыцвлкеа, татар-моцолмен ввге де тайпалар - патшалыкеткендерте ыгугалы журген. Орталыт Бей-жт шаБары. «Патша арыйы» деген арык: осының заманында казылтн. Шыцелкест толыгымен багындыртсын Жапония/Жабылх/а/мемлекетте жорыкжасады»*.

152

Алаша постоянных зимних стоянок и торгово-ремесленных посредников. Тем самым, оно привело к признанию верховенства дома Чингисхана. Об этом Дзуджани пишет: *«Туш /Джу-чи/ и Чагатай, управившись с делами хорезмийскими, обратились на Кыпчак и Туркестан покорили и заполнили один за другим войска и племена кыпчакские и подчинили все эти племена своей власти»* /221. - С. 14/. Таким образом, еще в начале XIII в. население степных районов Казахстана вошло в состав монгольской империи. В дальнейшем именно этот регион стал новой базой миграции степных племен, как на запад, так и на юг. Однако, входя в монгольскую империю племена Алаша сохранили значительные автономные права, свои традиционные культы и атрибуты независимости. Это стало причиной неприязненных отношений между Чингисханом и Джу-чи, в распоряжение которого и была отдана эта часть Великой степи. Далее Дзуджани пишет: *«Когда Туши /Джучи/, старший сын Чингисхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли,*

то он нашёл, что во всем мире не может быть приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца, он сказал приближенным: «Чингисхан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется целесообразным... привести это государство в цветущее состояние..»/211. - С. 14/.

Джучи-хан после среднеазиатских кампаний /1219-1223 гг./ жил неотлучно в центральных степях Евразии /восточная часть Дешт-и-Кыпчака/. По монгольским преданиям, отправляя его сюда, Чингис сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Он также дал ему города Хорезма /вилайеты/. Утемиш-хаджи, автор «Чингиз наме», подробно освещает политические проблемы Восточного Дешт-и-Кыпчака во времена правления Джучи и его потомков: «Когда Иочи хан отправился в вилайет Дешт-и-Кыпчака, он достиг Улуг тага, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кйков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с

153

коня, свернул шею и умер». Это случилось в 1227 г. Мавзолей, построенный в честь Джучи хана, до сих пор стоит на берегу реки Кара-кенгир, в Улутауских степях*.

Отсюда был начат знаменитый семилетний поход в Восточную Европу, в ходе которого были завоеваны близлежащие западные владения «Келар, Башкирд, Урус, Черкес» и дальние области, находящиеся в Восточной Европе. Несмотря на масштабы произошедших событий, на наш взгляд, активного перемещения населения степных районов не произошло. В основном шёл процесс поэтапного выдавливания племен с обжитых мест, перемещение их и устройство улусов. Так, в результате семилетнего похода политический центр улуса Джучи переместился в Поволжье. Потомки Орда Ежена правили в Северо-Центральных улусах, а потомки Шайбана в западных и северных улусах и т.д. Рашид ад-Дин подчеркивает относительную независимость этих владений:

«Потомки и улус его /Орды/ там находятся по-прежнему. С самого начала никогда не случалось, чтобы из урука Орды те, которые заслужили его место, являлись к ханам урука Бату» /211. - Т. 1. - С.443/.

Значительное количество степного населения попало в Западную Азию в ходе Хулагидского завоевания Ирана. В самом деле, отголоски этого движения дошли до Египта на западе и до Индии на востоке. Рашид ад-Дин оставил подробные сведения об участниках этого известного движения кочевников: «Еще

**В казахских источниках /во всех формах исторического фольклора/ сохранилось огромное количество сведений об этом периоде, и особенно о Джучи-хане. В казахских источниках он считается сыном легендарного Алаша-хана: «Алаша хан екг катын алыон Kid deudi. Улкен катыны бала тумай, ки1 катыны 70 жаска толтнда бір бала туып, атын Жошы хан койтн»./143. - С. 59/. В другой версии: «Алаша ханнъцжалгыз баласы Жошы хан бала кунтде аща шыгып, аты куланмен елгет-жегип, бала атына ие бола алмай жънылып, ат суиретип еат1рген»/142. -С.2/. В обоих случаях Джучи-хан является представителем национальной правящей династии казахов. Вероятно, это говорит об определенной идеологии и о преемственности политических традиций в казахских степях на протяжении многих тысячелетий.*

154

при жизни Бату случилось, что Менгу-каан, отрядив третьего брата своего Хулагу-хана с храбрыми войсками в страны земли Иранской, со стороны каждого царевича назначил из войск по 2 человека с каждого десятка с тем, чтобы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками и пособниками. Орда послал своего старшего сына Кули с одним туманом войск через Хорезм и Дехистан, а Бату отправил Балакана, сына Шибана, и Тутара, сына Мингкадара, сына Бувала, 7-го сына Джучи-хана, через Дербент-Кипчакский, /поручив им/ пойти оказать помощь войску Хулагу-хана и служить ему».

Могольские завоевания стали причиной усиления и реставрации власти сельджукидов в Малой Азии. Возрождение государства начинается с западных районов, принадлежавших бею Осману, который в 1299 г. стал полновластным эмиром.

Угрозы со стороны государства ильханов и слабеющая Византия стали причинами

усиления Осман. После подчинения Малой Азии османы начали завоевание балканских провинций Византии. В 1389 году произошло сражение на Косовом поле и разгром объединенного войска крестоносцев в 1396 г.

Таковы основные направления движения степных групп в ходе этого грандиозного переворота в истории средневековья. В результате этих элитарных перемещений, власть в Дешт-и-Кыпчаке, в Средней и Передней Азии надолго перешла к новым степным хозяевам. Наиболее отчетливо и рельефно смена династий, формирование новой элиты из числа завоевателей, их отношение с местными группами иллюстрируется на примере монгольской династии Юань, основателем которого был внук Чингисхана Кубылай-хан /Хубилай-хан/.

Несмотря на малочисленность монголо-тюркские племена оказали большое влияние на политическую жизнь Евразии. Сам факт того, что Золотая Орда в Дешт-и-Кыпчаке, а Хулагидская династия в Передней Азии успешно существовали на протяжении нескольких веков как системообразующие факторы политических и культурно-этнических процессов, говорит о многом. Примечательно и то, что во внутренних районах Великой

155

степи в это время фактически не наблюдаются междоусобные войны. Мирная жизнь способствовала расцвету хозяйства, расширению торговли и градостроительства. Археологическими исследованиями в Центральном и Западном Казахстане, а также в Семиречье выявлены многочисленные города, с культовыми и общественными постройками. Выгодное положение Казахстана на стыке оседло-земледельческого и кочевого мира, на перекрестке магистральных, торговых и дипломатических путей сделали его центром хозяйственно-культурной и политической жизни Евразии. Особенный расцвет градостроительства замечен на юге Казахстана /в Хорезме и Средней Азии/ и в низовьях Жайыка /Урала/ - центрах оседлости и администрации улусов. Эти факты говорят об ошибочности распространенной точки зрения о несовместимости оседлой городской культуры и степной, скотоводческой. Именно благодаря тесному союзу города и степи, бурному развитию ремесла образовался тот специфический экономический потенциал, который на долгие годы обеспечил мощь степных улусов, созданных чингизидами.

Главной отраслью хозяйства степных племен, как и в прошлом, являлось кочевое скотоводство с преобладающей ролью коневодства. Как в самом центре степи /в Восточном Дешт-и-Кыпчаке/, так и на ее окраинах, в самом широком смысле слова, имеет место оседлость и полуоседлость. Это характерно для тюрков Южной Сибири /бассейн реки Иртыш/, восточной окраины Золотой Орды /бассейн реки Жайык /Урала//, вдоль течения рек Сырдарья, Таласа и Чу - на юге. Таким образом, хозяйственно-культурный комплекс охватывает три типа хозяйства: кочевое скотоводство, оседлое земледелие, полуоседлое комплексное хозяйство - на севере.

Кризис монголо-тюркского степного мира наступил в конце XIV в., после смерти Аз Жанибек-хана в Золотой Орде, и после смерти Урус-хана в Ак Орде. Тяжелой политической ситуацией в степи воспользовался Тимур. Сильная степь была постоянной угрозой политическим и экономическим интере-

156

сам Мавереннахра. Тимур был заинтересован в перемещении политического центра и международных торговых путей на юг. Поэтому он вначале поддерживал всякую оппозицию к центральной власти в Великой степи /Токтамыс, Едигей и т.д./. Подобно тому, как он сначала поддерживал молодого Токтамыса против Урус-хана и Мамаю, он в дальнейшем поддерживает Тимур Кутлуга и Едыге против Токтамыса, и в конце своей жизни того же Токтамыса - против Едите, ставшего полновластным правителем Великой степи.

В ходе похода Тимура в Золотую Орду /1395-1397 гг./ были подвергнуты беспощадному разгрому все основные улусы с наиболее развитой системой городов и торговых путей. В Великой степи снова наступил хаос.

5. Новое время

Собственно, границы новой истории определены нами также условно, как и средневековой истории. Необязательно всю нашу историю сопрягать с европейской, а также с историей Востока. Евразийские степи в такой же мере субъект исторического процесса как Запад и Восток. Более того, в рассматриваемое время, как и раньше, Евразийский степной мир не отказывался от той миссии структурообразования в силу особого жизненного уклада в мировой системе.

Но реалии европейской истории в новое время меняются. Особенно это заметно в конце эпохи Золотой Орды. Это последнее, мощное имперское образование кочевников является одновременно последней попыткой структурирования Евразийской истории. Несмотря на сравнительную слабость этого пассионарного толчка для Европы, на Востоке ее влияние ощутимо. Восток в начале нового времени в начале ощущает двойное влияние: со стороны Европы - в виде первых шагов колониальной экспансии и со степи - в виде продолжающихся процессов движения кочевых племен. Влияние Европы проявляется в активном колониальном проникновении и налажива-

157

нии торговых связей. Но, несмотря на это, традиционная структура Востока при этом еще не претерпевает кардинальных изменений и до начала XIX в. мы наблюдаем типичные отношения.

Таким образом, период с XV до начала XIX вв. - как бы инерционный период, когда продолжали действовать традиционные закономерности, выражающиеся в активном давлении евразийских кочевников на Восток и отчасти на Восточную Европу.

Одновременно, начало этого периода совпадает с распадом Золотой Орды, в результате чего на просторах Великой Степи образовался ряд государственных объединений кочевников. Одним из таких новообразований является и Казахское ханство. С историей Казахского ханства, как основного объекта нашего исследования, мы будем связывать историю Нового времени.

В эпоху Золотой Орды на территории Дешт-и-Кыпчака сложилась новая этнополитическая общность тюрко-монгольских племен. В казахских источниках она известна под названием «ноуялы», или «ношйлыньцауыр журт»:

Ношйлыньцауыр журт

Абдырыды, айланды,

Айланьт кецс таппады.

Ношйлыньцауыр журт

Баяу жаткрн кайран журт /102. - С.89,91/. В этой связи Ч.Валиханов пишет: «По /преданиям/ своим, киргизы /казахи-Ж.А./ почитают себя /потомками/ татар Золотой Орды, которая в героических поэмах - джирах - называется «ноютыныцауыр журт», а героем всех их поэм - золо-тоордынских ногаев: Идыгей, его бегство к Тамерлану и изгнание им». Вероятно, мы можем вести речь о формировании новой суперэтнической общности.

В основе эпических сказаний об Едите лежат исторические события конца XIV - начала XV вв. Основная событийная канва связана с борьбой между Тохтамышем-чингизидом и Едите, знаменитым предводителем «ноттынъцауыр журт». Согласно

158

но восточным источникам, отец Токтамыша - Тули-ходжа /Туй-ходжа-оглан/, брат или дальний родственник Урус-хана, правил в Мангышлаке /Манкыстау/. Вскоре после воцарения Урус казнил Тули-ходжу за непослушание и сепаратизм, за отказ от участия в походе в Поволжье. Его наследник Токтамыш нашел убежище у Тимура и с его помощью начал борьбу за Ак Орду. С воцарением Токтамыша в Золотой Орде /в Сарае/ и появляется фигура Едите /вероятно, он один из тех, кто поддержал Токтамыша против Урус-хана/.

Об Едите как о правителе /де факто/ говорят почти все западные и восточные источники.

По одним данным /Абульга-зы/, Едиге происходил из мангытов *Іак, маңғыт/*, по другим /Ибн Арабшах/ - из племени коньрат.*

Ибн-Арабшах называет Едиге «одним из главных эмиров левой стороны». Как известно, племена левого крыла тюрко-монголов обитали западнее основных групп /т.е., в составе Ак Орды/.

Мангыты, коньраты, джалаиры и другие племена, сыгравшие значительную /порою главную/ роль в золотоордынской истории в эпохальных событиях начала XIII-XV вв., составили стержень этнополитического сообщества «ногайлы». Широкое географическое распространение ногайлинского эпоса /«Едиге батыр» и другие сказания ногайлинского цикла/ от Крыма до Алтая и Сибири, включая Среднюю Азию /и алатауских киргиз/, соответствует той территории, где в монгольскую эпоху сформировался ногайлинский суперэтнос. Легендарные мотивы об Едиге, а также джир о нем распространились не в связи с распадом и расселением ногайлинцев, золотоордынских кочевников в XVI-XVII вв. /104. - С.377/. Все основные тюрко-монгольские племена были составляющими этого имперского образования. Ч.Валиханов, возможно, был первым, кто обна-

**Вероятно, такое противоречие связано с тем, что в составе племени коньрат Среднего жуза казахов есть подразделение «мангытай» /Крырат-Квтенш1-Сащыл-Маңғытай//21. -С.218/. В целом, казахские источники неизменно употребляют термин «Мангыт» по отношению к населению Ногайской Орды.*

159

ружил это явление. «Довольно странно и замечательно, что все почти кочевые народы среднеазиатских степей все древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками. Так говорят каракалпаки, дикокаменные киргизы, которые, судя по скудным фактам истории этого народа, особенного родства и соседства иметь не могли»* /65. - С. 1255/.

С распадом ногайлинского единства связаны Великие миграции кочевников Нового времени. Вероятно, в ногайлинскую эпоху, когда все степные племена, как свидетельствуют казахские предания, испытывали блаженство, благосостояние и счастье, возрастала их численность. В степи начинается переход к оседлости и земледелию, что особенно заметно в полупустынных районах. В казахском шежире памятники ранней земледельческой культуры /арыки, поля, водосборные сооружения в степи/ связываются с ногайлы: «Сарыаркдагы жары терец, суы аз езендер сол замандагы ногайлардың епн салу ушш кдздырган арыгы екен». «Шщерт! деген езеннщ аягында «Акжар», «Сасай» деген жерлер ногайлардың кент салып, так, курган, Букар, К,окан хандары сыкътлды орда жасаткан жер! екен... Есш, Нураньщ арасында Тоганастыц токеан ею кел! -ногайлардың егш салган келдер!... /142. - С.47/**.

**Письмо молодого Ч.Валиханова, написанное в адрес профессора И.Н.Березина является чрезвычайно важным и ценным исследованием по Золотой Орде. Как говорит автор, его высказывания основаны «на расспросе старых киргизов /казахов - Ж.А./». «Название «Золотая Орда» было малоупотребительно в те годы, в официальной переписке речь шла об «Улуг улус», который в преданиях народных означает /часть/целой страны или народа; киргизы говорят: «нотйлыныцауыр журт», где Улуг заменяется «тяжелым юртом»: Валиханов Ч. Письмо профессору И.Н.Березину// Собр. соч. в 5 томах. - Алма-Ата, 1984. - Т.1. - С.166.*

***"Основные тексты этих исторических сведений, сообщаемых М. -Ж. Копейулы, опубликованы в книге: «Сарыарканъцкмдт екенд(г1 тур-ралы» - Казан, 1907. К сожалению, в позднейших публикациях его трудов, по политическим соображениям, сведения из этой книжки выпали. Само название «Кому исторически принадлежит Сарыарка» всегда настораживало цензуры царизма и большевиков.*

160

Кризис и распад «ноуялыныц ауыр журт» наступает в середине XV в. Никак не следует это путать с распадом и передвижением племен Ногайской Орды в XVI-XVII вв.*.

Из единого массива степных тюрко-монгольских племен выделились несколько крупных ветвей: Ногайская Орда - на западе, Узбекский улус - в центральных степях Евразии, ойра-ты /джунгары/ - на востоке. Это определило разновекторность направления миграции степняков. Ногайская Орда была в тесных связях с Западом. В значительном

количестве они обитали на Северном Кавказе и в Причерноморских степях. «Еще до распада Ногайской Орды ногайцы уходили в причерноморские степи вплоть до Днепра», - отмечает Б.-А.Кочекаев /140. -С. 107/. Здесь происходило смешение ногайцев с более древним кипчакским /татарским/ населением, восходящим к половецким и печенежским субстратам. В XV-начале XVI вв. в нижней части Бессарабии образовалась Буджакская Орда. Движения ногайских племен в междуречье Дуная и Днестра возглавляли братья мурзы Урак улу и Ормамбет улу, прежде кочевавшие в Поволжье.

В середине XVI в. в прикавказских степях образовалась Малая Ногайская Орда, основателем которой являлся Казы-мурза, сын Урака и противник Исмаила.

Территориальные границы этого ногайского образования охватывали степи между Кабардой и Азовом, и далее северные владения Крымского ханства. При этом, ногайские племена занимали земли по р.Терек, как «старые ногайские кочевия». Таким образом, расширение кочевий в сторону Северного Кавказа ногаи считали закономерным процессом. С другой стороны, в этническом составе ногай было достаточное количество западно-кипчакских половецких родов. Ногайцы из состава Малой Ногайской Орды /Казы улусы/ позднее получили этническое название «карано-

**Начало разброда в Ногайской Орде было положено обострившейся борьбой между Юсуфом /Жусуп/ и Исмайлом /Алиш Смайыл/, родными братьями, в середине XVI в.*

161

гайцев». Основным фактором ногайского кризиса является вторжение ойратов-калмыков в начале XVII в. Другая причина движения ногайских племен на Запад связано с усилением казахов. Уже в период обострения борьбы между Юсуфом и Исмаилом, сторонники первого искали опору у казахских владетелей. Восточные группы ногайских племён имели тесные экономические связи со Средней Азией. «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои люди ходят к Москве», - говорил Исма-ил своему брату Юсуфу /140. - С.780/. В этом действительно скрываются корни противоречий, которые, в конце концов, привели это государство к разорению и гибели. После смерти Юсуфа /1555г./ «дети» и «внуки» его были изгнаны из Большой Ногайской Орды и присоединились к «Джембойлукским ногаям» /в казахских источниках их называют «алты упдыц угысы», поскольку предводителями алтыульских ногаев были дети Ших Мамае во главе с Касай мурза; всего было шесть братьев/. Тот же источник /Исмаил/, сообщает о тесных связях между этой группой ногайцев с казахами: «А Шихмамае-вы дети Касай мурза с братьёю кочуют на реке Сыре, а Казацкой Орде... Да племянники ж мои от нас отстали ныне за Яком, а приложились к Казатцкому царю». Тем не менее, ал-тыульцы сохранили относительную самостоятельность до конца XVI в. Об этом свидетельствует письмо Тауекел хана к своему племяннику, Оразмухаммеду /123. - С.3-13/.

В дальнейшем территориальная близость и, самое главное, родство ногайцев и казахов привело к смешению и полной ассимиляции первых. В этническом составе Ногайской орды были те же племена, что и у казахов.

В ногайских движениях на Запад участвовало, вероятно, не менее миллиона степных жителей. Еще в середине XVI в. в различных источниках, посвященных ногаям, называются большие цифры. Например, Юсуф-мурза говорил о том, что у него «триста тысяч рати», кроме того, у каждого из его восьми сыновей «по десять тысяч... своих людей». Однако, он, видимо, не включал в это число независимых от него улусов других ногайских владетелей. Исмаил, после смерти Юсуфа ставший

162

главным лицом в Ногайской Орде, говорил о своих воинских людях «двухсот тысяч ногайцев писменных». Если предположить, что каждая семья в среднем могла выставить по одному воину, при среднем составе семьи 6-7 человек, то тогда общая численность Ногайской Орды превышала миллион человек.

Миграция на запад ногайских племен под усиливающимся давлением с востока, со стороны казахов и калмыков разбивалось в мощные барьеры, поставленные Московским государством, Османской империей, Польшей и т.д.

Русские правители XVI-XVII вв. /Иван IV, Борис Годунов и др./ вели по отношению к ногаям великодержавную политику, поддерживая в Ногайской Орде «разброд, неприязнь и вражду среди мурз, чтобы руководители Орды... постоянно чувствовали свою зависимость от Московского правительства» /191. -С. 57/. Раздробленные и лишившиеся центрального, авторитетного властного центра ногайские племена, оставив свои старинные кочевья в Поволжье, так и не смогли освоить новые пространства. В скитаниях по прикаспийским и причерноморским степям они потеряли основную часть населения, лишились жизненно важных политических традиций и необходимых институтов этносоциальной структуры. Разбросанные в огромном степном пространстве от Дуная до Аральского моря, ногайские племена оказались беззащитными перед лицом сильных в военно-стратегическом отношении оседлых государств, в первую очередь, России /Московское царство/, Османской империи и Крымского ханства/. Продвигаясь вглубь Европы, в ходе Великого движения кочевников, они оказались со всех сторон окруженными превосходящими их в военном отношении противниками и практически нигде не смогли найти опору. Миссии степных народов Евразии со времен древних энеолитических коневодов по структуризации обитаемого пространства пришел конец. Запад в эту эпоху начал вынашивать новые альтернативные планы, ограничивающие жизненные пространства и энергии степных народов.

«В итоге, Европа на западе вздохнула с облегчением, - пи-
163

шет Ф.Бродель, рассказывая о последних вспышках активности степных народов Евразии. Наметилось ослабление давления кочевников на юге России, и это облегчило продвижение русских в черноземные области Поволжья, Дона и Днестра» /56. - С.111/. Наступило начало грандиозного движения людей с запада на восток и в просторы Центральной Азии.

Большие передвижения ногайских племен носили стихийный характер. Под сильнейшим натиском калмыков в поисках новых кочевий или же спасаясь от голода и неурядиц, они вторгались на территории западных стран. Ногайские племена фактически были лишены возможности концентрации сил и выработки новой идеологии, что обычно предшествовало к прорыву в оседлые регионы.

Наиболее сильным и выдержанным в старых традициях было движение узбекских племен в Новое время на юг. Масштабы, радиусы движения степных кочевников конца XV- начала XVI вв., а также охватываемые ими территории и последствия, на наш взгляд, сравнимы с миграциями конца II тыс. до н.э., так называемыми арийскими переселениями. Появление узбекского союза было закономерным результатом распада ногайлинского /можно сказать, имперского/ суперэтнического сообщества. Это объясняется кризисом последней империи кочевников Евразии - Золотой Орды. Восточные источники начало формирования узбекского союза связывают с религиозным фактором, с распространением ислама в среде степного населения.

В анонимном сочинении «Шаджарат ал-атрак» /XV в./ содержатся следующие данные:

«Говорят, что после восшествия на ханский престол до истечения 8 лет он /Узбек-хан-Ж.А./ проводил жизнь со своим илем и улусом в странах северного /Арка/ Дешт-и-Кипчака, так как /ему/ нравились /вода и воздух/ тех стран и обилие охоты /дичи/. Когда с начала его султанства истекло 8 лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида... святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он

164

/Узбек/ в месяцах 720 г. хиджры /12.11.1320-30.11.1321/, соответствующего тюркскому году Курицы, удостоился принять ислам»/221.-С.206/.

Узбеками, по данным этого источника, стали называть тех кочевников, которые приняли ислам в 20-е гг. XIV в. в годы правления Узбек-хана. Во-вторых, место обитания племён узбекского союза указано очень точно - это северная часть Дешт-и-

Кыпчака: Арка /вся Северо-Центральная и Западная территория современного Казахстана, включая и юг России от При-уралья до оз. Чаны-куль в Сибири. Казахские племена, тогда известные больше под названием «*Алашмыцы*», в качестве отдельного автономного образования были в составе узбекской федерации. В казахских версиях ногайлинских преданий и эпических поэм постоянно присутствует отдельная казахская общность «*Уш УК уз алтыс отау казак*». В поэме «Едиге батыр», в основных его вариантах, мы также встречаем это название. После поражения от Тимура /Са-Тем1рхан/ Токтамыс-хан обращается с песней прощания к своему народу: *Апаша та Алаш болтнда, Апаша хан болтнда, Аязды кунде аршындап Арасат оты жантнда*.

Такими словами начинается песня отчаяния Токтамыса. Примечательно, что авторство данного речитатива, начинающегося словами об Алаше, приписывается легендарному Сы-пыра-жырау: «*туртнжуртынъшалдында Сыпыра жыраудъц бастан айтк,ан жырын айттып, токушк, жалды торшаны ал-дырды. Тогыз кезд1 кгреукеш кид1...*»/102. - С. 108/. Далее следует более конкретное указание на наличие казахского союза среди ногайлы /в данном случае под словом «*байтак?*»> - подразумевается обширная страна, суперэтнос и т.д./

165

*Байтшымнъц штде
Он сан елгм нотйлы,
Сет-дагы алдырттым.
Он сан нотй iiumde
Yii ж уз алтыс отау казагым,
Сет-даш алдырттым,
Ал аман бол менен соц.*

Как активная политическая сила узбеки начинают проявлять себя в годы правления Урус-хана /1368-1375 гг./. В «Зафар наме», в одном из самых обстоятельных восточных источников районы обитания кочевых племён Восточного Дешт-и-Кыпчака называются «областью узбеков». Например: «Кутлуг-Бука, сын царя Урус-хана узбекского, повёл войско и много сражался с Токтамыш-огланом» /211.- С. 106/. Абд-ар-Раззак Самарканда рассказывая, о сложных политических отношениях на территории Дешт-и-Кыпчака эту страну часто называет «Узбекскими владениями», или же, «Узбекским улусом»: «Барак-оглан бежавший из улуса узбеков, пришел искать убежища» /в 1420 г./, или «Из Дешт-и-Кипчака, от Мухаммед-хана, царя Узбекской страны прибыли Алим-шейх-оглан и Пулад, которые через посредство старших эмиров поднесли /Шахруху/ охотничьих птиц, лошадей и прочие редкости». Вскоре мирные отношения между Мавереннахром, где правили многочисленные потомки Тимура, и Дешт-и-Кыпчаком, где власть перешла в руки Барак-хана, сына Уруса, переросли в военные столкновения. Поводом послужило требование Ба-рак-оглана, сына Урус-хана о возвращении узбекам г. Сыгнака. «Пастбища Сыгнака по закону и обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку», -заявил он мирза Улугбеку. В 1427 г. состоялась битва между войсками Мавереннахра и Дешт-и-Кыпчака /Ак Орды/, где степным войскам удалось взять реванш за все поражения, выпавшие им во времена Тимура. «Войско, чьим лозунгом и превосходным качеством были постоянно победа и одоление, бе-

166

жало и было ограблено. Узбеки, которым образ победы/даже/ в зеркале воображения казался невозможным, своими глазами увидели ее, и в руки им досталась огромная добыча», - пишет автор/221.-С. 106/.

Вероятно, движение узбекских племен на территорию Ма-вереннахра начинается

после этой победы, являющейся знаковым во взаимоотношениях степных племен Дешт-и-Кыпчака и оседлого населения тимуридских владений Средней Азии. В начале 30-х гг. XV в. движение узбеков получило новый импульс благодаря объединению под властью хана Абулхаира бывших улусов Орда Ежена и Шайбана. Фактически образовалась широкая коалиция воинственных степных племен, устремившихся первым делом на юг Казахстана и в Среднюю Азию. Границы этого этнополитического образования простирались от Иртыша до Волги на западе, а по меридианали - от южной Сибири до среднего течения Сырдарьи. В исторических источниках оно получило название Узбекский улус.

Согласно Кухистани, автору сочинения «Тарих-и Абу-л-хайр хани», Абулхаир-хан, преодолев в упорной борьбе сопротивление многих степных владетелей /Махмуд-Ходжа-хан, Мус-тафа-хан и др./, вступил в борьбу за присырдарьинские города и Хорезм. «Я хочу, приведя в порядок войско, приют победы, отправиться на жестокую битву с хакимом Хорезма», - заявил в 1430 г. Абулхаир-хан. Это означало начало борьбы узбеков с тимуридами, владевшими огромными просторами Азии: «Молва о владычестве и величии Шухрух-султана, наследника государя Тимур-курэкана и обладателя трона Самарканда и Хорасана, распространилась из конца в конец мира и все земли от границ Рума до дальних стран Хинда, Персидского и Арабского Ирака, Азербайджана, Хорасана, Мавереннахра и Туркестана /а также до пределов Кашгара и Бадахшана/, находятся во владении наместников этого высокопоставленного падишаха, Хорезм также, относился/к/дивану этого шаха...»/178. - С. 150/

Таким образом, узбеки, начав с Хорезма, в 30-х гг. XV в. через одно десятилетие плотно утвердились уже в районах Сырдарьи. В 1446 г. город Сыгнак стал столицей Узбекского

167

ханства. Победа на юге позволила степным племенам провести значительную работу по концентрации сил и формированию дальнейших политических планов. В первую очередь ставилась задача расширения захваченного плацдарма и зоны влияния. Поражение войск Абулхаир-хана в 1457 г. от ойратов-кал-маков во главе с Уз-Тимур-тайшы и борьба против казахов, решившихся отделиться от Абулхаир-хана, только на время задержали движение племен Дешт-и-Кыпчака.

Государство кочевых узбеков располагалось в непосредственной близости от Мавереннахра и моментально реагировало на те или иные политические осложнения в этом оазисе. При всяком удобном случае узбеки совершали нападения на приграничные поселения и все больше углублялись в Среднюю Азию. Еще во времена Абулхаир-хана из-за внутренних междоусобиц тимуриды часто обращались к помощи узбеков, что давало формальный повод для вторжения. Так, в 855 г. хиджры /1451-1452 гг./ к узбекам обращается Султан Абу-Саид-мурза: «Абульхаир-хан воспользовался вниманием его величества, с величайшей поспешностью отправился в путь и присоединился к высочайшей орде». Как описывает автор: «на лик судьбы мирзы Султан-Абдаллаха/правителя Самарканда-Ж. А/во время битвы легла пыль несчастья, и, попавшись в сеть беды, он был убит». Победителям досталась большая добыча, т.е. «грабеж и опустошения превратили всякого бедняка в богача» /221. -С.200/.

Окончательное завоевание Средней Азии произошло при внуке Абулхаир-хана Мухаммеде Шайбани. После многих лет скитаний /казачества/ по Дешт-и-Кыпчаку

ему с помощью хана Моголистана Султан Махмуд-хана удалось захватить Самарканд и Бухару. Об этом важном и решающем событии Новой истории Среднеазиатского региона подробно пишет Мурза Хайдар, по его мнению «от этого события моголы и жители Самарканда ведут отчет времени».

После победы в конце XV в. над тимуридами его /Мухаммед Шайбани - Шахибек/ войско, по восточным источникам, «достигло и пятидесяти тысяч /человек/ и везде, где /только/

168

были узбеки, они присоединялись к нему». Под общим собирательным названием «узбек» подразумевались многочисленные кочевые племена Дешт-и-Кипчака передвигавшиеся в покорённые области Средней Азии. В казахских источниках обычно состав «Улуса узбек» определяется как конфедерация 92 племен - «92 баулы кьтишак?). В своей основе этногенез большинства племён был связан, по всей видимости, с кыпчакским субстратом. В поэтическом варианте казахского шежира, принадлежащего перу Нуржана Наушайбайулы, есть следующие строки:

Ким квинт дегендермен даулы кьтишак,, Беттег1 пормымен жауды кьтишак;. Ей Тоюпардыц баласы бес пгацбалы, Демей ме «токеан ет баулы %ытшак?».

Исследователь по средневековой истории Т.И.Султанов, исходя из количества войск у Шайбани-хана, предполагает, что общая масса мигрантов составила не менее 300 тыс. человек. «Если полагать, что все или почти все эти «боевые всадники» шибанидов откочевали вместе с семьями /что наиболее вероятно/, то, принимая в среднем 6 человек на семью-кибитку, общую численность эмигрировавших из степи людей к концу первого десятилетия XVI в. можно /приблизительно/ определить в 240-360 тыс.», - пишет он /228. - С.20-21/. Вероятно, если Мухаммед Шайбани еще в конце XV в. имел не менее 50 тыс. узбекских воинов, то в ходе расширения узбекской экспансии численность узбеков увеличивалась. Тот же Мирза Хайдар пишет о том, что в составе военных формирований узбеков находилось очень много моголов. Согласно Мирза Хайдару, моголы особенно симпатизировали Махмуд Султану /брату Мухаммеда Шайбани/. Под его началом служило около 30 тыс. могольских воинов. Вероятно, исходя из такого расклада сил и симпатии, Мухаммед Шайбани вначале пощадил могольских ханов /Султан Махмуд-хана и Ахмед Султан-хана/, попавших в плен» /95. - С. 147/.

Другая причина, способствовавшая активности узбекских

169

племен и их первым успехам на территории Средней Азии, - все наступающий кризис династии Тимура. Как известно, первые противоречия возникли в державе сразу же после смерти великого завоевателя. В скором времени империя, на создание которой эмир Тимур потратил всю свою жизнь и пожертвовал огромным количеством человеческих жизней, рассыпалась как карточный домик. Отсутствие общединастийных моральных принципов и ценностей /в отличие от потомков Чингисхана/ демонстрирует судьба внука Тимура, великого Улугбека, который был убит своим собственным сыном в конце XV в. Одновременно, смерть настигла правителя Мавереннахра - Султан Абу Саид-мирзу и правителя Андижана и Ферганы - Умар Шайх-мирзу, власть перешла к его малолетнему сыну Бабур-падишаху. Вслед за ними умер Султан Ахмад-мирза, сын Султана Абу Саид-мирзы правивший в Самарканде. Политический кризис, охвативший тимуридские владения в связи со смертью великих государей, стал началом активизации в северных и восточных районах степных племен. Вначале это хаотическое пространство притянуло моголов, традиционных противников чагатайских правителей. Примечательно содержание письма Султан Махмуд-хану Мухаммеда Шайбани, только вступившего на стезю борьбы за Среднюю Азию: «Целесообразно было бы посоветоваться с нами, взять помощь и вести войну. Так как вы пошли необдуманно, вы и потерпели это поражение»/178.-С.122/. Завоевание Мавереннахра и подчинение Туркестана позволило Мухаммеду Шайбани перестроить свои отношения с верховной властью узбекских племен и одновременно

наладить систему управления на завоеванных территориях. В принципе, в этот период мы наблюдаем формирование новой имперской идеологии, она быстро охватывает узбекское население, настраивая их на дальнейшие завоевания.

Первоначально в состав государства вошли «вилает Туркестан, который был вверен Кучкунджи-султану, в Ташкенте был назначен его брат Суйунчи-Ходжа-султан. Районом Андижана повелел /править/ Джанибек-султану. В Шахрухии и ее

170

районах повелел /править/ Эмир Иакуб Вафадару, богом хранимая столица Самарканд была вверена Ахмад-султану. Область Хисара и подчиненные ей /территории/ он определил Хамза-султану и его брату Махди-султану; в область Термеза был назначен Сайид Мухаммад-султан ...; Кундуз представлен эмиру Канбар... И дела областей были полностью устроены...», - пишет автор Шайбани-наме /178. - С. 127/.

Абдаллах Балхи в сочинении «Зубдат ал-асар» еще точнее указывает границы узбеков. Это, в первую очередь, Туркестан и Мавереннахр, а затем Тохаристан, Бадахшан, Кандахар, За-бул, Хорезм, Астрабад и территории вплоть до Ирака, Хорасана. Как известно, основная часть этих стран была покорена в 1506-1509 гг. В 1507 г. Шайбани осадил и взял Балх, в 1508 г. - Герат, а затем все горные области в верхнем течении Амударьи. Несмотря на ряд неудач /смерть Мухаммеда Шайбани в 1510 г./, узбеки упорно шли на южные и юго-восточные районы Азии. Одновременно, для безопасности тыла, как говорил Убей-доллах-султан, были предприняты несколько походов против казахских улусов.

В целом, движение узбекских племен /племен Дешта/, на наш взгляд, нарастало постепенно /начиная с 20-х гг. XV в./, и все больше расширяя ареалы влияния и расселения. В ходе этого движения происходило территориально-этническое размежевание кочевых народов Евразии. В связи с распадом этнопо-литической общности узбеков этническое название «узбек» прикрепились к откочевавшим из Дешт-и-Кыпчака /Арка/ племенам. Племена, оставшиеся в просторах Арки и входящие в сообщество «*Ллашмыцы*», образовали новую этническую общность - *кшак*.

Сложные этнополитические процессы XV-XVI вв., сопровождавшиеся крупнейшими передвижениями племён, кровопролитными схватками и столкновениями, оставили в народной памяти казахов неизгладимые впечатления. Особенно тяжело переживались события, связанные с распадом единого в этнокультурном и социальном отношении кочевого мира Ев-

171

разии на казахов и ногайцев, на казахов и узбеков и т.д. «Знаменитый в степях «плач», посвященный разделению казахов и ногайцев, играет до сих пор степными музыкантами /на кобызе/ и вызывает слезы у старых аксакалов. «Когда сто тысяч /он сан/ ногайцев взволновались, когда Урмамбет-бий умер и самые черные леса загорелись» - поет степной Боян» - пишет Ч.Валиханов - такие переживания были еще живы в середине XIX в.

Распад узбекского союза и боль прощания с соплеменниками решившимися следовать в неведомые края сохранили материалы казахского шежире. Отмеченный еще Ч.Валихановым как один из лучших знатоков древних сказаний и исторического наследия, от Шал акын /*Купыкеулы*/ остались разрозненные отрывки*.

Третьим очагом пассионарности степных племен в период распада Монгольской империи стала территория Восточного Алтая и Тарбагатай. В историографии часто обсуждаются вопросы, связанные с возникновением союза племен «ойрат» /дур-

* «Говорят, что Чал в своем джире собрал все народные сказания, относящиеся к происхождению киргиз, и составил генеалогию ханов, родоначальников племен, произошедших от Алача...», - пишет Ч.Валиханов /65. -С. 158/.

Токсан баулы айтайтын тер езбект!,
Заманында мал б!ткен зор езбект!,
Пайгамбардын батасы тиген дейд!,

Соныц ушш байыган сол езбекть
взбеказ ел бар ма татам елде,
бзбектщ ескен! ол осы белде.
Токсан баулы езбек айрылыпты
Танбалынын* моласы деген жерде.

"Танбалы /Танбалы Нура, Танбалы мола/ находится на южных границах Сарыарки/см. «Буланты шайкасы». - Караганды, 1988/.

172

бен ойрат/* . Предполагается, что этот союз западно-монгольских племен появился после падения монгольской династии Юань в Китае и острием направлен якобы против восточных монголов /халха/. На наш взгляд, чтобы определить происхождение термина «ойрат», следует обратиться к более древним источникам, особенно восточным.

Со слов Рашид ад-Дина, однако, известно, что во времена Мункэ-кагана /1251-1259 гг./ один из ойратов управлял Ираном и Закавказьем. «В Иране и Туране было и есть множество /людей/ из числа эмиров ойратского племени, - пишет Рашид ад-Дин, - из их числа был эмир Аргун ака» /211. - Т. 1. - Кн. 1. -С.51/. Вероятно, мы можем говорить об ойратах, как об одном из политических союзов времен Чингисхана. Основная масса ойратов Чингисханом передана в улус его третьему сыну, Уге-дею, ставка которого находилась в районе Чугучака. В ойратс-кий союз входили: торгоуыты, дэрбэты, хошоуыты, чоросы и ряд мелких племен. Во второй половине XIV в. хошоуыты кочевали в районе современного города Урумчи, торгоуыты - в Тарбагатае, дэрбэты - в истоках Иртыша *іКрра Ертіс*/, а чоросы /хойты/ претендовавшие на верховенство в этом союзе обитали в верховьях реки Или**.

**Дурбэн/дербен/- в переводе с монгольского означает «четыре». Транскрипция выглядит таким образом: «дервуул» - твртеу, «дервеед» -терттей/121. - С. 192/.*

***Вероятно, первоначально хойоты представляли отдельное племя. В «Шара туджи» /монгольская летопись XVII в./ говорится о следующем составе ойратов:*

Один из них хошут, торгут, джунгар-четверо, соединившиеся в одно.

Один из них Барагу, Багатут, Хойт

- Вот четыре тумена ойратов.

В этой же рукописи дается следующее сведение о происхождении хой-тов: «Хойты - потомки Дзабахан Мэргэна. Сыну хойтского Хутага бэки Инэлчи Чингисхан отдал в жены свою дочь Цэцэкэн; старшему брату Инэл-чи Турулчи отдал в жены дочь Джучи по имени Холуйхан...». Речь идет об одном из привилегированных племен в составе ойратов.

173

Кризис и брожение среди монгольских племен наступает в связи с крушением Юаньской династии /в 1368г./ и изгнанием монголов из Китая. Отсутствие сильной централизованной власти, оторванность от Китайского рынка, усугубили положение монгольских племен, и это привело к обострению взаимной борьбы. С середины XIV в. начались ожесточенные столкновения между восточными и западными монголами за влияние в стране. Ситуация среди степных племен обострилась в связи с запретными мерами правителей династии Мин, которые не были заинтересованы в широких торговых контактах с кочевыми соседями.

Ограничение торговли привело к поиску иных методов, т.е. насильственных, для получения необходимых продуктов земледелия и ремесленных изделий.

В этой ситуации еще в 20-х гг. XV в. среди ойратов выдвинулся энергичный деятель Тогон-нойон, которому выпала честь на время объединить всю Монголию и объявить о своих претензиях Китаю. В1434 г. Тогон, вступая в переговоры с правительством Китая, добивался узаконения свободной торговли для монголов и

ойратов вдоль границы. Но эти предложения были отклонены китайцами, что привело к обострению отношений между соседями. В разгар подготовки к войне в 1439 г. Тогон умер. Место Тогона занял его сын Эсен-тайшы. При нем, как и при его отце, формальным единодержавным правителем всех монголов был Дайсунхан, потомок Чингисхана. Но фактически власть находилась в руках Эсен-тайшы. Став во главе всех монголов, Эсен начал налаживать торговые отношения весьма своеобразно: он начал отправлять в Китай посольства, которые по пути следования в Пекин сбывали скот и покупали нужные товары для кочевников. Тогда минские власти начали строго ограничивать численность посольств Эсена-тайшы и занижать цены на монгольских лошадей. Это противостояние в скором времени переросло в большую войну.

Отношения, сложившиеся между монголами /включая ойратов/ и династией Мин в XIV в., отчасти напоминают взаимоотношения ногайцев и русских. В обоих случаях посольства

174

выполняют не дипломатическую, а скорее торговую миссию. В документах о ногайских посольствах содержатся данные о многотысячных караванах, пригоняющих в Москву десятки тысяч лошадей, другие виды скота и привозящих сырье*.

В 1449 г. объединенная монгольская армия во главе с Эсе-ном вступила в пределы Китая. В генеральном сражении к юго-западу от г. Хуайлай они разгромили китайскую армию и захватили в плен императора Ин-цзуна**. Вскоре начались мирные переговоры, открывшие доступ монголам на китайские рынки.

Одновременно, победа Эсена-тайшы закрепила привилегированное положение владетельного дома Чорос, что было немаловажно для дальнейшей централизации ойратов, а также всех монгольских племен.

Эсен-тайшы был убит в 1455 г. группой ойратских предводителей во главе с Алаг и Чинсан /ойраты правого крыла/. Вся территория расселения монгольских племен была охвачена междоусобицей и разладом, из-за чего страна оказалась опять в изоляции. В этой ситуации ряд ойратских племен начали ориентироваться на восточно-туркестанские города и налаживать с этим развитым земледельческим регионом тесные контакты. Но доступ к рынкам Средней Азии и Восточного Туркестана преграждали, в первую очередь, Моголистан, а затем государство кочевых узбеков. Поэтому основные события ойратской

*1534г. 28 августа послы «от Шидякмирзы и от иных мурз..., а всего их и с гостями 4700, а коней 50000»; в 1548 г. 7 июля «Ших-Мамай князь... послал большого посла Сары-мурзу, а с ним послов 80 человек, гонцов 30 человек с 16000 лошадей», а в 1555 г. 14 ноября прибыло в Москву посольство от Исмаила Мурзы «всех послов, гонцов и гостей 1000 человек, а лошадей с ними 20000, а овец 4000» /104. - С. 419/.

**Видимо, император Ин-цзун находился среди монголов довольно долго ЛувсанДанзан пишет: «Эсен тайшының колынан ал юн К,ытайдыңЖин Тай ханына Мулы Закаты есіМді вйелді берт, Мутыр Сегусе деген ат крйып, ИеншебуниҢЕсен Саш оны оны жалшыт устаган адом оналмайды» /160. -С. 184-185/.

175

истории XV-XVII вв. связаны, главным образом, с борьбой уже со своими западными соседями.

Известно, что в 1457 г. один из ойратских предводителей Уз-Тимур-тайшы сделал рейд по югу и разбил войска Абулхай-ра. Последние, после этого поражения искали укрытия за стенами Сыгнака. Автор «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» пишет о том, что «волны калмаков еще раньше, до /заклочения/ мира и согласия,

разграбили окраины Туркестана, Шахрухии и жителей окрестностей Ташкента, племен и крестьян того вилайета» /178.-С.170/.

Одна из причин могольско-казахского союза, появившегося в середине XV в., в результате которого казахам Керее и Джанибека была передана часть могольской территории, взамен которой была дана надежда на помощь казахов в борьбе против калмыков. Как это видно из последующих событий, Есен Бука-хан не ошибся в своих расчетах, казахи «проводили время в набегах на калмаков и киргизов и грабежах /их/ и на окраинах областей занимались разбоем», - пишет Махмуд бен Эмир Вали.

С Моголистаном ойраты имели всегда очень сложные отношения. Отчасти это объясняется не только территориальной близостью их, но и близостью этнического состава обоих государств. В XIV-XV вв. границы Моголистана достигали верховий р. Иртыш /14. - С. 156/. Само название страны «Моголистан» является производным от слова «могол»*.

Главное племя западных монголов - чоросы - первоначально были в составе Моголистана. Известно, что в период борьбы между братьями ханами Иунусом и Есен Бука оставшаяся часть этого племени ушла к Амасанджи-тайши, т.е., ойратам. Вероятно, к ойратам /калмыкам/ присоединились не все чоросы. Мирза Хайдар пишет об этом событии таким образом:

**В Средней Азии, а также у казахов это слово имеет произношение «муцыл», «муцул». В народной этимологии связывает это название со словом «мун» - печаль.*

176

«Эмиры /племени/ чурас и племени барин ушли к сыну Исана тайши Амасанджи тайши к калмыкам» /95,107/. Чоросы с самых ранних времен постоянно жили в долине р. Жулдыз, т.е. на восточных границах Моголистана.

Таким образом, до начала XVII в. ойратское общество оставалось в окружении нескольких государств /Моголистан, Казахское ханство, восточные монголы/.

Наиболее сильную опасность и угрозу порабощению ойратские племена ощутили с востока, со стороны близких им сородичей - восточно-монгольских племен. В 1552 г., 1562 г. ойраты понесли несколько крупных поражений от своих восточных соседей и, бросая родовые пастбища /на р. Орхон, у истоков Иртыша/, отступили на запад. Опасность заставила ойратов объединить свои усилия и вести борьбу за существование во главе с хошоуйтским предводителем Байбагыс-тайшы.

Отдельные группы ойратов, оказавшиеся ближе к казахским владениям, подчинились казахским ханам. В русско-казахской переписке конца XVI в.

Тауекель-хан именуется «царем Казахским и Калмыцким». Посол Тауекель-хана в Москве Кул-Мухаммед сообщает Ораз-мухамеду /двоюродному брату Тауекель-хана/: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич царь учинился на Казацкой орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочуют де поблиску и все в соединенье» /123. - С.3/.

Вместе с тем, мир, наступивший в эпоху правления Тауекель-хана, был временным явлением. Серьезные события назревали в северо-восточных районах Центральной Азии - в маньчжурских кочевьях. В 1636 г. маньчжурский хан Абахай /1626-1643 гг./ разгромив крупнейшие владения западных и южных монголов, добился провозглашения себя ханом Монголии с титулом «богдо-хан» /83. - С.23/.

Маньчжурские правители открыто говорили о необходимости полного подчинения монгольских племен, в том числе и ойратов. Так, было положено начало Великому движению джунгаров на запад и в междуречье Урала и Волги, а также на юго-запад - на территорию Средней Азии. Растущая угроза с востока, рост населения в

самых улусах, необходимость разрыва кольца окружения привели к миграции племён на запад, а затем и к консолидации их в одно мощное государство. Значительна заслуга правителя из дома Чоросов Хара-Хула тайши, а затем его сына Батура-хун-тайджи в появлении централизованного государства. Усиление чоросов было связано с успешными войнами ойратов с казахами, а также с халха-монголами. Таким образом, 1636 г., когда Батур, сын Хара Хулы, получил от рук Далай-ламы титул Эрдени-Батур /хунтайджи/, можно считать началом Джунгарского ханства. Одним из серьезных факторов, вероятно, следует считать ламаизм, принявший в эти годы форму государственной религии. Ещё в 1615 г. по инициативе Байбагыс-тайши из племени хошоуыт все владетельные тайши приняли решение посвятить по одному сыну в монахи. Ойраты получили незамедлительный результат. Один из тех мальчиков - Зая-Панди-та/1599-1662 гг./-стал великим просветителем ойратов, реформатором старой письменности, инициатором строительства огромного количества монастырей, автором многих книг. Зая-Пандита, а затем и остальные ученые стали выступать арбитрами в различных конфликтах среди монгольских владельцев. Вероятно, не без участия лам, был созван всеойратский съезд 1640 г., принявший так называемые монгольско-ойратские законы «Их Цааз». В ходе ожесточённых столкновений в 30-х гг. XVII в. западная группа ойратов-торгоуытов захватила междуречье Волги и Урала. Дэрбэты под руководством Далай-тайши из-за ряда разногласий с торгоуытскими правителями /в первую очередь, с Хо Урлык/ остались на территории Северо-Центрального Казахстана. Люди Изеней-тайши дэрбэт были последовательны до конца с торгоуытами. Таким образом, в течение 25-30 лет передовые группы ойратов /калмыков/, преодолев огромные трудности, сломив сопротивление враждебных народов, обложив данью слабых, вышли к границам Европы. Своеобразно интерпретируются эти передвижения в самих ойратских источниках. «Илэтхэл шастир» пишет, что торгоуыты, первоначально были одним из четырех ойра-

тов*. Далее «правители ойратов считали р. Или /Иле/ общим достоянием всего народа, но каждый из них управлял своим племенем, и они не зависели друг от друга. Когда джунгары /вероятно имеются в виду чоросы - Ж.А.1 стали достаточно могущественными и человек по имени Батур-хунтайджи, обитавший на Алтае, стал притеснять ойратов, правителю тор-гоуытов это не понравилось, и он, взяв своих людей, отправился в Россию. Он обитал на Волге, занимаясь земледелием вблизи большого озера Тэнгис. Местность, где они обитали, называлась Манутохай. На севере она граничит с землями русских, на юге - с землями казахов, на востоке - с землями каракалпаков и на западе - с Турцией» /219. - С.65/.

Как бы то ни было, именно торгоуытам удалось повторить тот путь, который испокон веков совершали кочевники Центральной Азии. Вытеснив Ногайскую Орду с берегов Волги, они создали здесь сильное государство, просуществовавшее несколько веков. По приблизительным подсчетам в Поволжье прикочевало около 80 тыс. калмыцких воинов и 200 тыс. остального калмыцкого населения /52. - С.87/.

В различных российских документах неоднократно гово-

**По материалам многих генеалогических легенд ойратов /калмыков/ родоначальником торгоуытов считается Он-хан. «Сыном Он хана был Арслан, сыном Арслана был Амугулан. сыном Амугулана был Кэйбэн... У Зулзага Орлэга был один сын - Хо Орлэг, который является родоначальником аймака торгоуытов»/219. - С.65/. Речь идёт о Хо-Урлюке, возглавившем движение торгоуытов на Волгу. Мнения о керейтском происхождении торгоуытов /Ван хан-Он-хан/ придерживался и автор «Шара*

Туд-жи»: «Торгоуны - потомки кэрэйтского Онг-хана». Однако, эта версия требует уточнения, поскольку сама этническая группа торгоуытов появляется не ранее конца XIV-XV вв., но участие в формировании племени торгоуытов каких-то частей кереитского этноса нельзя исключать. Само слово «торгоуыт» встречается в более древних источниках /«Сокровенное сказание»/ в значении отряда охраны/кеииктен-турхаут/. Известно, что ставка Чингис хана охранялась отрядом турхаутов. /133. - С. 44-46/.

179

рится, что летние кочевья Далай-тайшы, верховного правителя дэрбэтов, находились в верховьях р. Ишим/Есв/, а зимние в местностях Казылык/, что находится в Центральном Казахстане /Каркаралинско-Баянаульские горы/, иногда даже гораздо южнее, в Каракумах. Известно, что по оборонительному союзу 1633 г. каждый из главных правителей принял на себя обязательство защищать калмыцкие улусы от главных врагов. Далай-тайшы должен был стоять против Бухарского ханства, Хо Урлюк - против ногайцев, Куйша - против казахов, Батур - против Алтын-хана халхасского /196. - Т. 1. - С.58,72/.

Однако уже в 1635 г. Далай-тайшы со своими дэрбэтскими войнами сражается против Хо Урлюка и при этом его действия поддерживаются казахским ханом Джангиром /Салкам Джан-гир/. Одновременно, дэрбэты держали под своим контролем многие регионы Южной Сибири и Приуралья /от Уфы до Тары/ Территория, занятая улусом, позволила Далай-тайши контролировать торговые пути между русским государством и Средней Азией. На протяжении всей истории XVII в. шла взаимная борьба ойратских племен между собой за новые территории и рынки в западных районах. В ней кроме дэрбэтов и торгоуытов участвовали и другие племена. В начале XVII в. были активны хошоуыты во главе с Байбагысом-тайшы и Когонай Ту-беевым были активны. Во всех соглашениях и переговорах с Россией встречаются имена тайшей Далая, Чокура, Урлюка и Байбагыса. Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что в западных передвижениях участвовали различные группировки: дэрбэты, чоросы, торгоуыты, хошоуыты. Заняв Поволжье, открыв путь на северный Кавказ и Приазовье, ойраты в конце XVII в. начали постепенно освобождать занятые ими земли казахов в Северо-Центральном Казахстане. Одновременно наблюдается возвращение некоторых групп ойратов на исходные территории /хошоуыты/. Вместе с тем, в конце XVII в., при правлении Галдан Бошокту-хана, усиливается давление ойратов на юг Казахстана и Среднюю Азию. Возможно, это

180

связано с тем, что ставка /урга/ Джунгарских ханов перемещается в верховья р. Или. В начале 80-х гг. ойраты захватили города Таласской долины /Тараз и др./, Ташкентско-Туркестанского оазиса /Сайрам и др./. В скором времени, в зоны влияния Джунгарии попали Бухарское, Кокандское ханства и другие владения на территории Средней Азии. Кочевое население /казахи, киргизы, каракалпаки/ вытеснялось на юг. Особенно тяжелыми были годы, наступившие вскоре после нападения ойратов в 1723 г. на юг Казахстана и на территорию Средней Азии. В киргизских преданиях это время называют образно «к>ырлызЫссар/Гиссар/асып, кызак,щйын сауянуакьип». И в самом деле, наступление джунгаров ранней весной 1723 г. совпало с тяжелейшим джутом. Все это в совокупности определило значительные потери среди казахов. Не менее половины казахского населения последовало через Самарканд, Бухару в более южные районы /в так называемый Жидел! Байсын/ и на правобережье Пянджа и Северного Афганистана /Тесштау/. Вторая часть, вероятно, более боеспособная, решила вернуться в степные просторы Арки, вытеснив немногочисленные ойратские группы из своих традиционных кочевий, вновь заняла Сарыарку. В целом, изучая взаимоотношения

казахов и ойратов в XVII начале XVIII вв., мы можем сделать ряд важнейших выводов, имеющих непосредственное отношение к воссозданию исторической панорамы Центральной Азии. Казахско-джунгарские отношения свидетельствуют о том, что, несмотря на чрезвычайно сложную ситуацию, казахам удалось сохранить свою историческую территорию. В первый период, когда усиливается давление на северные кочевья, казахи отходят на юг, в район Туркестана /на берега Сырдарьи/. Во втором периоде, когда начинается экспансия на юге, казахские племена возвращаются на свои родовые кочевья на север. При этом, безусловно, были довольно масштабные потери. В результате, казахские этнические группы просачиваются как в Иранское нагорье, так и в Северный Афганистан. Особенно солидный контингент казахов осел в районе треугольника Кургантобе-

181

Байсун-Куляб, и впоследствии стал известен, как этнографическая группа «лакайма»*/! 25/.

Как известно, после нашествия чагатайских войск под предводительством Тимура, разграбивших в 1398 г. Дели и другие города Северной Индии, а также с уничтожением значительного количества жителей, государственный строй в Индии переживал кризис. Султаны династий Сайидов и Лоди представляли собой маломощных правителей, власть которых не распространялась далее небольших округов. Коренной перелом наступил только в 1526 г., когда тимурид Бабур с небольшими, но бесстрашными войсками, перевалив через Афганские горы, вступил на территорию Индии.

Само появление Бабура на территории Индии есть следствие великого передвижения дешт-и-кыпчакских племен в конце XV-начале XVI вв. Бабур был сыном правителя Ферганы Умар-шейха, внука Тимура. В ходе завоевания Средней Азии Шей-бани-ханом Бабур тщетно пытался противопоставить против узбеков объединенные силы моголов /племен Семиречья/ и ферганцев. Его обращения к другим тимуридам не дали никаких положительных результатов.

Но, постоянно преследуемый шейбанидскими узбеками, Бабур сначала оказался в Кабуле. Оттуда он неоднократно пытался вернуть уделы своего знаменитого деда; ради этой цели он вошел в союз даже с Исмаил шахом. После ряда неудач Бабур решил идти со своими последователями в Индию. В нескольких сражениях, разбив последнего делийского султана и опол-

**Б.Х.Кармышева отмечает, что лакайцы, проживающие на юге Узбекистана и Таджикистана, наиболее близки к казахам по культуре, антропологическим и диалектным/языковым/особенностям/125. -С.234/. Она объясняет эту близость историческими причинами: «В XVII в. отдельные группы аргынцев могли продвинуться далеко на юг, а позже, после 1723г. к ним могли присоединиться ряд других групп казахов из числа тех, которые входили в Младший жуз...»/125. - С.235/. Историко-этнографические сведения о лакайцах и о казахо-лакайских параллелях см.: Артыкбаев Ж.О. Казак, шежіресі-шындық шырайы//Ақиқат, 1999, №4.-С.57-62; Его же: Лакай - қазақь бэйтеректің бір бұтағы//Ақиқат, 1999, №5. - С. 50-55.*

182

чение раджпутов, он занял значительную часть долины Ганга. Так была основана Великая империя моголов.

В ходе и после завоевания Бабуrom территории Северной Индии ряды его сторонников постоянно пополнялись за счет среднеазиатских выходцев: моголов, узбеков и т.д. Если обратиться к этническому составу его войск то можно увидеть многочисленные родовые группы и представителей почти всех основных степных племен Евразии. В середине XVIII в. Великая империя моголов переживала серьезный кризис. Следствием этого стало появление многих самостоятельных владений, в числе которых была и сильная держава маратхов. Не с могольской

армией, а армией маратхов сразился в 1739 г. иранский Надир-шах. Борьбу с маратхами за делийский престол продолжил правитель Афганистана Ахмад-шах /Дуррани/.

Среди соперничающих держав на развалинах Империи великих моголов наиболее сильной оказалась Англия, которая в лице Ост-Индской кампании оттеснила всех претендентов и распорядилась всем наследством империи. В конце XVIII - начале XIX вв. Англия одержала окончательную победу в Индии /в 1803 г. Дели был захвачен англичанами/.

Период новой истории берет свое начало с колониальных экспансий XV-XVI вв. Пионерами этого движения были португальцы и испанцы, начавшие интенсивное освоение южных морей. Несколько позже к ним присоединились голландцы и англичане. В результате чего начинается активное освоение Африки, Америки и Юго-Восточной Азии*.

**Еще в XIV-XV вв. арабские купцы стали проводить активную торговлю индийскими товарами. Они наладили интенсивную торговлю между Индией и Западом. При них было построено немало морских портов.*

Вслед за арабами за сказочными богатствами в Индию потянулись европейские купцы и мореплаватели, гонимые зачастую только жаждой наживы. На рубеже XV-XVI вв. португальцы сосредоточили в своих руках контроль за торговыми путями на юге, вмешивались в межплеменные разборки местных правителей. Этот период можно считать началом коренной реструктуризации Индии, где тысячелетиями жизнь поддерживалась пассионарными мигрантами с севера - евразийскими кочевниками.

183

На раннем периоде /XV в./ европейцы были обеспокоены поисками прямых морских путей в Индию и Китай. Открытие морских путей отрицательно сказалось на состоянии континентальной торговли, и обозначило начало глубокого кризиса в Средней Азии. С другой стороны, борьба между югом и севером /Золотая Орда, Мавереннахр, Иран/ сыграла отрицательную роль в истории степных регионов. Ожесточенная борьба между Тимуром и правителями Золотой Орды ЛГоктамыс/ велась за контроль над торговыми путями. Тем не менее, Восток ещё оставался оплотом традиционного мира и был мало подвержен модернизации.

В XV-XVI вв., как и в прошлом, Месопотамия стала ареной борьбы кочевников из Великой степи с семитами. Древнее Двуречье в середине XVII в. на короткое время вошло в состав Османской империи. В 1517 г. Египет был завоеван турками и вошел в состав империи в качестве автономной области. В управлении Египтом активно продолжала участвовать местная мамлюкская знать, сформированная из бывших кочевников-тюрков. Сирия, также вошедшая в состав Османской империи, была более адаптирована к административной структуре тюрков. Несмотря на частые завоевания, в Иране, где сохранялись свои культурно-исторические традиции, оплот новых духовных движений и политических течений /сепаратизма/, своеобразно начиналась новая история.

В условиях конца XV в. в Иране произошло слияние идей дервишизма и шиизма, одного из двух основных направлений ислама в Средней Азии. Среди сторонников дервишского ордена Сефевийя было много представителей кочевых тюркских племен. Северные районы Ирана полностью находились под контролем тюркских племен «кызыл баш».

Таким образом, сформировался воинствующий суфийский орден Сефевийя.

Предполагается, что название «кызыл баш» связано с тем, что члены ордена стали носить особую чалму с 12 красными полосками в честь 12 святых имамов.

В 1502 г. эти племена /семь кызылбашских племен/ провоз-

184

гласили начало новой династии /1502-1736 гг./, 15 летний Ис-маил был провозглашен шахин-шахом этой династии. В скором времени Исмаил объединил в одно государство земли Азербайджана, Ирака, Туркмении, Афганистана и часть Армении. При нем в 1510 г. было остановлено на время движение кочевых узбеков под предводительством Шейбани.

При правлении Аббас-шаха Иран претерпел ряд положительных реформ в области военного строительства, финансов, системы земледелия, административного управления и т.д. Система управления при Аббас-шахе находилась в руках коренных персов, а не кызылбашских воинов.

На рубеже XVII-XVIII вв. эта государственная машина, созданная при Аббас-шахе, начала давать сбои, которыми воспользовались соседи Ирана /Турция, Россия и Афганистан/. В этот кризисный для страны период бразды правления государством опять берут в свои руки кочевники-тюрки. В период национально-освободительной войны 20-х гг. XVIII в. особо выделился талантливый полководец из племени афшар Надир, который добился в 1736 г. звания шаха.

Именно при правлении Надир-шаха на территории Хивы столкнулись интересы казахов и персов. В 1740 г. Надир совершил успешный поход в Бухару и Хиву. В 1739 г. Надир организовал поход в Индию, ограбив Дели на 500 млн. рупий /в том числе сокровища, драгоценности/.

Афганистан в средние века, как известно, состоял из множества небольших владений - городов-полисов: Герат, Кандагар, Балх, за право владения которыми постоянно соперничали между собой Индия, Иран и Бухарское ханство. Эта страна представляла все еще ворота народов, двигавшихся по всему югу Азии.

Афганские племена составляли в основном кочевники во главе с вождями-ханами. В новое время из афганских племен самыми активными считались абдали и гильзаи. Первые жили в районе Герата, а второе племя - в районе Кандагара. Многие вопросы внутренней жизни и внешние отношения решались в племенном совете старейшин - жырга /жаргы/.

185

Первое централизованное государство было создано предводителем Абдали Ахмет-ханом. До этого Афганистан в 20-х гг. XVIII в. делал попытки вмешиваться в дела Ирана. Ахмет-хан в молодые годы служил у Надир-шаха, участвовал в Индийском походе. В 1747 г. в джирге он был избран шахом Афганистана, а племя абдали было переименовано в дуррани /жемчужное/. От названия этого племени произошло имя Ах-мета Дуррани, /1747-1773 гг./.

Так появилось государство Дуррани, присоединившее в 60-70-х гг. XVIII в. соседние владения /Кашмир, Синд, Белуджистан, Хорасан, Балх/ и ставшее одной из авторитетных политических структур в мусульманском Востоке. В период захвата китайским войском Восточного Туркестана в середине XVIII в., а также при предполагаемом походе на территорию Средней Азии /такая подготовка действительно велась/, все среднеазиатское мусульманское население обратилось за помощью к Ахмаду Дуррани.

В этой связи следует напомнить о том, что в коалицию мусульманских стран было включено и Казахское ханство. Султан Абылай и Абульмамбет, как старший хан, получали письма из Афганистана через посредничество Нарботы - коканд-ского правителя. К сожалению, многие нюансы этих отношений ещё не изучены в нашей историографии.

После падения династии Юань на некоторое время активность кочевников Великой степи, западных соседей Китая, была незаметной. Тем не менее, Китай являлся основным партнером восточных тюрко-монгольских племен. Ряд недоразумений и

счастливых случайностей отличает взаимоотношения Китая и его западных соседей в XV-XVI вв. В 1405 г. на юге Казахстана была собрана огромная армия из тюрков Чагатайского улуса под предводительством Тимура, готовая растрепать Миньскую династию. Только неожиданная смерть Тимура в Отраре останавливает эту реальную угрозу.

Мы писали о том, что в 1449 г. Эсен /ойратский тайшы/, совершил крупномасштабную экспедицию вглубь Китая. В начале XVII в. Китай был обременен своими аграрными пробле-

186

мами: перенаселенность, нехватка земель, высокая арендная плата и налоги.

Экономические проблемы вкупе с политическим кризисом в верхах привели Китай в середине XVII в. к гражданской войне. Это совпало с новой фазой активности его западных соседей.

Во времена правления Нурхацы небольшая кочевая народность - маньчжуры - в начале XVII в. переросла в сильное государственное объединение. В 1609 г. он провозгласил династию Да Цзинь /от чжурчженского Цзинь - «Золотой»/. В последствии Абахай /1623-1643 гг./, преемник Нурхацы, изменил название династии на Дай Цин и почти подошел к границам Китая.

В ходе ожесточенной борьбы маньчжуры в 1644 г. захватили Пекин и объявили своего малолетнего императора Шуньч-жи правителем всего Китая. На долгие века /до 1911 г./ в Китае установилась власть маньчжурской династии Цин.

Период господства маньчжуров в Китае неплохо иллюстрирует процесс слияния победителей и побежденных. Несмотря на то, что маньчжуры стремились сохранить свои устои /например, восьмизнаменные войска, аристократию/, быстрыми темпами шла китаизация, особенно благодаря мощному влиянию конфуцианства.

Маньчжуры провели ряд реформ, в том числе земельную реформу, направленную на упорядочение налогообложения. Вместе с тем, в идеологии были сильны традиции конфуцианства, заветам которых следовали маньчжурские императоры. Циньский период является достаточно благополучным для Китая.

Одновременно, маньчжуры ведут очень активную внешнюю политику, территориальную экспансию, особенно на западе, в результате чего были завоеваны Внутренняя Монголия, Тибет, Джунгария.

Кризис маньчжурской династии был вызван активным вмешательством европейских держав, в первую очередь, Англии в 187

середине XIX в. С этого времени Восток вступает на новый путь.

Период Новой истории не завершается последними великими завоеваниями кочевников. Общая картина истории человечества претерпевала решающие коррективы и созданные степными народами сильные восточные державы /Империя Великих моголов, Маньчжурская империя, Османская империя/ и другие политические образования сыграли свою роль в историческом развитии человечества. Мощное традиционное начало и стабильность, царящие в этих симбиозных образованиях, обеспечивали мировой истории степенность и самоценность.

Правила игры в Новое время в мировом пространстве меняются стремительно. Запад, избежавший в последние тысячелетия открытых контактов со степными народами и культурами, вырабатывает свой вариант взаимоотношения и освоения пространства. Оно начиналось довольно просто; вслед за теми ногайскими

племенами, которые, претерпев крах в Трансильвании, Бессарабии и в других регионах Северного Причерноморья, возвращались в свои родные кочевья, в степи потянулись русские первопроходцы. После завоевания Поволжья и Приуралья русские устремились в Сибирь и на Дальний Восток, народы Южной Европы /испанцы и португальцы/ - в Новый свет и на берега южных морей, англичане - в Австралию и Новую Зеландию, в Африку, постепенно захватывая и вторгаясь в зоны влияния кочевников и созданных ими восточных держав. Такова общая тенденция развития истории в Новое время.

188

Глава III.

ФЕНОМЕНКОЧЕВОГООБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕПОДХОДЫ

1. Этносоциальные параметры кочевого общества

Основной предмет изучения гуманитарных наук- общество, точнее человеческое общество в различных ипостасях. Это, как любил говорить Абулгазы Бахадур-хан, «всякому яснее луны и светлее солнца». Историко-этнологическая наука в большей мере занимается изучением общества в историческом развитии, рассматривая каждое конкретное общество как самостоятельную единицу Всемирной истории. Именно такой подход является в наше время наиболее оправданным. Время, когда историки увлекались глобальными конструкциями и закономерностями истории развития человечества, уходит в прошлое.

Всемирная история на всех этапах развития представляла собой историю отдельных обществ. В целом, несмотря на заверения в объективности, все глобалисты в той или иной мере разрабатывали Всемирную историю, исходя из модели конкретной истории какого-либо региона. В последние столетия стержнем мировой истории выступала история Запада, в средневековый период - история Востока. В Великой степи наиболее яркий пример: древние тюрки рассматривали мировую историю, ставя в основу мифо-генеалогическую происторию тюркского общества.

«Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу - бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели на царство предки мои Бумын-каган и Естеми-каган. Сев на царство, они охраняли государство и установили законы тюркского народа», -возвещает древнетюркская эпитафия, созданная в честь вели-

189

кого полководца Кюльтегина. Эта легенда не только провозглашает начало новой эры в истории человечества, но также заявляет о своем праве на свершение Всемирной истории.

В принципе, такое отношение к истории является закономерным в той исторической ситуации. В степных просторах Евразии сформировалась одна из крупнейших империй кочевников, которая претендовала на господство над большей частью ойкумены. В каждом случае за концепцией Всемирной истории можно увидеть определенную имперскую идеологию. В период доминирования в евразийском пространстве степных и (ародов /см. предыдущие главы/, безусловно, стержневая роль в прогрессе человечества принадлежала им, они делали историю. В новое время Всемирную историю творили европейцы и европейские ученые, которые интерпретировали ее на основе своего видения Мировой истории, в соответствии с идеологией европоцентризма, за которой обычно стоят более мощные духовные факторы как христианство или материализм в марксистском или ином виде, протестантский дух и т.д. В таких обстоятельствах вход во Всемирную историю другим народам становится проблематичным и тяжелым. Это касается как молодых этнополитических образований, так и старых очагов человеческой цивилизации,

поскольку европейцы впервые ознакомились с другими частями света не так давно /обратите внимание на понятия: Старый Свет и Новый Свет/. В результате, в исторической европеизированной историографии стали привычными понятия «открытие Африки» или «открытие Америки». Так, в русской историографии Сибирь была «открыта» только в конце XVI в., когда Ермак со своими головорезами при поддержке купцов Строгановых перешел в восточном направлении Уральский хребет. Тем самым для европеизированной истории был открыт древнейший очаг человеческой культуры. История всегда полна курьезов. Тысячу лет назад вышедшие из Дальнего Востока и Южной Сибири кочевые племена тюрков и монголов также «открывали» Европу.

Не так давно я стал свидетелем празднования 100-летия

190

села Ботакара/в современном Бухар-жырауском районе Карагандинской области/. В1901 году крестьяне-переселенцы из Таврической губернии обосновались на берегу р. Нура и дали начало поселку Санниково. Места эти были плодородны (берега р.Нура) густонаселенные различными родами каржасов, куандыков и каракесеков, которые в скором времени были вытеснены из берегов Нуры в пустынные районы. Среди этих казахов существовали прекрасные исторические предания, объясняющие происхождение названия Ботакара /и Шешен-кара/. Эти сопки стоят рядом. Народная память связывает эти названия с именам предводителя казахского ополчения в середине XVII века Нарбота-батыр и именем девушки-калмычки - Цэцэн. В1650 году здесь состоялось сражение между казахами и калмыками, где трагически погибли Нарбота и Цэцэн. К сожалению, память людская так коротка, а российское влияние было настолько ощутимым, что вместо того, чтобы праздновать 350-летие Ботакары, местное население во главе с акимом празднуют 100-летие «открытие Ботакары» таврическими крестьянами.

В этой связи хочется привести слова великого историка Марка Ферро, что «история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не больше, чем «фиговым листком идеологии».

Обычно в марксистской литературе общество рассматривается как система производственных отношений. Эти отношения исходят из определенных форм социально-экономических укладов, определяющих природу и характер общества и формирующих его структуру.

В этом ключе строились принятые в марксизме понятия о социально-экономических формациях, используемых как основной инструмент в изучении прошлого человечества. Таким образом, в данном контексте именно социально-экономический строй определяет все прочие существующие в нем общественные отношения, определяет его исторический тип, т.е.

191

і финадлежность к той или иной общественно-экономической формации)*. Изучение социально-экономического строя в общественных науках рассматривался как ключ для анализа закономерностей развития общества как и в прошлом, так и в 11астоящем. Общественно-экономическая формация рассматривалась как определенная стадия всемирно-исторического раз-пития - в широком смысле, и в более узком - как определенный тип общества. Социально-экономическая система в последней ипостаси нас интересует больше, поскольку конкретный объект нашего исследования - кочевое общество казахов. 11,елью нашей работы является не определение его базовых т ИСТОКОВ и реконструкция структурно-функциональных характеристик в указанном промежутке времени /XV-IX вв./.

В этой связи необходимо решить несколько сложнейших задач. Во-первых, кочевое

общество /хотя оно не совсем коче-пое/ не укладывается в параметры известных социально-эко-11 омических формаций, во-вторых, социально-экономические условия, хотя и являются базовыми, но не определяют полностью конфигурацию кочевого общества.

Кочевое общество в экономическом плане многоукладно. Это, в первую очередь, относится к периодам древности и средневековья, отчасти и кочевникам нового времени. Во-первых, с самых древнейших времен кочевые племена Великой степи стремились к теснейшим контактам с миром оседлых цивилизаций. Политические кризисы или же иные изменения в осед-

** Советская историческая наука, построенная на догмах марксизма-ленинизма, постоянно наталкивалась наряд внутренних противоречий. Так, «данной цитате, принадлежащей Ю.И. Семенову, само ключевое слово. -С. «социальный» фактически лишено конкретной смысловой нагрузки. В одном месте он говорит о том, что социально-экономические отношения определяют контуры социального организма, в другом месте социально-экономический строй является базисом и определяет существующие общественные отношения. См. Семенов Ю.И. Ленинская категория «общественно-экономический уклад» и некоторые проблемы истории первобытного общества//Ленинизм и проблемы этнографии. -Л., 1987. - С.97/.*

192

лых регионах всегда становились причинами скорых реакций кочевых народов, вызывали нередко стремительные вторжения и миграции их. Во-вторых, в структуре кочевого общества всегда существовали элементы оседлости. Например, часть населения постоянно была связана земледельческими занятиями. Небольшие группы степняков принимали активное участие в торговле, как во внутренней, так и международной. В-третьих, значительная часть кочевников имела во все времена строго определенную территорию зимних стоянок и пастбищ. Такая многоукладность в производственных занятиях, а следовательно и в отношениях, также не укладывается в понятие «общественно-экономической формации». Споры нет, кочевое скотоводство является главным в рассматриваемой системе, но носители этого хозяйственного типа образуют общество только в сочетании с указанными производственными формами деятельности, т.е. кочевое скотоводство желательно рассматривать как главный компонент системы. Известные нам по древнему и средневековому периодам степные общества появились как симбиоз кочевников с земледельческо-городскими регионами. Основным компонентом кочевых обществ служили маргинальные регионы на юге, юго-востоке, западе и т.д. Отношения, складывающиеся между указанными составляющими /кочевыми и оседлыми/, в результате дают систему, которую в отличие от предыдущих терминов /социально-экономическая формация, уклад и т.д./ лучше назвать этносоциальной структурой. Целостность системы определяется как доминированием в нем различных форм кочевого скотоводства, так и ее органическим симбиозом с оседлыми /городские, земледельческие/ составляющими.

Данная конструкция «этносоциальная структура» не отрицает основную роль социально-экономических факторов в формировании и функционировании общества, но в то же время позволяет отражать многие нюансы, например, сложность составляющих общества. Вероятно, настало время рассматривать общество шире, учитывая как его социально-экономичес-

193

кую природу, так и духовные и иные качества. В таком случае общество составляет совокупность, т.е. интеграционное единство нескольких подсистем. Раскрытие внутренней структуры данного общества, т.е. системы, позволяет вычленил наиболее сильные подсистемы*.

В то же время, понятие «этносоциальной структуры», введенное для анализа кочевого общества, не расходится с принципами материалистического понимания истории. К

сожалению, в нашей историографии больше обращалось внимание на приоритет экономической составляющей**.

Этносоциальный подход позволяет рассматривать кочевое общество как живой и действующий организм, а также как историческое явление. Его состояние в каждом временном отрезке есть результат предшествующих исторических обстоятельств. Следовательно, социальные законы не могут рассматриваться отдельно и независимо от законов исторических, являющихся основными и фундаментальными.

Преимущество социальных законов состоит в том, что оно наиболее соответствует задаче упорядочить многообразие исторического опыта логической схемой, позволяет понять причинные условия последовательности различных общественных явлений и событий. В отличие от закона диалектики, этносоциальный закон связан с не-

** Если сводить общество только к производственным отношениям, это значит изучать его с позиции определения отношения собственности. Собственность как социально-экономическое явление совпадает с производственными отношениями. В кочевом обществе отношения собственности нам видится в несколько ином виде /условный характер и особая специфика категории собственности, владения и т.д./*

*** Принцип историзма, господствовавший в советской науке, исходил из одностороннего понимания развития. В наиболее емкой форме такая методологическая установка определена в «Рецензии на книгу А.Богданова «Краткий курс экономической науки» В.И.Лениным: «Только материалистическое понимание истории вносит свет в хаос и открывает возможность широкого, связанного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как фундамент особого уклада всей общественной жизни человека».*

194

обходимостью умозрительно и гипотетично определять характеристики исторических конструкций, в том числе и общества. Трудность и благородство труда историка проявляется как раз в этой области, где требуется увидеть за внешней схемой глубинные процессы. Цель научной историографии заключается в том, что она должна работать над выявлением на примере конкретного общества, прежде всего, универсальных исторических законов.

Социально-экономическая структура общества историками определяется эмпирически, но это не означает, что общество само по себе может быть воспринято в виде цифр, определений, дат и т.д. Безусловно, общество - это реальность, но чрезвычайно сложного характера. Некоторые стороны общественной системы, как определенно организованной совокупности людей, обнаруживаются невооруженным глазом. В том числе политический строй, государственные институты и, в целом, само государство. Хотя в данном случае есть о чем поспорить. Например, государство кочевников также сложно разглядеть за родовой структурой. Для того, чтобы обнаружить в конкретном обществе этнос, понять состояние этого этноса требуются уже более тонкие мыслительные конструкции и инструменты. В последнем случае такая реальность, как этнос не поддается классическому историческому анализу, требуется несколько иная схема. Вышесказанное в полной мере относится и к понятию государства. Государство - это, прежде всего, человеческий коллектив, т.е. общество, обладающее соответствующим сознанием и увлеченное идеей. Вероятно, этими причинами объясняется обращение исследователей к структурно-системному подходу, применение методов этносоциального анализа, обращение к терминам и понятиям из других наук /например, отождествление общества с «организмом» и т.д./.

Одна из особенностей нашего исследования заключается в том, что мы схему этносоциальной структуры не накладываем на общество, а на конкретном материале пытаемся конструировать его в исторических реалиях. Поэтому наше исследование не ставит себе

195

целью поиск каких-то всеобщих законов развития казахского общества в XV-XIX вв. Главная задача заключается в определении и прослеживании хода событий в рассматриваемое время, нахождении некоторых правил игры на огромном степном субконтиненте. В первом томе есть попытка выявления универсальных закономерностей древней и средневековой истории Евразийских степей, взаимоотношения степняков с

миром оседлых цивилизаций.

Э.Дюркгейм отнес общество к категории своеобразной реальности. Для историка, как и для социолога, своеобразие заключается в отсутствии ощущения реального существования общества. Причем это не результат мистического и иррационального мышления. Потенциальные возможности историка ограничены многочисленными факторами. Только изучение общества как взаимодействие этносоциальных структур позволяет рассматривать его как реальность, систему. Поэтому, чтобы установить отдельные детали, дать общую характеристику обществу, требуется предварительное изучение различных подсистем и взаимодействия между ними.

Основная цель структурно-системного подхода заключается в выявлении этносоциальных параметров общества и магистральных каналов, связывающих воедино составные части. Общество, прежде всего, сумма этих связей и отношений.

Специфика кочевого общества заключается в доминировании реальных, духовных связей, выраженных в терминах и отношениях родства. Родство составляет реальную основу существования людей и является основной социальной ценностью, поэтому его принципы существенно влияют на все линии связей /территориальную, хозяйственную, политическую и т.д./.

Человеческая жизнь определяется многообразием деятельности и движения, одновременно через эти формальные каналы проходят социальные связи. В принципе, в этносоциальной системе кроме многочисленных форм, основанных на определенной деятельности и движении людей, есть и общение

196

на более высоком, ценностном уровне. Последняя форма связи является наиболее основательной, поскольку является фундаментальной, на ней основывается самосознание общества как самостоятельного этноса, государства и нации.

Таким образом, понятие «этносоциальное» в применении к изучению общества имеет природу общего и целого. Оно существует вне человека и вне определенных социальных групп, но функционирует через действия и отношения отдельных людей и групп. Оно внешне выражается в территориальной общности, хозяйственно-культурных традициях, административно-политическом строе и институтах. Их контуры зависят, в конечном счете, от самосознания, от духовных ценностей этноса. Этносоциальная структура - как понятийно-категориальный аппарат позволяет видеть общество как целый, единый, живой организм.

2. Территориальная организация кочевого общества

Определение территориальных границ кочевого социума и его отношение к земле и вообще изучение территориальных отношений являются одними из сложных вопросов кочевни-коведения. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что существующий понятийный аппарат и научный инструментарий ограничены в своих операционных, эвристических и познавательных возможностях. В силу различных обстоятельств историческое описание и осмысление прошлого Великой степи проводилось в соответствии с европейским видением истории. Исторические школы под идеологическим влиянием христианской модели мира, или под давлением марксистской методологии, или же следуя эволюционистской идее прогресса навязывали всемирной истории свои европоцентристские ценности и категории. Те понятия, которые сформировались на европейском материале, постепенно перешли к другим регионам, в частности к кочевникам, представляющим изначально другой тип культуры.

197

В данном контексте важнейшим вопросом историко-этно-логической науки является вопрос об отношении кочевников к земле. Земля, как субстанциональная основа жизнедеятельности человеческого сообщества, определяет основные контуры

социальной и этнической организации, служит жизнеобеспечивающей основой. В данной связи важный методологический аспект данной проблемы заключается в выяснении соответствия таких широко употребляемых понятий как собственность, владение с истинным отношением кочевников к земле. Научная определенность в данном вопросе необходима для исследователей кочевого общества, как методологическая парадигма. С другой стороны, вопрос о земле является чрезвычайно актуальным в свете сегодняшних реформ. Трансформация общества в угоду форсирования социально-экономическо-го развития и благих перспектив должна вестись с учетом традиционных ценностей и менталитета казахского народа. В третьих, изучение территориальной организации казахов позволит лучше понять структуру социума и систему управления в прошлом, где ролевые функции отдельных регионов, территориальных сегментов совершенно не исследованы. Выяснение отношения кочевника к земле позволит смоделировать многочисленные детали общественно-культурной системы, определить закономерности ее функционирования. Существование у кочевников права собственности на землю давно стало однозначно аксиоматичным в исторической науке. Земля неизменно рассматривается, как объект собственности, дискуссии идут только по поводу выяснения механизма ее реализации. Не говоря об ортодоксально марксистских трудах, даже в самых современных исследованиях территория рассматривается в плане реализации отношения собственности. Обратимся к некоторым из них.

«... земля, являясь одним из основных средств производства в кочевой среде, также вовлекалась в отношении фактической собственности... на первом уровне функции собственника осуществляли в зимний период года - минимальная об-
198

щина, а в течение всего года - ассоциативная группа, то на последнем - класс богатых собственников, которые фактически образовали класс земельных собственников», - пишет Н.Масанов. Автор убежден о существовании не только монополевой собственности, но и частносемейной: «... мы вправе заключить, что в рамках общинной собственности в зимний период года сосуществовала фактически частносемейная собственность на пастбищные угодья» /175. - С. 175/.

Вообще, для Н. Масанова характерно эклектическое понимание природы кочевого социума. Поверхностность позиции автора просматриваются в тех разделах книги, где автор строит свои концепты на основе готовых теоретических выкладок африканистики. Принципиальную оценку различным дискуссиям на эту тему, а также критику выводов Н.Масанова дал Н.Алимбай. Последний считает, что ошибки Н.Масанова вытекают из того, что им «некорректно отождествляются совершенно разнопорядковые категории «собственность», «владение» и «пользование».

Н.Алимбай из различных таксонов этносоциальной организации казахов особо выделяет агнатную экзогамную группу как основного субъекта собственности. По его мнению, «семи-поколенная социальная структура... функционирует как общинная организация». Далее следует, что именно такая группа родственников является основным носителем понятия собственности в кочевом обществе казахов: «... основным и единственным субъектом собственности на территорию в условиях кочевого типа отношений естественной общности выступает община».

Однако, на наш взгляд, вышеприведенный вывод сделан несколько поспешно и не учитывает ряд аспектов проблемы. Безусловно, для кочевника не чужды владение землей и они не лишены привязанности к территории, которые на первый взгляд и выглядят как реализация отношения собственности. Отношение кочевников к земле довольно сложный процесс, раскрывающийся только при внимательном анализе социокультурных особенностей этноса.

На наш взгляд, невозможно вести речь вообще о собственности на землю у кочевников. Она объясняется очень просто - отношением кочевников к земле как к основополагающей субстанции - «*к,удайдыцжерI*». Все что произрастает на ней, считается даром божьим «*К^удайдыцбергенризыгы*». По отношению к ней человеческая жизнь на земле быстротечна: «*дуние жалнгн*», «*адам крнак?*>. Мы мимолетные гости на этой земле:

Дуние ойлап турсам шолак,екен, Адамдар бір-біріне к,онак,екен.

Отношение же к земле созерцательное, свободное от собственнических начал:

Салп-салпыншаканау ум взен, Салуалымениц ордам крнтн жер, Жабсылы жас тайлак;, Жардай атан болюн жер, Жатып Калган бір тоқты Жайылып мыцкрий болтн жер .

В то же время выше сказанное не означает отсутствия вообще понятия собственности у кочевников. В этом же толгау Казтуган-жырау четко звучит мысль о том, что орда - его собственность. «*Менцордам*», - говорит жырау, т.е. моя орда, дом, где вырос, дом, который стоит на земле - это его собственность. Отношение к земле, таким образом, опосредовано через жильё. Земля то начало, к которому, в конце концов, возвращается человек:

Сайрап к/ал кьгзыл тиIm ел-журтыц, К,утъттн еш ак^ын жок.к>ара жерден.

Наибольшее выражение своеобразных отношений «человек-земля» мы обнаруживаем в таких понятиях как «*Кір жуып, ктдгк кескен жер*», «*кулын-тайдай ойнатн жер*» и т.д. В первом из них выступает связывающим моментом факт рождения

200

человека на этой земле, во втором - привязанность. Первое выражение очень сильное, восходит к такому мощному понятию как «*ата-крныс*» - земля предков. Стержневым в реализации своеобразных отношений в цепи «земля-человек» является факт обитания на этой земле предков и родителей «*Окем куйеу болюн жер, анам келт болюн жер*». Отношение родства является тем базовым понятием, на котором формируется отношение к земле:

Алацдаалац, алацжурт,

А шла ордам крнтн журт,

Атамыз біздіт буСуйтти

Куйеу болын барюн журт,

Анамыз бгздіцБозту/ан

Келтшек болын тускен журт.

Картдай мынау Казтуюн батыр ту юн журт,

KindiziMdi кескен журт,

Кір-хоцымды жуюн журт...

Территориальная организация возникает, таким образом, из факта временного владения землей и формируется на основе исторической идентификации человека с владениями предков, т.е. по линиям существующих родственных связей. Конкретизируется эта связь через родовые отношения и потестарно-политическую организацию. Кочевник - член определенного родового коллектива, его собственные интересы опосредованы через родовые связи. Родовые коллективы имеют склонность во все времена интегрироваться в значительные потестарные группы и политические общности. Выделить из этой цепочки определенное звено как субъект собственности чрезвычайно сложно. В казахском языке это сложное сплетение различных территориальных уз выражается понятием «*журт*». Это понятие регулирует отношение людей данной семьи, ата баласы, рода и этноса по горизонтали. Оно обеспечивает синхронность в действиях этноса, обеспечивает плотную

связь между различными компонентами этноса. «*Журт*» отдельных семей автоматически входят в журты патронимии, они, в свою очередь, в журты родов и т.д. В фольклоре встречаются такие выражения как «*журтта калып к^ойды*», «*ев журтына крнды*» об отдельном человеке, об отдельном ауле, роде и т.д. В синхронном плане каждый кочевник вне зависимости от родовой принадлежности несет определенные обязательства перед соседями. Одним из обязательных институтов взаимопомощи считается «*журтшылык?*>» - обычай заставляющий помогать соседу, нуждающемуся в чем-либо. «*Журт*» соподчинен опять же системе родства как бы по оси координат. Понятие родства, как известно, выражается через «ел». Оно агнат-но, построено по вертикали и обеспечивает связь между поколениями, имеющими одного предка. В оси координат диахрон-ность обеспечивается понятием «ел», синхронная связь основывается на понятии «*журт*». Взаимопересечение вертикали и горизонтали в результате дает нацию, что выражается словосочетанием «*ел-журт*». Это можно проиллюстрировать на примере предания повествующего о становлении государства в эпоху Алаша-хана:

«Бул Алаша ханнан бурын кзак, ел болып, журт болып кезге кершш, ауызга шшген емес. Эр журткд к,оцсы болып журген», «ак, найзаныщ ушымен, ак, бшектщ куппмен ел болуды, журт болуды ойландар... Кундердщ кушнде осы бала хан болады, сендер кдраша боласындар».

Эти сведения об институализации понятия «*ел-журт*» из рукописи Машхур-Жусупа Копеева подтверждается также материалами шежира Курбангали Халида: «*Себеби Алыниша хан заманында, халыц муншалыц вспей, аз кезде татар, мацул айрылмай, бері «Алыниша ханнъщел, Алыниша ханныцжурты» атанып, бул сев осы кезге дейт умытылмай «алты сан алаш» деп айтылады» /247. - С.57/*. В фольклорных текстах «*журт*» встречается в модификациях «*ата журт*», «*она журт*». Например: «*Хан Клызынантуюн улдыцулкеш Улыжуз, содан Орта ж уз, ецсоцсыШигжузатанып, жалпы цзактыцтубг осы*

Ацшы-тургк, кьгз Балхтан болюн. КазактыцанажуртыЖи-дел I Байсын дегеш осыдан алынтн. Буя леер Балхк/а жакьгн, взен-суы мол, жер I калъцнулы еdi».

Жидели-Байсын - земля обетованная в казахских исторических преданиях, локализуется в юго-восточных районах Бухарского оазиса. В ней обитают племена, предки которых, как они считают, пришли из страны Арка или Арка-юрт. Б.Х.Кармышева опубликовала интересные этнографические материалы проливающие свет на некоторые вопросы. «Мне неоднократно приходилось слышать от узбеков-конгратов, - пишет Б.Х.Кармышева, - что их предки пришли из Арка-юрта /для разъяснения обычно добавляли, что из Казахстана/... переселение конгратов из казахских степей в Мавереннахр рассматривается узбеками-конгратами как возвращение на родину, в Джийдали-Байсун». Те же представления были характерны для племен лакай, юз, марка и т.д., сохранивших «в своем типе, говоре и культуре черты, роднящие их с казахами». При интерпретации подобных фактов Б.Х.Кармышева связывает их с расселением большого числа казахов в Мавераннах-ре после разгрома 1723 г. /125. - С.218-223/. На наш взгляд, и в данном вопросе необходима большая осторожность. Нельзя ни в коем случае забывать, что казахское шежира территорию Мавераннахра, или древнего Турана. И, в частности, южные районы Узбекистана и Таджикистана /Жидеш Байсын/ отождествляет с «*она журт*». Такая ценностная ориентация имеет

гораздо более древние корни. Обратимся к описанию Жидеяи-Байсыш, содержащемуся в шежире Маш-хур Жусупа: *«Жиделг - ввен аты, Байсын - тау аты. Тау бол-юнда - томоша тау. Ел кай жертде, мал кай жертде жургенц жан битеиді. Ел журтынъцкебІ казак, байсын к,оңырат ата-нады. ШэБерлары Бальц-Бадакшан, К,ундыз-Талкан атаншн жерлерІ болиды. К,ырп>13-Лакайдъц Лакайы К,ундыз Талкан-да. Елт аксакалдар бwieuidі»*. /143. - С.45/. Этот чрезвычайно насыщенный отрывок из шежиры говорит, прежде всего, о том, что в казахской памяти *«она журт»* запечатлелась очень от-
203

четливо, эта территория воспринималась как часть территории нации. Обратите внимание на выражение: *«елжуртынъцквбІ казак>>*.

Таким образом, существующее в казахском историческом фольклоре понятие *«она журт»* нами отождествляется с территорией Мавераннахра. *«Ана жррт»* /Жидел! Байсын/ с начала XVIII в., когда судьба кочевничества Евразии решалась в степных районах, когда центр борьбы за независимость казахов перемещается в Сарыарку, постепенно превращается в былинную страну. Несмотря на что, в XVIII в. многие казахские племена в той иной форме были связаны с югом, Жидели Байсын постепенно превратилась в сказку и стала *«землей обетованной»*.

Основные события XVIII и XIX вв. совершались на территории *«ото журт»* или *«ата крныс»* т.е., на территории северных степей. Для более четкого осознания роли этой территории снова обратимся к историческому фольклору:

*Ата крныс Аркадан
Басында казак,аутнда,
Куздг кунгІ несердей,
Квздижасы жаутнда,
Актабан болып шубырып,
Асып ас кар тау дан да,
Алка квпдІ айналып,
Ак,кайыцды саутнда,
Арысын белден омырып,
Калмак,тартып барды алды.*

В данном толгау речь идет о событиях середины XVII в., когда союзу дурбэн-ойрат /торгауыт, хошауыт, дэрбэт/ удалось вытеснить казахские племена со степной территории Казахстана и захватить стратегические высоты в Северо-Централь-ном Казахстане, а также в Жетысу. В толгауах Бухар-жырау эта трагическая эпоха названа как *«бастапкы актабан»*, т.е. начальный /первый/ актабан.

204

Возвращение же в *«ата журт»* Дулат Бабатайулы описывает следующим образом: *Ата к,оныс Аркадан Кишиакупъцтаймай ipzeci, Сепі Кетіп к/азахупъц Кfuitп кезде сірКесі, Эбгмвнсур хан болды: Хан болмады крзакка -Атрып атқиң тацбонды.*

Следует отметить чрезвычайно эмоциональную загруженность понятия «Арка» для кочевника-казаха, определяющего его быт, его место во времени и пространстве, его точку опоры в брэнном мире:

*Оцы - кун, солы - аи болды,
Кfура суы май болды.
Беактен белІ шыкпаюң
Жасы есіп тецеңЫ,
Жеттп жеар кенелдг.
Шалшыцсуы к ел болды,
К,урамалар ел болды.*

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что отношение кочевника к земле определяется прежде всего через родство. Через выяснение таксономических рядов родства определяются конкретные территориальные границы журта отдельного хозяина, аула, рода и т.д. В конечном счете, все жизненное пространство этноса привязано к этому священному понятию. В обычной жизни предполагается, что каждый человек имеет трехсо-ставную территорию «*ЖІгіштіуш журты бар*». Это же актуально и на более высоких уровнях родства. Одновременно, это понятие оправдывает любое движение кочевника.

Земля изначально рассматривается как вечное, неосязаемое и недосязаемое начало жизни. Земля возвращает все живое и поэтому она сакральна. В жесткой привязке «земля - человек»

205

последний играет несколько пассивную роль. Вместе с тем это отношение облагорожено многими эмоциональными связями, в основе которых, безусловно, лежит как привязанность, так и отношение к земле, как к оставшемуся наследству от предков. Именно такая эмоциональная заряженность заставляет Казту-ган-жырау говорить следующие слова:

Кайран метцЕдЫм,

Мен салмадым, сен салдыц,

К,айырлы болсын шдерге

Менен К,алюнмына Edin журт!

3. Кочевое государство: особенности политической системы кочевников Евразии

В широком спектре этносоциальных проблем кочевого общества особое место занимает изучение потестарно-политической или политической системы.

Одна из парадоксальных ситуаций историко-этнологической науки Казахстана - отсутствие исчерпывающего ответа на вопрос: а было ли государство у кочевников евразийского региона и, в частности, у казахов? Вопрос даже не в содержании, формах и стадийной принадлежности политической организации, речь идет вообще об отсутствии постановки проблемы.

Вероятно, нерешенность этого важного и актуального вопроса следствие, прежде всего, господства в отечественной историографии квазинаучных подходов, отсутствие глубоких и оригинальных теоретических исследований. Сейчас, когда требуется, как никогда, подлинно научная интерпретация различных аспектов истории кочевого общества, следует критически осмыслить как историческое казаховедение, так и возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

На наш взгляд, подавляющее большинство научных работ по дореволюционной истории Казахстана до сих пор основывается в теоретической части на наследии марксизма-лениниз-

206

ма, что вынуждает нас отнести их к разряду тенденциозных; во-вторых, огромное количество современных работ по истории Казахстана имеет эстетизирующий или же справочный характер, стремятся к достижению литературных эффектов и рассчитаны на дилетантов. Подлинно историческое же исследование основывается на объективно-критическом подходе к истории и исключает всякий вымысел и миф. Форма понимания исторического прошлого, отвечающего уровню нашей современной цивилизации, может быть только научно-критической. Историческое исследование должно удовлетворять потребность в истине, если же вера в истинность повествования умирает, то следует предполагать, что вместе с ней умрет и научная историография. В этих целях следовало бы обратиться к структурно-функционалистическим методам анализа истории.

Величественная картина прошлого, созданная трудами историка служит всем. Но достигается это тяжелым трудом через анализ источников, в том числе устных материалов, сопоставление и критическое процеживание и объективную интерпретацию. Подобный путь - удел профессионалов, чем больше научного инструментария, куда мы включаем и методы этносоциальных исследований, тем лучше. Именно такая работа поддерживает культуру, плодоносит в ней и находит живой отклик. Любая культура функционирует образами и архетипами исторического прошлого. Обращение к историческому фольклору позволяет в той или иной степени оживить образы.

Как нам представляется, основная ошибка и ограниченность исторического казаховедения состоит в однобоком материалистическом подходе и видении проблем истории общества и государства. Материалистический подход, безусловно, связан с европоцентризмом, марксистскими методологическими понятиями и парадигмами. Это - пресловутый формационный подход, сводящий все разнообразие реальной истории человечества к формационным характеристикам, теория классовой борьбы, объясняющая начало государственности и общественной жизни, извечным антагонизмом бедных и богатых. Обыч-

207

но считается, что первым условием перехода к государству является появление прибавочного продукта, а возникшая при этом необходимость распределения есть обязательное условие возникновения классов. В то же время предполагается, что повышение прибавочного продукта как следствие роста производительности труда - прерогатива оседло-земледельческих обществ. Таким образом, круг замыкается, не допуская кочевые общества вообще к понятию государственности.

Несоответствия реального состояния кочевого общества, как политико-правовой системы в виде различных государственных образований /империй/, и неадекватное концептуальное осмысление его в традициях европоцентризма всегда вызывали замешательство среди историков-кочевниковедов. Именно это противоречие породило различные теории о характере общественно-политического развития кочевников. Оно послужило благодатной почвой для появления различных определений о патриархально-родовом, раннефеодальном, предклассовом или же о классовом феодализме, а в последнее время о позднепотестарном, «параполитарно-доминомагнатном» характере общества кочевников. «Кочевые предклассовые общества в большинстве случаев относились не протополитарному, а к иному типу предклассового общества, который я называю «па-раполитарным-доминомагнатным», - пишет Ю.И.Семенов /223. -С.57/.

В связи с этим, следует сразу же оговориться и указать на то, что казахское общество, унаследовавшее культурные достижения кочевников евразийской степи, является уникальным явлением, как по своей внешней структуре, так и по содержанию. Те жизненные начала, заложенные в основное ядро функционирования кочевого социума, неповторимы, своеобразны, и несопоставимы с иными стандартами культуры Запада и Востока. Осознание этой уникальности должно послужить причиной смены методологической парадигмы. Прежде всего, в центр исторического познания общества следует выдвинуть не материальные параметры общества, а такие факторы как ду-

208

ховные ценности, самосознание общества, социокультурные особенности. В фокусе исторического исследования должна выступить этносоциальная

организация.

Известно, что производственный фактор, где наиболее ярко проявляются неразрывность связи между социумом, его экономикой и ментальностью людей является базовым для анализа любого исторического явления. Экономика и социальное развитие относительно самостоятельны, но подобны взаимодействующим сосуздам. Расчленять и рассматривать их по отдельности малопродуктивно для исследователя. В то же время для выявления причин возникновения государства у казахов, необходимо вывести на первый план не экономические, а социальные процессы, формы социальных связей. Дело в том, что в казахском обществе место отдельного человека определяется не экономическими, а родственными /генеалогическая, сословная/связями. Казахское общество представляет собой социальный организм, в котором сложилась четкая сословная структура. Поэтому, чисто операционно подобный подход научно репрезентативен и оправдывается соответствующим результатом.

Обозначенный выше подход позволит обойти такой «камень преткновения» государствоведов, как прибавочный продукт. В марксистском ключе социальная гармония в кочевых обществах никак не может быть увязана с государством. В европейском понимании, согласно которому появление частной собственности и эволюция процесса разделения труда в обществе провоцирует борьбу за присвоение прибавочного продукта, государство якобы узаконивает присвоение его одним классом в ущерб другим, и этим определяется эксплуататорская сущность государства.

Такое понимание государства наиболее сконцентрировано-но выражено в следующем определении: «государство появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы»/! 58.-С.68/.

В советской исторической науке оно служило основным
209

теоретико-методологическим догматом. В эпоху господства марксистской теории в советской исторической науке иной интерпретации государства не существовало. И только сейчас мы задаемся вопросом о том, возможно ли существование государства в доклассовом обществе, тождественны ли понятия «догосударственное» и «доклассовое».

Затронутая нами выше проблема может найти свое разрешение скрупулезным путем анализа этнографического материала, которая показала бы истинную ситуацию. Возможно «регулярное производство прибавочного продукта правильнее рассматривать не как причину, а как следствие классовобразования и политогенеза» /136. - С. 146/. Напрашивается весьма простой вывод, что прибавочный продукт, безусловно, есть потенциальная предпосылка, но отнюдь не основное условие возникновения классов и государства.

Отрекаясь от марксистского подхода, видимо, следует пересмотреть и отношение к эволюционизму. Необходимо отойти от желания расставить все общества на ступенях одной эволюционной лестницы. Именно эволюционизм позволил марксистам свести все многообразие реальной истории человечества к стадияльной типологии и полному игнорированию разнообразия жизни к материальной сфере. Неадекватность подобной схемы по отношению к кочевым обществам сегодня очевидна. Кочевая цивилизация - это особый мир, объективно отличающийся от цивилизационной бифуркации Запад-Восток.

Отсюда возникают следующие вопросы о том, как найти и каким образом вести

поиск государственных начал у казахов? Какие факторы лежат в основе политогенеза помимо классово-разования? Естественно ли появление государства в процессе эволюции первобытной общины, разрастание ее численности и размеров, и как следствие, увеличение плотности населения? Если само собой происходит сложение государства, то как возникают сословия и социальные группы?

Возможно ли представить, что сословия и социальные группы, олицетворяющие сложность и целостность политической структуры, возникают

210

не внутри общины, а на стыке взаимодействия их друг с другом или же с иными этносоциальными образованиями, входящими в сферы влияния кочевников или же просто граничащих с ними совершенно независимо?

В последние годы ряд культурологов высказал мнение о необходимости введения понятия «государственности». Экзистенция государственности кочевников - в многовековой меж-цивилизационной динамике, обращенной во внутрь. Такое государствообразующее начало не всегда совпадает с публично-политической властью, т.е. традиционной характеристикой «аппарата принуждения» /3. - С. 104/. Несмотря на кажущуюся привлекательность, такое противопоставление «государственности» и «государства» вносит определенную сумятицу в понятийно-категориальный аппарат обществоведов. Государственность, если понимать под ней «комплекс политико-правовых, социальных и культурно-духовных начал», является слишком расплывчатым понятием. В таком случае, проще всего называть это явление обществом и воспринимать его как сложную систему, целостный этнокультурный и социальный организм. Одним словом, государство - особый тип, внешнее понятийное выражение такого состояния. А совокупность управленческих институтов является лишь частью или подсистемой этого состояния.

Кочевое общество - как этносоциальная система, безусловно, опирается на ряд составляющих структур и подсистем. Так называемая публично-политическая власть /аппарат принуждения/ есть всего-навсего одна из них. С таким же успехом мы можем выделить экономическую, территориальную, социальную, этническую, духовную структуру. В последнюю подсистему входит и общественное самосознание, которое уникально тем, что при отсутствии любых других компонентов даже в архетипе автономно сохраняет идею государства. Только при наличии государственного самосознания, общество переходит в государственное состояние. Системный анализ позволяет определить взаимоотношения и место каждой структуры этносоциального организма.

211

Научный подход предполагает изучение «комплекса элементов, находящихся во взаимодействии», т.е. необходимо относиться к объекту изучения как к целостности, а затем переходить к установлению его структуры и связи между элементами системы. Безусловно, применению системного анализа должна предшествовать огромная скрупулезная исследовательская работа по выявлению и описанию исторического объекта. Чем сложнее социальный организм, тем больше факторов определяют усложнение его системной целостности. Продуктивность структурно-функционального подхода при изучении евразийского кочевничества, сопряженного с обобщением глобальных процессов на огромной территории, очевидна.

Кочевое общество казахов - обособленная, сложная, динамичная и саморегулирующаяся система. Ее структурные компоненты, связанные между собой многочисленными и сложными отношениями, выступают, как подсистемы, таковыми могут служить - экономическая структура, территориальное расселение, материальная и духовная культуры, самосознание и т.д. Каждая из указанных структур, обладая

относительной самостоятельностью составляет одно целое. При переходе социума из круга первобытности в круг государственный, роль различных подсистем может быть неоднозначной. Какая-то из них уже сложилась как национальная и выполняет соответствующую задачу, другие еще не дозрели.

Как мы уже говорили, этносоциальный подход делает основной акцент на выявление интегративных свойств, структур и связей между ними, то есть ориентирует исследователя на раскрытие механизма, обеспечивающего целостность социального организма. Иерархическая соподчиненность элементов внутренней структуры казахов явление небезызвестное. В отличие от эгалитарных принципов догосударственных обществ, когда каждый человек имеет возможность менять свой статус, скажем, переходя в старший возрастной класс, в кочевом обществе казахов присутствует откровенный неэгалитаризм. Место человека изначально и навечно определяется его принадлежностью к конкретному сословию или роду и переход

212

индивида в более привилегированное положение почти невозможно. Если подобное и случается, то довольно-таки редко и на то существуют целые ритуальные торжества /асырап алу/. Вместе с тем основу кочевого общества казахов составляют свободные кочевники-общинники, владельцы самостоятельных хозяйств, полноценные субъекты производственных отношений. В кочевом обществе положение кочевника де-юре и де-факто совпадало, что и является свидетельством их подлинной свободы. Как ни парадоксально, ограничения и соподчиненность вытекали не из отношения собственности, а из отношения родства/иерархичность родовой организации/.

Об этой особенности социальной организации казахов Ч.Ч. Валиханов писал следующее: «Самый порядок разделения, обуславливая собою, право старейшинства и силу племени, что и, по понятиям киргиз /казахов -Ж.А. I выражается правом физического первородства предка, имеет большое значение в их родовом праве и принимается совершенно в генеалогическом смысле: посему форма отношения орд к ордам и родов одной орды между собой соответствует правам кровного братства, а отношения родов к своей орде - отношению сына к отцу, к старшему роду старшей орды - отношением племянника к дяде, всего более характеризуется этот патриархальный родовой быт отношением в диспутах степных импровизаторов из разных родов о превосходстве и старейшинстве предка» /65.-С. 148/.

О механизме действия регламентации сферы общественной жизни номадов на основе принципов родства пишут и другие авторы: «этого разделения на поколения и роды киргизы /казахи -Ж. А. I и по настоящее время держатся строго, несмотря на то, что до владычества русских не только поколения, но и орды соединялись часто под одной властью, не уничтожая этих подразделений и сохраняя старшинство поколений. Так, например, во время бывших народных сеймов, первородство Алимудинцев строго соблюдалось, их мнение и приговоры были обязательны для Байудинцев и Семиродцев, но не наоборот, приго-

213

вор бия Семиродского или Байудинского в частном деле, можно было некоторым образом апеллировать бию Алимудинско-му, и он имел право уничтожать приговор» /180. - С.4/.

Системообразующая роль родства в казахском обществе заключалась в том, что вся система социальных связей строилась на принципах родовой организации.

Генеалогические схемы, предания /шежире/ в той или иной мере санкционировали их. Принцип родства, как можно судить из научного анализа шежире, мог базироваться как на действительном /кровнородственном/, так и на фиктивном материале. При обосновании фиктивного родства, как обязательный элемент присутствующий

легендарные и мифические сюжеты, в виде различных преданий. Другое дело - интеграция в казахское общество различных сословий. Шежире включает ряд материалов, санкционирующих институциональные права политической верхушки, основанные на сакральности происхождения ханских династий /Алаша-хана и Чингисхана/ и обосновывает их привилегии и права старшинства. Политическая история кочевников предстает перед нами многовековой историей сменяющих друг друга правящих династии и их сакральных представителей. Основное направление социальной жизни все-таки определяется сложными взаимоотношениями между естественной средой и родовыми устоями общества. В таком обществе роль собственности в системообразовании ничтожна, и она не может служить сущностью производственных и общественных отношений.

Политико-правовые отношения кочевников настолько специфичны, что обнаруживаются только при дистанцировании на значительное расстояние от обществ оседло-земледельческих. Возникновение и функционирование ханской власти не было связано с формированием частной собственности и классового общества. Государство без классов - не столь невозможное явление у кочевых обществ. Наличие частной собственности на скот при коллективном землевладении говорит только о том, что сущность государства может быть определена как ас-

214

социация граждан для охраны собственности. Безусловно, такой подход к власти требует дальнейшей проработки, как в плане методологическом, так и в плане операционном.

Видимая легитимность и есть признак выделения публичной власти, как верного признака государства, осуществляемого через освящение в традициях.

Формационную атрибуцию общества производят обычно по степени развитости управленческо-административной подсистемы. Следует отметить как особенность кочевого общества ее зачаточный характер: отсутствие административно-территориальной организации, чиновничества, регулярной армии, казначейства и т.д. Кочевой социум по своим управленческим параметрам не укладывается в жесткие рамки западной модели классической государственности, что и породило в терминологии бессодержательные эвфемизмы типа «раннеклассового», «раннефеодального» и т.д.

Социальная структура казахского общества отличается наличием своеобразных черт, которые даже у центрально-азиатских кочевников, близких по всем параметрам к казахам, обнаружить довольно сложно. Казахское общество имеет социальную стратификацию по сословно-правовым признакам, по объему прав и обязанностей и по выполняемым социальным функциям. Вместе с тем, эта социальная структура внешне имеет много общего с иерархической социальной структурой Запада и Востока.

Главное же отличие состоит в том, что социальные связи внутри общества не детерминированы экономическими отношениями. Скорее они напоминают концентрические круги расположения, контуры которых обусловлены сословными и генеалогическими отношениями. Исходные и базовые элементы самоорганизации общества в системе родства, восходящие к далекой древности /время Алаша-хана/, дальние таксономические ориентиры которой соединяют воедино многочисленные кочевые и полукочевые этносы Евразии.

Общность социальных идеалов, реальная социальная идентичность делают весьма зыбкими национальные границы сре-

215

ди кочевых тюрко-монгольских этносов Евразии. В социальном плане весь кочевой мир Евразии представляет целостную систему, живой единый организм. Политические

же границы внутри этого мира достаточно условны, следовательно этносоциальные элементы всегда подвержены процессу конвергенции. В этой плоскости и объясняется происхождение молниеносной скорости возникновения кочевых империй Великой степи.

Данное явление не ущемляет роль национальных государств у кочевников, а наоборот, позволяет взглянуть на них по иному. Как нигде появление государства у кочевников чревато преодолением невероятных трудностей. Всякое кочевое общество состоит из многочисленных внутренних и не противостоящих друг другу начал: коллективного и частного, сословного и родового, потестарного и политического и прочих. При этих условиях государство необходимо как интеграционное начало, регулирующее взаимоотношения у огромного количества родо-племенных групп. Основными субстратами действуют - доминирующая родовая система, сословная структура, зависимые городские и земледельческие оазисы. Сочетание их в одном политическом организме и дает государство. Государство обеспечивает функционирование субстратов как единой системы. Власть генерирует энергию субстратов и превращает их в государство, «потестарная и политическая организация оказывается этноконсолидирующим фактором, воздействующим как на сам ход этнических процессов, так и закрепление их результатов, придание последним определенной стабильности» /145. -С. 118/. Это очень справедливое замечание относительно роли государства и политической власти в кочевом обществе.

По всей вероятности, в обществах без сложившихся систем классов /в европейском понимании/ ведущей силой образования государства является власть. Вместе с тем, один из немаловажных факторов в образовании государственной системы - роль сознательной деятельности людей в процессе по-литогенеза. Формирование государственной идеи, корреляция

216

родоплеменной структуры как основы социальной организации, определение привилегий и мест различных субэтнических и сословных групп не проходит без вмешательства идеологов общества.

Как и в любом деле, идея государственности появляется раньше самого государства. В основе формирования государственной идеологии казахов оказались предания о родстве, об общем происхождении от единого предка Алаша-хана. В эпоху образования Казахского ханства в этот древний цикл этно-гонических сказаний кочевников были внесены существенные поправки, призванные служить интересам зарождающегося государства. Сложнейший этнический состав, объединяющий многочисленные тюрко-монгольские роды Евразии, мог быть интегрирован в одно целое только вокруг легендарной фигуры Алаша-хана.

Появление государства послужило толчком для этноинтеграционных процессов. Этот механизм, в первую очередь, обеспечивал внешний статус, а затем регулировал внешние процессы, обеспечивающие стабильность существующих отношений /генеалогических и сословных/ и благоденствия общества. Поэтому основными носителями государственной идеологии были жрецы - жырау, а не шаманы и муллы. Жырау нужны были для поддержания убежденности в людях своей приверженности к государству, как лица, находившиеся в тесной близости к политической элите /к ханам и султанам/. Генерирование государственных идей, сакрализация правителя - хана, отправление культа /культ предков/ - все это относится к функциям жырау.

Безусловно, социальный строй кочевников играет значительную роль в

возникновении и функционировании государства, но как мы уже столкнулись с ним - он слишком расплывчат и не конкретен, как супертерриториальное и макроэтническое явление. Остается еще одна подсистема общества - самосознание. Осознание общности происхождения - единства социокультурной принадлежности, общие традиции и образ

217

жизни при наличии первоосновы власти /политического центра, сословия и т.д./ - может быть цементировано самосознанием в государство, т.е. самосознание играет роль интегрирующего фактора. Следовательно, можно допускать, что государство существует, в первую очередь, в форме ценностных представлений и реализовывается в соответствующие подсистемы. Этническая идентичность в государственных образованиях кочевников основывается не столько на хозяйственно-экономических и политических отношениях, а столько на социокультурном единстве. Социокультурное единство, в свою очередь, как единое пространство имеет многочисленные очаги и ареалы географического и генеалогического характера. Формирование государственных идей в одном из этих ареалов увлекает в общий процесс государствообразования многочисленные роды и племена. Здесь уже проявляет себя мощное генеалогическое начало, идет формирование генеалогии, которая может быть отождествлена с общественной организацией. После возвышения одной родовой группы создается священная генеалогия с чертами идейно-политической и религиозной концепции. В последующем, по мере усиления государства, она выполняет функцию санкционирования самой легитимности власти. Путь интеграции различных групп в одно политическое сообщество объясняется мифом. Задача мифологических сюжетов в шежире заключалась в создании идеальной организации. Как правильно заметил А.Я.Гуревич: «миф является универсальным содержанием всех функционирующих систем в обществе, и социальная организация, таким образом, является одним из способов его выражения» /87. - С.235/. Базовым источником самосознания служит мифологическое сознание, которое заведомо подчиняет прошлое сегодняшним требованиям, нуждам. Мифические истории играют роль канонических сюжетов, циклы мифических сюжетов создают впечатление непрерывности истории государства. Воспроизведение исторического прошлого в казахском шежире носит характер персонификации. Стержень исторического времени определя-

218

ется деяниями выдающихся людей, как правило, действующие лица - легендарные ханы и родовые вожди: Алаша-хан, Уыз-хан, Коркыт-ата, Чингисхан, Жошы-хан, Аз Джанибек, Едиге-би, Аз Тауке-хан, Абылай-хан, Бухар-жырау, Казыбек, Толе, Айтеке и т.д. Каждая личность представляет целую эпоху, так воспринимается история в самосознании кочевников. Это мощное самосознание и является фундаментальной основой государства казахов.

Следующий вопрос - о характере власти. Для того, чтобы представить извне структуру, следует разобраться и понять взаимосвязь между самосознанием и конкретными формами политико-правовой организации. В реальной жизни политическая форма, в которую облачается этнос, является отражением внутренней структуры социальных связей. Эти же связи определяются комплексом причин. Технология самоприспособления социального организма к природным условиям породила, как известно, родовую структуру. В обыденной жизни племена и роды - самостоятельные группы с достаточно ощутимой властью вождей - биев, батыров. Эта структура власти

может быть определена как вождество, т.е. власть от народа, из чего вытекают их права и обязанности ее носителей.

Вождество держится на авторитете, в некоторых случаях и на наследственных прерогативах. Совокупность таких потестарных ячеек представляет мегаобщину - государство. Качественно иное состояние имеет Казахское ханство.

Казахское ханство как государство представляет собой симбиоз двух начал - политического в лице института верховной власти, особого сословия, носителя верховной власти и племенной организации власти, в виде вождества и потестарной структуры. Вождество играет роль основного, мощного и действенного звена власти, в то же время оно служит буфером между народом и политическим сословием.

Благодаря этому достигается высокая степень его устойчивости. Наиболее перспективный путь изучения и поиска государственности у казахов - изучение института верховной власти и динамики ее слож-

219

ния, эволюции и трансформации во взаимодействии с институтами вождества /потестарной структуры/.

И, наконец, некоторые выводы, касающиеся вопроса о государственности у казахов: изначально необходимо привыкнуть к мысли о том, что существование государства /политических институтов/ в бесклассовом обществе возможно. В этом плане следовало бы потестарно-политическую организацию рассматривать как политическую систему. Нельзя сводить все государство к совокупности институтов управления /аппарата/. Власть в лице различных учреждений, чиновничества представляет одну из подсистем. Вернее это - чисто внешние факторы государства. В обществах кочевников проблемы централизации и стратификации решаются не через создание машин управления, а через усложнение существующей социальной системы /структуры/. Поэтому институты управления нельзя отождествлять с государством.

Основная государствообразующая сила общества заключена в родовой организации казахов. В политическом отношении различные ступени родства составляют иерархичную целостность и вполне успешно заменяют систему административно-территориальных единиц. Соревновательный антагонизм между родами является движущей силой эволюции данного социума. В этом смысле любые столкновения между родами, а также казахская барымта могут быть квалифицированы как структурообразующие, дисциплинирующие факторы.

Вождество, если понимать под этим термином потестарно-племенные структуры /родовые содружества, конфедерации/ вовсе не означает предгосударственную структуру власти. Вождество следует рассматривать как определенную властную организацию общества, оно генерирует власть и властные отношения в традиционном обществе.

При оценке уровня политогенеза необходимо отказаться от предвзятых концепций экономического детерминизма. За основной ориентир необходимо взять самосознание и располо-

220

женность к единству. Государство, вообще государственное общество, существует как на уровне социально-экономических отношений, так и на уровне духовных ценностей и самосознания общества. Если сквозь многие исторические предания и легенды и через все формы фольклора проходит идея «ел-журт болу», значит государственная идея существует в данном обществе.

Безусловно, требует дальнейшей проработки вопрос о функционировании государства в виде различных знаковых явлений и культовых символов в

подсознании /архетипы/. При малейшей возможности эти заложенные в глубине сознания идеи и символы не замедляют проявиться как дань и как проявление верности традициям предков. Таковы, например, ханства, возникшие в 1916 г. в ходе национально-освободительного движения. Ни интеллигенция Алаша, ни мусульманское духовенство, имевшие достаточно ощутимые влияния в среде казахов, вероятно, не ожидали реанимации института ханства в начале XX в. Выявление внутреннего механизма функционирования казахского общества в прошлом, и их роль в последующих событиях, пережитых этносом - основная задача историко-этно-логической науки. Эта методологическая концепция, реализованная автором в исследованиях по истории казахского общества XVIII-XIX вв., один из возможных путей научного решения и адекватного отражения прошлого. В то же время такой подход позволит соотнести реалии сегодняшней истории /действительности/ с традиционным менталитетом, ценностями, сохраняющимися в виде традиции и архетипов, определяющих в той или иной степени преемственность исторического развития. Какие бы изменения не произошли в современном облике этноса, традиционные стереотипы культуры поведения, а также ментальность действуют как самодавлеющая основа.

221

4. Социальная организация: проблема рода и родства

Социальная организация казахов относится к разряду очень сложных и неразработанных проблем историко-этнологической науки. В целом, она представляет систему, в основе конструкции которой как стержень находится род /кочевой ру/. В то же время в эту систему кроме рода вошел ряд элементов, определяющих не только внешние параметры социальной организации, но и ее функциональные действия. Таковы, вкратце, наши предварительные концепты. В предшествующих нам историографических традициях сложились несколько подходов в изучении социальной организации казахов. Не вдаваясь в результаты конкретных исследований этой сложной проблемы, мы можем в целом выделить две основные крупные концептуальные линии. Во-первых, в дореволюционной литературе социальная организация казахов отождествлялась с родовой /особенно был популярен термин «родовое начало»/. В реалиях XIX в. и в особенности второй половины XIX столетия, такое отношение было продиктовано объективной ситуацией. Действительно, когда традиционный миропорядок был разрушен, когда действующая стратная система не работала, когда кочевники-казахи были оторваны от своих общественно-политических институтов и традиционных партнеров, род оставался самым последним оплотом традиционной социальной организации. В принципе, и в современной зарубежной этнологии отношение к социальной организации кочевых народов определяется именно таким подходом. Несколько иной подход выработывался в советской историографии. Она большим вниманием удостоила явные или мнимые социальные противоречия в казахском обществе, возведя иногда их в ранг классовых противоречий. Действительно, на первый взгляд в казахском обществе бросаются в глаза четкие контрасты между богатством и бедностью отдельных его граждан, сословий, родов и т.д. А все, что не поддавалось классовому анализу, преподносилось, как пережитки патриар-

222

хальных отношений и традиций, своеобразной ширмой прикрывающие реальные черты классово-феодалного общества.

В обоих вышеизложенных подходах есть свои плюсы и минусы. Наша задача

заключается в выработке основных принципов анализа специфики социальной организации населения Великого степного пространства. Она включает и поиск консенсуса, необходимого для примирения противоречий в историографии. Социальная организация есть прямое порождение своеобразного уклада жизни. Если рассматривать отдельно кочевое общество, то основополагающим фактором формирования его общественных структур служат различные формы подвижного скотоводства. Эти формы хозяйственной деятельности требуют ежедневного ухода за скотом и мер по его защите. Именно скот является основным составляющим благосостояния кочевников, он же определяет социальный статус конкретного хозяина скота в данной среде. На этой простой основе и возникают первые ячейки социальной организации. Если уход и защита скота требуют усилий больших коллективов людей, то там мы видим крупные родовые единицы и союзы. Обычно в случаях каких-либо внешних воздействий /война, барымта и т.д./, когда опасность потери благосостояния возрастает, включается интеграционный механизм. С другой стороны, если господствует мир и благосостояние, то происходит автоматическое расщепление больших коллективов и из недр их появляются небольшие семейно-родственные группы, полностью берущие на себя проблемы, связанные с уходом и защитой скота. Так или иначе, первоначальная ячейка социального бытия кочевников напоминает семью. И естественно, что она предполагает близкое родство, общие интересы, общее нераздельное владение богатством.

В силу различных обстоятельств, среди этих групп появляются исторически устоявшиеся группы. Для них характерны представления об общности происхождения, совместные перекочевки, наличие авторитетных родоправителей и т.д. Именно такое стабильное объединение носит название ру, уру, уруг, 223

суйек и переводится на русский язык термином «род». Само понятие «род» не всегда отражает ту социально-политическую нагрузку, которая заложена в реальной жизни на кочевую группировку «ру». Для понимания специфики социальной организации степных народов Великого степного пояса Евразии, чрезвычайно полезно обратиться к проблеме рода и системы родства в историографии.

Многие российские исследователи особенность социально-то строя кочевников видели в родовой организации. На наш взгляд, наиболее объективная характеристика содержится у В.В.Радлова: «У этих степных кочевников - очень своеобразная цивилизация, - отмечал он, - ... мы имеем здесь дело со ступенью цивилизации, противоположной культуре эпохи оседлых народов, и нужно смотреть на их поступки и поведения с другой точки зрения... у них существует не анархия, а лишь своеобразные, отличающиеся от наших, но по своему вполне урегулированные культурные отношения».

В.В.Радлов резко критикует своих предшественников, российских ученых во главе с А.И.Левшиным, отрицательно отзывавшихся о казахах, определивших общественные устои казахов как «смесь деспотизма и анархии». «Читая такие триады, легко прийти к мысли, что киргизы - отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, так как не желали привыкнуть к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом, раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так», - пишет В.В.Радлов. /206. - С.249/.

Объективные обстоятельства кочевого быта определили своеобразные формы управления и общественную структуру кочевых народов. Здесь никогда не было тех постоянных административно-территориальных форм и механизма административного управления, характерных для оседлых стран. В кочевом обществе прочность социальной структуры зависела от определенной комбинации родов, племен и союзов.

Соотношение сил у родов и племен постоянно менялось, малейшее изменение во внешней политике, повышение плотности насе-
224

ления и необходимость перераспределения скота, как основного богатства, вызывала необходимость корректировки социального порядка. Социальное устройство должно было оказаться достаточно гибким и мобильным, чтобы обеспечить сохранность этноса. Таким образом, структура родов, исходящая от вполне реальных кровнородственных, а также мнимых генеалогических линий, связей служила фундаментом началом общества.

В виде формальной структуры социальной организации мы можем рассматривать существующие в обществе ступенчатые социальные страты. Следует сразу отовариться, что вся существующая социальная организация и связанный с ней порядок основываются, в первую очередь, на высоком уровне самоидентификации кочевника с определенным этносом, т.е. этносоциальным организмом. «... Всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казак...», - отмечает С.Б.Бро-невский/57.-С.250/.

Наиболее разительные особенности бросаются в глаза при сравнении социальных институтов оседлых и кочевых народов. Кроме внешних черт, социальный строй кочевников отличался от оседлых и по другим, более существенным параметрам, что было замечено еще М.Красовским в середине XIX в.: «Но, что можно отнести ко всем окружающим степь... государствам, не может быть вполне применено к киргиз-кайсац-кому народу... Покорив, положим для примера, Бухару, мы, можно быть уверенными в этом, нашли бы сочувствие в прежде угнетенном народе; но, завладев степью, не можем этого сказать уверенно даже теперь, именно потому, что здесь и прежде никогда не было гнета правителей, никогда не чувствовалась над собою нелюбимая власть...».

В основе социальной организации народов Великого степного пояса лежали принципы родового начала, не имеющего ничего общего с общественными порядками земледельческого и городского населения Востока. Даже в конце XDC в., несмот-
225

ря на сильнейшие потрясения общественных устоев, приверженность к родовым традициям у казахов была сильной. П.П.Румянцев, глубоко анализируя социальный строй казахов, пишет следующее: «В основе этого разделения, не имеющего ничего общего с сословным делением дофеодального общества или классовым современным, лежит родовое начало...» /215. - С. 16/.

К сожалению, многие бесценные материалы для науки по родовому быту казахов ныне потеряны. В годы советской власти невозможно было ими заниматься, поскольку родовые традиции рассматривались как отрицательный пережиток. Еще в конце 20-х гг. прошлого века советские ученые-историки под флагом марксизма-ленинизма преодолевали «теорию родового быта у кочевников». В конце концов всякие исследования об особенностях социального строя народов Великого степного пояса превратились в бесплодные дискуссии о месте феодализма у кочевников и роли собственности на средства производства и т.д.

Родовая организация как объект научных интересов была в начале вытеснена из исторических исследований, а затем превратилась в сугубо специфичный предмет изучения этнографии, в перечне тем, связанных с определением этнического

состава и этногенеза. Благодаря этнографии сейчас мы имеем кое-какие материалы по родам и племенам казахов и других тюрко-монгольских родов Центральной Азии.

В советской историографии родовая организация отождествлялась с первобытным родом, что само по себе не сочеталось с существовавшим в обществах степных народов социальным устройством. Ставшее камнем преткновения в советском кочевниковедении это противоречие так и не было преодолено. В конце концов, эта диллема не была решена и в наше время.

Некоторые попытки примирения столь противоречивых научных концептов предпринимались этнографами. Так, в науку вошли понятия о «поздних» племенах. Например: «поздние, патриархально-феодальные племена феодальной и капиталистической эпох существовали, в противоположность «первобытным», уже не в составе примитивных аморфных этнолингвистических общностей, а в среде сформировавшихся народностей, сохраняясь в качестве реликтов, древних и средневековых компонентов их этногенеза» /106. - С.48/.

Ряд проблем, существующих в современной историографии, можно

Ряд проблем, существующих в современной историографии, можно ради объективности следует подчеркнуть, что в этнографических исследованиях неоднократно замечалось, что так называемые реликтовые племена /имелись в виду позднекочевые/ по своей социальной сущности и механизму функционирования абсолютно не соответствует древней форме племени. В нем есть имущественное и социальное расслоение, в нем есть все признаки политической организации. Однако, признать родовую организацию как живой и универсальный социальный институт, как основной стержень социальной организации кочевого общества этнографы так и не смогли. Этому мешала марксистская установка, отождествлявшая родовую организацию кочевников с первобытностью, а род - как исключительно первобытную форму социальности.

К сожалению, ситуация с родовой организацией казахов остается до сих пор нерешенной*. В некоторой степени проблема усложняется стремлением ряда исследователей привнести в традиции евразийского кочевниковедения материалы австралиоведения и африканистики. Нерешенность проблем рода и родовой организации никоим образом не компенсируется и за счет актуализации исследований по патронимии.

Ряд проблем, существующих в современной историографии, можно *Нам неоднократно приходилось писать о специфике многих социокультурных институтов казахского общества и значений рода и родства в особенности/см.: Артыкбаев Ж. О. Казахское общество в XIX в.: традиции и инновации/. На сегодняшний день наша позиция по многим проблемам социальной организации казахов, в связи с изучением функционального значения родства и родовой структуры отражается в публикациях моего ученика М. С. Жакина /см.: Жакин М. С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов/по материалам XVIII-XIX вв./ Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. - Алматы, 2001/.

227

иллюстрировать на примере анализа некоторых оценок казахстанских этнологов. В них, несмотря на постоянную критику, явно наблюдается приверженность авторов к марксистским постулатам советской исторической науки, а также сверхмодное увлечение различными тенденциями в западных этнографических исследованиях, прямое заимствование результатов из африканистики и т.д. Одним словом, все это можно объяснить следствием господства эклектики и слабости теоретических разработок в наших гуманитарных науках.

Далек от понимания специфики социальной организации кочевников такой исследователь «кочевой цивилизации казахов», как Н.Э. Масанов. По его мнению, родовая организация существует только как абстракция /поскольку австралийского рода здесь нет/: «Особый интерес привлекает генеалогическая организация, - пишет Н.Э. Масанов, - которая существует только в общественном сознании, но в действительности нигде и никогда не

ведет к возникновению реальной общности. Объективно мы можем говорить о генеалогических сегментах, например, внутри семьи у кочевников-казахов /отец и его дети до их выделения, после которого они прекращают свое существование/» /175. - С. 132/. Модель социальной организации, построенная Н.Э.Масановым, основывается на «ведущих», «приоритетных», по его мнению, отношениях - экономических. Они, как определяющая система координат, влияют на все многообразие взаимоотношений между людьми в процессе общественной жизни и в их отношениях с окружающей природой. Данная концепция целиком построена на примате материального, вещественного над другими ценностями. К тому же его монография построена на изучении экономической жизни казахского общества конца XIX - начала XX в.в.*

**В публицистических статьях Н. Э. Масанов придерживается диаметрально противоположной позиции. Он постоянно обвиняет современных казахов в приверженности родовым порядкам, к определенным родам и т.д.*

228

Открытие Н.Э.Масанова, к сожалению, не произвело переворот в исторической науке. Те положения материалистического понимания истории, относящиеся ко всей писаной истории и гласящие, что все социальное формируется экономической системой, и противоречия в социальной сфере, в первую очередь, диктуются классовыми интересами живут в сознании многих историков. Причем наше понимание и восприятие марксизма можно отнести к категории вульгарных, поскольку сильно искажает суть этого учения. Обратимся к «Введению к критике политической экономии»: «Если речь идет о производстве, то всегда речь идет о производстве на определенной ступени общественного развития - о производстве общественных ин-дивидуумов. Производство вообще есть абстракция, но абстракция понятная, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем самым избавляет нас от повторений... Определения, прикладываемые ко всякому производству вообще, как раз и должны быть отброшены, чтобы за единством не были забыты существенные различия. Это может случиться уже потому, что как субъект - человечество, так и объект - природа, являются теми же самими.

В этом игнорировании различий лежит, например, вся мудрость современных экономистов, утверждающих вечность и гармонию существующих социальных отношений и доказывающих, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим была только рука, и что никакое производство невозможно без предшествующего накопления труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и закрепила путем повторных упражнений. Капитал, между прочим, есть такое орудие производства, он также является результатом предшествующего объективированного труда» /172.- С.43/.

Сами по себе хозяйственные отношения и община как базовая опора в понимании хозяйственных отношений не существует вне родовой организации у степных народов. О казахах начала XX в. Н. А. Логутов пишет: «Какую бы сторону, как общественной, так и семейной жизни того времени мы не взяли

229

- мы всюду сталкиваемся с всеобъемлющим значением рода» /159.-С.46/.

В сущности, кочевой род и является хозяйственной единицей, без чего невозможно функционирование общества. Но социальные ценности зависят не только от существующих хозяйственных, экономических отношений. Основные социальные ценности общества выработаны в основной сфере их деятельности, т.е. в сфере родства. Вся конструкция социальной организации построена по типу

родственных отношений. Только на высших уровнях социальной организации отношения родства заменены политическими отношениями, носящими несколько ритуальный характер.

Только верхняя часть айсберга завершающая социальную конструкцию свидетельствует о том, что социальная организация перекрывает существующие родственные отношения и выходит за пределы его. Происходит переплетение двух форм связей - политических и родственных.

Осмыслению специфики социальной организации народов Великого степного пояса мешает и недопонимание со стороны многих исследователей особенности природы кочевого рода. Исследователи, в частности тот же Н.Э.Масанов, отрицая всеобъемлющую роль кочевого рода, в первую очередь, исходит от априори неправильного отождествления кочевого рода с первобытным. Он неоднократно пытается найти у казахов атрибуты кровнородственного рода первобытности охотников и собирателей эпохи камня: «Даже понятие «родового кладбища» на поверку оказывается мифом, поскольку рядом с мужем у всех кочевников захоронивается его жена, являющаяся членом совершенно иного генеалогического линиджа, а не его сестра - член его генеалогического сегмента, которая в свою очередь захоронена на совсем другом кладбище - рядом со своим мужем. Поэтому рода нет и никогда не было в природе, но был и до сих пор есть у некоторых народов генеалогический счет родства»/175. - С. 132/.

Жаль, но в существующих трудах по африканской или же австралийской общине готовые рецепты по анализу социаль-

230
ной организации степных народов Евразии отсутствуют. Вопреки Н.Э.Масанову мы можем заявить, что род и генеалогические связи были у степных народов. Но они существовали в форме социальной организации. Родовое начало выступает основополагающим условием существования данной социальной организации. Безусловно, среди внешних черт родовой организации, ярко проявляемых в экономической сфере, в хозяйственной и совместной деятельности сородичей, легко обнаруживается и поддается изучению община. В самом деле, эти признаки не всегда отражают внутреннюю суть и сущность родовой организации и ее культуры. Так называемые внутренние связи родовой организации степных народов гораздо сложнее изучать. Поскольку в целом, они представляют собой отражение самодостаточной этносоциальной организации.

В основе этносоциальной организации лежат различные типы и уровни социальных связей, проходящих по линиям территориальной, потестарно-политической, хозяйственной структур. Генерализирующей линией в этом клубке сложных взаимоотношений служат отношения и система родства. Род у степных народов основывается на родстве уже отдаленном от природы, благодаря тому он призван регулировать все разнообразие форм существования этноса. Род, являясь стержнем этносоциальной организации, превращается в универсальный принцип.

Таким образом, в общественном плане кочевой род больше считается политической единицей, т.е. явлением совершенно другого порядка, чем кровнородственные группы первобытности. Это достаточно ярко иллюстрируется на примере взаимоотношения казахских родов, которые имеют стратифицированный характер. В каждом из казахских жузов есть поколения, претендующие на старшинство в данном союзе /см. соответствующие разделы/. На примере Младшего жуза, где старшинство поколения Алим-улы над остальными четко оговаривается в различных фольклорных источниках, служащих прецен-дентом в общественно-политической жизни, Л.Мейер пишет: «Во время бывших народных сеймов первородство алимулин-

цев строго соблюдалось, их мнения и приговоры были обязательны для байулинцев и семиродцев, но не наоборот, на приговор бия семиродского и байулинского в частном деле можно было апеллировать бию алимулинскому, и он имел право уничтожить приговор» /180. - С.4/.

В изучаемой нами этносоциальной организации генеалогические связи играли по сути роль административно-территориальных отношений и фактически служили гарантией стабильности кочевого общества. В принципе, форма социальной организации, потестарно-политический строй и традиционные социальные отношения во многих элементах воспроизводят существующие формы связи между родами. Социальная организация - явление сложного порядка, чем мы предполагаем, и наши поверхностные представления не всегда соответствуют действительному положению вещей. В первую очередь, это относится к такому важному составляющему социальной организации казахов как сословия. Необходимо уточнить, что под этим термином следует понимать различные группы элитарного характера, вошедшие в состав казахского общества с четко определенными правами и обязанностями. Для каждой из этих групп кроме определенного социального статуса свойственны и специфические формы этнографического поведения /включая особенности материального плана/. Сословный фактор в казахском обществе существенно дополняет родовую организацию, особенно в части определения социальных статусов определенных групп. Социальное положение человека в казахском обществе, да и в кочевых обществах вообще, определяется в большинстве не столько имущественным положением, сколько принадлежностью к тому или иному социальному слою.

Многие специфические черты социальной организации народов Великого степного пояса проясняются при анализе структуры существующих сословных групп. В этом плане казахский материал представляет оригинальную возможность для реконструкции наиболее сложных социальных систем кочевников Евразии.

232

Социальная организация Великого степного пояса может быть понята при внимательном отношении к тем маргинальным регионам, которые входили в состав, или находились под влиянием кочевников Великой степи. В ее структуру фактически постоянно входили южные регионы - Туркестано-Таш-кентский и спорадический Мавераннахр, на востоке - Восточный Туркестан, Кашгария и другие города, Поволжье, Северный Кавказ и Южная Сибирь. Для внутреннего строя кочевников характерны некоторые элементы эгалитаризма и родовой демократии. Но в их взаимоотношениях с оседлыми, составляющими эти принципы, абсолютно не действуют, наоборот их можно характеризовать как неравнозначные, неравноценные. Большинство этих регионов существовало в качестве постоянных данников, обязанных за защиту и мир расплачиваться материально. В то же время, кочевники и оседлые народы - полноценные составляющие одной социальной организации, игроки, действующие в одном поле. Как в политическом, так и в социальном плане взаимоотношения кочевников Великой степи с различными этническими группами в маргинальных /периферийных/ территориях нельзя рассматривать как взаимоотношение с внешним миром.

Социальная организация кочевников Великого степного пояса Евразии всегда в свой состав включала ряд общин, не укладывающихся в привычные рамки кочевого рода, не входящих в родовую организацию или в известные сословные группы. Так, в эпоху средневековья в южных оазисах обитали согдийские общины, органически вошедшие в состав древнетюр-кских государств. Исторические источники средневековья говорят о расширении зоны влияния согдийских купцов при некоторых каганах, когда передовые группы согдийских поселений смело идут на заселение территории

северных степей: Сибири, Монголии, Восточного Туркестана и т.д. В новое время основное население южных городов и поселений составляли сарты, занимавшиеся активной торговлей в самых глубинных степных районах. В социально-этническую организацию казахов входили десятки субэтнических групп, стоявшие вне

233

родовой организации и вне основных районов обитания кочевых племен. Внутри Великой степи всегда находились группы еще не включенные в генеалогическую организацию казахов и потому еще не пользующиеся всеми прерогативами постоянных компонентов социальной системы.

Таким образом, суть и содержание социальной организации могут быть выявлены только при подробнейшем изучении всех ее составляющих. Одним только определением ее структуры как «сегментарно-гратифицированной» - этот вопрос не решить. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и имущественные моменты: благосостояние, определяющее во многом логику действия различных социальных групп. Однако, изучение социальной организации требует эволюционного подхода /учета исторического времени/, дифференцированного отношения /учета исторического пространства/.

5. Хозяйственно-культурная система: генезис, типология, структура

Историко-этнографическая литература, посвященная хозяйству казахов и кочевников Евразии, чрезвычайно объемна. Она включает сотни публикаций: монографии, сборники, статьи и статистические описания. Хозяйственная жизнь всегда находится на виду. В связи с этим с древнейших времен купцы, путешественники, писатели, чиновники, посетившие по тем или иным причинам степные края, оставляли описания картин хозяйственной деятельности местного населения. Именно на таком эмпирическом материале создавались и создаются ныне труды по хозяйственной структуре. Несколько иначе выглядят исследования построенные на результатах статистических экспедиций конца XIX- начала XX вв. Уровень первичной систематизации и научного обобщения в них достаточно высокий, что, в общем-то, объясняется громадной работой проведенной Ф.Щербиной, Л.Чермаком, П.Румянцевым, А.Букейхановым и др. На сегодняшний день опыт осмысления истории и специ-

234

фики хозяйственной деятельности населения Великой степной равнины еще не превзошел указанного уровня.

Следовательно, перед современной исторической наукой стоят грандиозные задачи, связанные не только с необходимостью расчищения завалов оставшихся в наследство от советской историографии, но и в плане выработки основных методологических подходов к анализу хозяйственно-культурной истории. На наш взгляд, настало время изучения генезиса основных форм хозяйства Великого степного пояса Евразии. Не менее сложная задача - осмысление хода темпов эволюции хозяйственно-культурной системы. Все многообразие хозяйственных форм в Великой степи и прилегающих к ней регионов необходимо рассматривать как систему. И, в-третьих, серьезного анализа требуют различные комбинации и взаимоотношения элементов /компонентов/ внутри этой системы. На наш взгляд, такой подход, обеспечиваемый комплексными исследованиями, позволит реконструировать полную картину хозяйственно-культурной деятельности населения Великой степи в различные эпохи, позволит выявить все исторические нюансы, связанные с переселениями кочевников, формированием новых государств обществ, как в степи, так и за ее пределами. Более широкий подход к данной теме избавит исследователей от ряда проблем. Если до сих пор становление казахского общества связывалось только со степными просторами, а

в хозяйственном плане - с кочевым скотоводством, то указанный подход позволит искать начало формирования государства и общества в многообразных формах деятельности наших предков, создававших свою цивилизацию в различных природно-географических зонах Центральной Азии.

Феномен хозяйственно-культурной системы кочевого скотоводства нельзя и невозможно ограничивать только описанием и типологией кочевого хозяйства казахов. Из поля зрения специалистов выпадают огромные оседло-земледельческие ареалы, граничащие с Великой степной зоной в древности и средневековье, которые органически входили в хозяйственно-культурную систему кочевого скотоводства. В тени политичес-

235

ких процессов остаются нити хозяйственно-культурных связей Евразийского континента. Именно они обеспечивали в течение многих тысячелетий мощный наступательный процесс формирования современной культуры.

Подавляющее большинство исследовательских характеристик кочевого хозяйства привязано к концу XIX - началу XX вв. Этот период более освящен в источниках и позволяет говорить о переходных формах хозяйства казахов, об орудиях труда и т.д., но ни в коем случае не может отражать ту грандиозную конструкцию жизнедеятельности Великой степи, характерную для более ранних эпох.

Вопрос генезиса кочевого скотоводства привлекал многих ученых и поныне остается нерешенным. Причина, видимо, заключается в том, что с давних времен ученые исходили из представления о трех ступенях развития человечества. Предполагалось, что развитие хозяйства шло последовательно, от охоты - к скотоводству, от скотоводства - к земледелию и т.д. На этой схеме, как мы прекрасно знаем, и базировалась марксистская догма о трех ступенях развития истории - дикость, варварство и цивилизация. В XX в. происхождение кочевничества стали больше связывать с кризисом комплексного хозяйства эпохи бронзы. Сторонники этой концепции полагают, что усиливающаяся аридность многих территорий привела комплексное хозяйство к специализации в скотоводческом направлении. Процесс нарастает постепенно и согласно этой концепции, в начале I тыс. до н.э. кочевое скотоводство становится господствующим на данной территории. Такова общепринятая точка зрения на этот сложный вопрос.

Специалистами указывается комплекс причин, способствовавших возникновению кочевого скотоводства в евразийских степях. Полагается, что этот переход являлся следствием синхронного действия различных факторов. Среди основных предпосылок отмечаются аридность географической среды, где земледелие возможно только с использованием ирригации; состав стада максимально приспособленного к условиям окружающей среды; наличие верховых животных и транспортных средств,

236

развитая имущественная дифференциация. К числу главных, на наш взгляд, можно отнести степень дифференциации труда между скотоводами и земледельцами.

Несколько наших соображений о времени возникновения кочевого скотоводства. Никто не спорит с тем, что в евразийских степях определяющее влияние на переход к пастушеству, а затем и кочевому скотоводству сыграло коневодство. Использование лошади продвинуло древнее население степи далеко вперед. Кочевники использовали все универсальные возможности лошади как транспортного, пищевого, военного средства. Лошадь помогла беречь другой скот, отвоевывать его у других, и даже облегчала им доступ к траве, разбивая своими копытами снежный покров.

Именно история евразийского коневодства ставит под сомнение общепринятую хронологию начала кочевого скотоводства. Последние археологические открытия позволяют отнести начало кочевого скотоводства отнести к более глубоким пластам

истории. Коневодство как стержневой элемент и символ кочевой хозяйственно-культурной системы появляется еще в III тыс. до н.э. Одновременно с конем появляются юрта /ала-шык/ и другие атрибуты кочевого скотоводства. В этом плане актуальными кажутся несколько предложений, исходивших из уст отдельных исследователей.

В.И.Бибикова, подводя итоги своим археологическим изысканиям в Северном Прикаспии, называет временем перехода к кочевому скотоводству эпоху неолита /вторая половина IV тыс. до н.э./ /46. -С. 110/.

Чуть раньше, в конце 60-х гг. Мерперт в одном из своих интересных исследований начало евразийского кочевничества датировал III тыс. до н.э./181.-С.2И/.

Еще раньше такое предположение исходило от А.Тойнби, который полагал, что начало кочевого скотоводства, относится к IV-III тыс. до н.э. /232. - С.404/.

Однако, Тойнби выводил кочевое скотоводство из земледельческой ступени цивилизации. Основываясь на исследованиях, проведенных в Туркестане рядом исследователей /Пумрелли/,

237

он утверждал, что сельскохозяйственная ступень предшествовала domestikации, т.е. она предшествовала номадической пастушеской ступени цивилизации. Он полагал, что искусство domestikации в значительной мере больше свойственно земледельцу, нежели охотнику. Примечательны его слова «domestikация животных - искусство более высокое, чем domestikация растений, поскольку это - победа человеческого ума и воли над менее послушным материалом. Другими словами, пастух - более виртуоз, чем земледелец» /232. - С. 185/.

Поскольку многие вопросы, связанные с генезисом кочевого скотоводства нами рассматривались в одном из предыдущих разделов, мы переходим к сути своего предложения. Оно может в той или иной степени примирить существующее противоречие, как в определении начала, так и дальнейших судеб кочевого скотоводства. Суть нашего предложения заключается в принятии понятия «чередование». Обозримое с высоты сегодняшних исторических источников прошлое хозяйственно-культурной системы говорит о существовании нескольких сопровождающихся циклов чередования пастушества с другими хозяйственными укладами. В основе чередования лежит смена климатических условий в великих просторах Евразийских степей. Если мы соглашаемся с выше приведенными гипотезами о раннем происхождении кочевого скотоводства/Н.Я.Мерперт, В.И.Бибикова/, то для логичного объяснения всех предшествующих процессов следует принять и теорию цикличности хозяйственно-культурной системы, что на наш взгляд, является единственно возможным объяснением исторических процессов.

На наш взгляд, наиболее ранние формы и элементы хозяйственно-культурной системы Евразийских степей появились в эпоху неолита. Вероятно, часть земледельческо-скотоводческого населения евразийских степей по мере наступления засухи в конце неолита решила искать новые территории с привычными условиями существования. Таким образом, они были вынуждены идти на юг и запад и обживать те территории, которые обеспечивали бы сохранение ранних форм комплексно-

238

го хозяйства. Другая же часть населения, оставаясь на родине в открытой степи, вынуждена была отказаться от земледелия и стала заниматься коневодством.

Одновременно, а возможно, и ранее к коневодству перешли охотничьи племена, обитавшие в степях и полупустынных районах. В эпоху энеолита оно стало доминирующим видом хозяйственной деятельности в Великой степи.

В конце III тыс. до н.э. бывшие коневоды снова переходят к комплексному хозяйству, в котором нашли удачное сочетание - отгонное скотоводство, земледелие и горная металлургия. Великая засуха, наступившая в середине II тыс. до н.э., снова заставила евразийцев приспособляться к засушливой степи и вырабатывать новые навыки.

Вероятно, великие движения пастушеских народов в начале I тыс. до н.э. и есть

отголоски при-родно-экологического кризиса внутри Великой степной равнины. В середине I тыс. до н.э. снова замечается повышение оседлости и переход к комплексному хозяйству. По всей вероятности, этот процесс происходит при сохранении локальных очагов кочевого скотоводства. В этих условиях номадизм был выгоден и в экономическом плане прогрессивен, так как обеспечивает цивилизационный прорыв. Непрямая утилизация растительного мира степи через посредничество животного создает основу для развития человеческого ума и воли. Кочевник круглый год должен искать корм для своего скота в суровой и скупой степи. В соответствии с годовым циклом он должен перемещаться по степным пространствам, преодолевая немалые расстояния, с летних пастбищ на зимние и наоборот. Причем он кочует не только со своим стадом, но всей семьей, со всем своим имуществом: «Кочевники не могли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость» /232. - С. 185-186/.

Таким образом, прослеживаемые по различным источникам чрезвычайно тяжелые по всей вероятности, но в то же вре-

239

мя революционные переходы выработали у степного населения особые нравственные и интеллектуальные качества. Поэтому рассматривать кочевников как вечных узников климатического и вегетационного годового цикла противоречит самой простой логике. Усилия степняков приносили им всегда успех в виде гармоничного сочетания трех элементов: природы, общества и человека. Одновременно кочевники никогда не утрачивали связи с внешним миром, которой в той или иной степени был зависим от ситуаций в Великой степи.

Безусловно, резкие изменения климата оказывали на кочевников не самое последнее влияние. Но с самых древнейших времен евразийцы отвечали на такие вызовы соответственно адекватным ответом. Так произошли величайшие в истории человечества перевороты - переход собирателей и охотников к скотоводству, переход к комплексному хозяйству, от комплексного хозяйства - к номадизму и наоборот. Обратный переход от кочевничества к комплексному хозяйству - также изобретение евразийцев. Процессы перехода к кочевничеству были обратимы. При благоприятных малейших условиях евразийцы переходили к комплексному земледельческо-скотоводчес-кому хозяйству. Причем эти переходы совершались быстро. На протяжении последнего тысячелетия в евразийской истории мы несколько раз могли наблюдать на огромнейших просторах Казахстана чередование этих двух форм хозяйства. Это и есть ответ на вызов природы.

Следует предполагать, что суровые условия степи перманентно выталкивали небольшую часть кочевого населения. Вероятно, сказывались и демографические факторы, и кочевое население засасывал внешний вакуум, в виде оседлых регионов. И в самом деле, в этом следует видеть действие, не зависящее от кочевников, их замыслов, менталитета, хищнических инстинктов и т.д. Миграции пассионарных групп кочевников в оседлые регионы были продиктованы, видимо, стихийными законами, не зависящими от воли этносов и человеческих групп. При этом оседлые матриархальные общества сами увлекают

240

кочевников */ана журт!*. Происходит оплодотворение, в результате появляются новые государства, цивилизации, жизненная энергия которых основывается на кочевнической.

Для понимания хозяйственно-культурной системы Великой степи важны следующие выводы А.Х.Маргулана, вытекающие из специфики хозяйственно-культурных

традиций: «Этот вопрос важен не только для освещения истории земледельческой культуры древнего Казахстана, но и имеет практическое значение с точки зрения нашего современного отгонного животноводства», - пишет А.Х.Маргулан. Принципы последнего, по словам ученого, «лежат отчасти на исторической основе чередования оседлости и пастбищного скотоводства еще в древнем Казахстане» /165. - С.4/.

Такая характеристика реальна и для XVII-XVIII столетий, «когда основные принципы экономического быта населения составляло сочетание кочевого скотоводства и оседлости». По словам А.Х.Маргулана, «эту традицию прочно держали казахи вплоть до первой четверти XVIII в., т.е. до того периода, когда нашествие джунгаров надолго подарвало основу их земледельческой культуры и вытеснило их из южных городов в степи». В историческом плане подобная структура хозяйства четко прослеживается на юге Казахстана. Сакские поселения, раскопанные в этом регионе, свидетельствуют, в основном, об оседлом быте населения. Сами по себе эти земли являются прекрасными зимними пастбищами. На летние джайлау часть населения отправлялась в горы Каратау, где скотоводы помимо летнего выпаса скота «добывали железную руду, которую на подводах доставляли на свои зимние поселения, и занимались переработкой ее».

С.П.Толстов указывал на значительную роль кочевников в формировании среднеазиатской городской культуры: «Лишь исходя из «первого значительного разделения труда» между кочевниками и земледельцами, можно объяснить данный расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивающихся как связывающее звено между обеими главными отраслями экономики древней Средней Азии - скотоводческим хозяйством

241

степей и земледельческим хозяйством оазисов», - пишет автор./236. - С.275/.

Древнее население было одновременно связано как с оседлым земледелием, так и с кочевым скотоводством. Пастушество - составной и существенный элемент хозяйственно-культурного комплекса древнего периода.

История первого тысячелетия также иллюстрирует это удачное сочетание различных хозяйственных форм. Вероятно, сформировавшаяся в сакское время хозяйственно-культурная система в эпоху тюрков обретает новые черты и элементы. Наиболее удачный в данном отрезке истории пример - тюркизация Мавераннахра и прилегающих районов. Вместе с усилением тюрков происходило возрождение былых городских центров, земледелия и ремесленного производства. Это время расцвета основной трассы международной торговли - Великого Шелкового пути.

В хозяйственно-культурной системе Великой степи Маве-раннахр занимал особое место как у тюрков, так и у их предшественников и последователей. Прежде всего, присырдарь-инская территория имеет стратегическое значение в плане обеспечения кочевого населения Великой степи необходимым количеством земледельческой и ремесленной продукции. Контроль над трансконтинентальными путями давал кочевникам также огромные выгоды как в экономическом, так и в политическом отношениях. Из территории Мавераннахра готовились глобальные миграции в глубинные районы Востока. Можно сказать, что территория южнее Сырдарьи вынашивает плод миграционной активности, зачатой кочевниками еще в просторах Великой степи. Обретая определенную структуру и подкрепленные жизнеутверждающей энергией, мигранты шли на завоевание центров оседлых цивилизаций. В этом плане Маве-раннахр являлся своеобразным плацдармом Великой степи.

Имеющиеся у нас материалы позволяют говорить о существовании вокруг степной зоны нескольких относительно автономных регионов, входящих в хозяйственно-

культурную систему Великой степи. Любые противопоставления пастушес-
242

ких скотоводов и оседлых общин внутри этой системы неприемлимы и уводят исследователя в неверный путь. Нельзя рассматривать отдельно и обособленно Великую степь, тем более противопоставлять ее зависимым от нее регионам. Те противоречия, существующие между оседлым земледельческим населением /в особенности городским/ и степными скотоводами, объясняются противоречиями внутри системы. Так что картина, созданная нашими историками, где житель степи неизменно выступает в качестве агрессора и хищника, от набегов которого постоянно страдают оседлые земледельцы юга, на поверку оказывается несостоятельной. В большей степени как юг, так и другие субрегионы находят больше пользы в данной хозяйственно-культурной системе, нежели сами кочевники.

Основной компонент хозяйственно-культурной системы Евразии - кочевое скотоводство древности и средневековья -также представляется более громоздким и сложным, в сравнении с кочевым скотоводством в новое время. Современные историографические традиции, часто обращавшиеся к методу ретроспекции при анализе нашего прошлого, не всегда бывают справедливыми. В материальной культуре кочевников есть несколько знаковых элементов, по которым можно судить о характере и мощи культуры.

Повозка и медный котел - наиболее часто встречающиеся произведения ремесла средневековых кочевников - свидетельствуют о существующей четкой специализации и стабильности жизненного уклада их хозяев. Повозку А.Х.Маргулан считал «своеобразной формой полуоседлого типа жилищ» /165. -С.13/.

В своих описаниях золотоордынских кочевников Ибн Батута пишет: «В Дешт-и-Кыпчаке каждый хатунь их ездит в арбе, в кибитке, в которой находится навес из позолоченного серебра, либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покрывами» ... «вся она /арба/ была обтянута хорошим синим сукном, окна и двери кибитки были раскрыты» /220. - С.292/.

243

Ибн Батута отмечает, что вереница этих арб простиралась от ста до пятисот. Длинными рядами, занимая огромное степное пространство медленно двигаются сообщества племен. Такое же описание казахов-кочевников дает Фазлаллах Рузбе-хан. Бытовой склад казахов XIV-XVII вв. фактически напоминает картины более древних эпох.*

Плано Карпини отмечает существование у кочевников Золотой Орды двух видов жилищ: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудности людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на выючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках» /205. - С.24/. По словам Карпини, для перевозки таких повозок запрягали «три, четыре или даже больше» быков.

Рубрук делает описание вообще очень громоздких повозок. «Они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать фунтов в ширину... я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 фунтов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса, по крайней мере, на пять фунтов с того и другого бока». Такие большие повозки тянули 22 быка /в два ряда/. Кочующие поселения с сотнями повозок идут по степи очень медленно «они едут так медленно,

как ходит ягненок или бык», - пишет Рубрук /205. -С.81/.

Отталкиваясь от вышеприведенных примеров из средневековых источников, А.Х.Маргулан пишет: «Трудноразбираемые жилища, сделанные из прутьев, безусловно, отличаются от бо-

**См. эпические материалы, например, «КызЖибек - Толеген» и т.д.*

244

лее легкой формы передвижных, кочевых юрт и по своей громоздкости приближаются к полуоседлому типу жилищ» /165. -С. 14/.

По его материалам, в Казахстане немало топонимических названий носивших названия от строя повозок /Кангка/*: на Сырдарье, на р.Урал - Кырык арба, в низовьях Нуры, в районе Улытау /Орда конган/ и на р. Обаган. По мнению А.Х.Маргулана, города в степи возникали в местах стоянок: «В связи с историей повозки думается, что древнейший город на Сырдарье, вероятно, возник также от строя повозок, в этом не оставляет сомнений его название от повозки - кангка» /165. - С. 14/.

Большинство современных исследователей в той или иной мере заняты проблемами типологии скотоводческого хозяйства. В советской этнографии было принято выделять четыре типа скотоводческого хозяйства: оседлое, кочевое, полукочевое и полуоседлое. Различия между ними определялись удельным весом земледелия, т.е. соотношением скотоводства и земледелия в конкретных географических условиях. Вопросам типологии кочевничества/скотоводческого хозяйства/, особенно по тюрко-монгольским народам, посвящено обширнейшее количество литературных работ, значительная часть ее была проанализирована в обобщающих трудах С.И.Руденко, Г.Е.Маркова, Б.Х.Кармышевой, С.И.Вайнштейн и некоторых других.

На сегодняшний день существуют довольно подробно разработанные типологии и систематики форм скотоводства с учетом хозяйственно-культурных типов в доиндустриальных обществах.

Например, Г.Е.Марков и К.П.Калиновская выделяют несколько крупных комплексов скотоводства, включая оседлое скотоводство. В свою очередь, эти комплексы подразделены на

**Город Кангка был расположен в плодородной равнине древнего Ангрена неподалеку от района нынешнего г. Ташкента. В Шах-номе страна Кангка рисуется как «северная соперница Ахеменидского Ирана, против которого они вели многолетнюю войну». Город Кангка лежал на правом берегу Сырдарьи и был «последним убежищем» для Афрасияба.*

245

подтипы. В собственно скотоводческом хозяйстве выделены классы, роды и виды как более низшие ступени классификации. Эти ступени классификации /род, вид/ отражают характер содержания скота и условия его выпаса, т.е. технологии скотоводческой отрасли производства.

Пожалуй, в последние десятилетия всевозможные варианты типологии скотоводческого хозяйства уже проведены, в интересную тему включились и специалисты разных отраслей науки: ученые-историки, этнографы, географы, экономисты /например, Л.М.Зальцман/.

Подведя итоги многочисленным классификациям, Б.В.Андрианов сводит их к трем основным группам:

1. Скотоводство оседлое /стойлово-выгонное/, как часть оседло-земледельческих, хозяйственно-культурных типов;
2. Скотоводство пастушеское, в котором выпас скота на пастбищах осуществляется частью населения или пастухами;
3. Скотоводство номадное, кочевое или полукочевое, с сезонными миграциями по пастбищам отдельных семей или их объединений /20. - С. 18/.

В классификационных опытах по типологии подвижного скотоводства никто до сих

пор не превзошел систематику С.И.Руденко /1961г./. Суть его предложения заключается в том, что важно различать пастушеские и кочевые /номадные/ скотоводческие хозяйства. Это мнение лежит и в основе исторической классификации форм скотоводства, что для нас чрезвычайно важно.

С.И.Руденко хорошо показал, что пастушеское скотоводство развивалось как в рамках ранних обществ скотоводов-земледельцев с натуральным хозяйством и на более высокой стадии развития сельского хозяйства, основанного на применении рабочего скота, так и в товарной форме. Это универсальная для всех времен форма хозяйственной деятельности должна быть учтена при изучении древнего и средневекового периодов истории Казахстана. Пастушество, как универсальная категория хозяйственно-культурной системы, лежит в основе многоты-

246
сячиелетней деятельности народов степного пояса Евразии. Это базовая отрасль хозяйства, та фундаментальная основа, на которой в зависимости от стечения обстоятельств можно построить кочевое общество или же строить комплексный хозяйственно-культурный тип. К числу важнейших особенностей пастушества относятся:

1. Скотоводство как один из определяющих видов хозяйственной деятельности.
2. Экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным содержанием скота на подножном корму.
3. Периодическая сезонная подвижность.
4. Участие в перекочевках значительной части населения.
5. Наличие конкретных и долгосрочных стоянок.
6. Преобладание натуральных форм хозяйства.
7. Занятость некоторой части населения не скотоводческими занятиями /собирачество, охота, мотыжное земледелие и торговля/ /245. - С.6/.

Именно на эти особенности кочевого хозяйства указывают специалисты, они являются главными при характеристике кочевого хозяйства и определяют его специфику. Вместе с тем весь этот комплекс характерен, в первую очередь, для пастушества. Невозможно понять всю специфику хозяйственно-культурной системы Великой степи без учета маргинальных регионов. К числу их относились современный юг Казахстана /Туркестанско-Ташкентский оазис/, низовья Сырдарьи и Амударьи /Хорезм/, Семиречье /Восточный Туркестан/, Поволжье и Северное Причерноморье.

Здесь в основном проживало оседлое население, отчасти занятое земледелием, ремесленным производством, а также торговлей. На этой маргинальной территории с давних времен появлялись различные религиозные традиции с культовыми и иными центрами. Население маргинального пояса с кочевыми регионами связывает многообразие форм взаимодействия. В различные периоды истории и в глубинных районах степи появлялись очаги оседлости.

247

Таким образом, хозяйственно-культурный комплекс складывался как многоукладный в результате взаимодействия различных форм хозяйственной деятельности, активно дополняющих друг друга. Выше названные регионы почти всегда находились в сфере влияния правителей Великой степи. Более того, в различные периоды сфера влияния кочевой элиты выходила далеко за рамки названных территорий и охватывала центральные земли Востока и Запада.

Маргинальные районы отличались повышенной плотностью населения, яркой ориентацией на рынок. Расцвет и вообще благополучие городов этих зон напрямую зависело от мирных, торговых отношений земледельцев и скотоводов.

Число оседлых жителей постоянно пополнялось за счет оседания кочевников. В силу этого обстоятельства в указанных территориях встречались различные переходные группы. Иные из них в силу достаточно долгого проживания среди оседлых, постепенно утрачивали свои генеалогические связи и родовые названия, иные из них еще помнили о

своем кочевническом происхождении. Уровень ассимиляции во многом зависел от уровня седентаризации. В целом, господствующей тенденцией в указанных регионах был процесс установления со-седско-территориальных связей.

В силу постоянного притока кочевого населения и их постепенной маргинализации, а также в силу сильного давления со стороны кочевников, формирование самостоятельных политических и этнических общностей в них не получило достаточного развития. В политическом отношении маргинальные регионы были зависимы от власти кочевых государств, более того, отдельные города и поселения становились центрами кочевых государств и империй.

Города и поселения в маргинальных регионах представляют собой города-полисы. Это можно проиллюстрировать на примере Восточного Туркестана, Южной Сибири, Поволжья, Ташкентско-Туркестанского региона и Ку-рамы /XVIII в./

248

Заключение

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

В исторической литературе Евразийская история всегда рассматривалась в привязке и в противопоставлении Восток - Запад. Под Западом подразумевалось, в первую очередь, пространство, плотно заселенное англо-саксонскими этносами, а затем и остальной романо-германский мир. Восток, прежде всего, олицетворяли такие древние цивилизации, как Китай и Индия, и, во вторую очередь, переднеазиатские регионы, включая Египет. Великая степная равнина Евразии, /включая территорию Казахстана/ выпала из данного контекста сложных взаимоотношений и не стала предметом серьезных историко-культурных изысканий. Большинство историков и культурологов, рассматривая Всемирную историю, где двумя полюсами мировой истории выступали Восток и Запад, всегда умудрялись как-то не замечать степную равнину Евразии. Сложные этнополитические процессы в самом центре огромного континента, довольно быстро реагирующие на любые изменения во внешней периферии Великой степи, остались незамеченными. Мост между Востоком и Западом взмывал над Великим евразийским поясом степей, и не касался судеб и деяний степных народов и их культур. Из-за такого высокомерия современных гуманитарных наук в научный оборот не вошли самые существенные закономерности и события истории, участниками которых всегда до Нового времени оказывались степные народы. Белые пятна, лежащие на карте истории, черной пленкой закрывают настоящую историю, свидетельствуя о недостоверности общей картины.

В исторической науке самооценку культур Востока и Запада достаточно изучена и осмыслена. Но не все знают о том, что существовал в истории и третий мир - цивилизация степных народов, культурно-историческая система, которая в тече-

249

ние многих тысячелетий служила структурообразующим началом человеческих деяний. Невозможно воссоздать Всемирную историю без центральной зоны, где тысячелетиями вырабатывались основные понятия священных человеческих ценностей и матрица действия этих ценностей - само человеческое общество. К сожалению, в самом начале формирования и становления современных гуманистических наук /истории, культурологии и т.д./ традиционный миропорядок был уничтожен. Быстрое распространение западной цивилизации завершилось политическим крахом и территориальными уступками пастушеских народов. XVIII в. стал периодом окончательного крушения гегемонии кочевников Евразии, захвата и порабощения их. Китай с востока, а Россия с запада захватили огромные степные просторы, послужившие в течение многих тысячелетий центром мирового порядка.

В исторических трудах, посвященных описанию взаимоотношений между Востоком и Западом, подчеркиваются и указываются, в первую очередь, заслуги древних восточных цивилизаций /Египет, Вавилон, Финикия, Карфаген/ в развитии средиземноморского региона. Неплохо изучены столкновения персов с греками. Яркими красками описывается

поход Александра Македонского на Восток. В конце XIX- начале XX вв. в историографии существовала и другая тенденция, возвеличивающая значение и роль Востока в формировании культуры и духовных ценностей запада. «Явилось с Востока христианство и покорило запад, и свою священную «Книгу» - Библию дало этому Западу», - писал академик С.Ф.Ольденбург в этих традициях./192. - С.5/.

Рим в период имперского могущества покорила Восток /имеется в виду Египет и провинции Западной Азии/, но был в значительной мере сам покорен его духовными ценностями. В византийскую эпоху связи между Востоком и Западом стали еще теснее. В эпоху раннего средневековья в эти разносторонние отношения включился Китай, и европейцы стали одеваться в шелковую одежду. Исследователи неоднократно писали о крестоносцах, также внесших свою лепту во взаимообогаще-

250

ния культур. И, наконец, именно в поисках путей на Восток европейцы совершили Великие географические открытия.

Такова общая картина Восточно-Западных связей. Восток, несмотря на громадный шаг, совершенный исследователями все еще остается «terra incognita». В первую очередь, недостижимы для западного человека творения Востока в области духа, философии, искусства и др. Недостижим сам феномен восточного человека. Во-вторых, сильно отличаются мировоззренческие принципы и ценностные ориентации двух цивилизационных систем. Особенно это заметно сейчас, когда Запад владеет рычагами политического и экономического господства на земле. Его экономический и военный потенциал, построенный на рационализме, разрушает самобытность Востока, уничтожает его нравственную основу и менталитет, втягивает во всемирную систему труда в качестве маловажного узла и источника дешевой рабочей силы. Восток превратился в периферию, потеряв свое влияние в мире, свою созидательную силу и культуру. В этом заключается тот неподдельный контраст, который отличает роль Запада от структурообразующей роли Великой степи.

Последняя, завоевывая и внося крепкую жизненную структуру в Восточные периферии, сама растворялась в них. В традиционную эпоху Великая степь - центральное ядро цивилизационного пространства - вмешивалась в жизнь восточных стран /и западных/ главным образом для выполнения своей миссии умиротворителя, строителя и созидательной силы. Уникальность многочисленных движений пастушеских народов в оседлые периферии мира заключается в том, что они одновременно выступали как разрушительная сила того, что доживало свой век, и сила, созидательная новые крепнущие государства. Степь восстанавливала законы, мирные условия труда, аккуратный сбор налогов и религиозно-духовные системы.

Пастушество в Центральной Азии в течение многих тысячелетий служило хранителем постоянного социального и космического порядка, благосостояния и единства общества и, самое главное - единства человеческого рода. Степная элита,

251

попадающая в страны Востока и Запада, во-первых, стремилась обеспечить социальную гармонию, духовно-символический универсум, которые осознавались ими, как прямое отражение космического порядка. Во-вторых, элита создавала политическую организацию завоеванного края и формировала сильную внешнюю политику. Во внутренней жизни общества уделялось внимание формированию механизма умиротворения. Самое главное, благодаря становлению государства налаживались внутренние экономические механизмы, позволяющие вести накопление прибавочного продукта. Таким образом, пастушеские племена, оставляя центральное ядро /Великую степь /, вносили освободившуюся энергию в формирование властного ядра в периферии.

Контакты пастушеских народов, проживающих вдоль Великого степного пояса

Евразии, с центрами восточных цивилизаций были продуктивными и результативными, но не всегда мирными и безоблачными. Жизненная практика кочевника не приемлет абсолютной трансцендентности и отвлеченных умозрений, наоборот, зависимость от сиюминутных капризов природы всегда толкало эти народы к активным деяниям и движениям. На протяжении огромной многотысячилетней истории народы Евразийского степного пояса постоянно сталкивались со всемогущей природой и постоянно предпринимали адекватные действия. Переход от кочевничества к полукочевому образу жизни, от кочевого скотоводства - к комплексному всегда создавал определенные ритмы истории, и процесс этот был обратим. В зависимости от амплитуды колебания и силы природных воздействий определяются и масштабы внешних воздействий кочевников на окружающий мир. Однако природные ресурсы Великой степи всегда были ограничены, а условия для жизни человека - всегда достаточно суровы, чтобы переходить к более интенсивной деятельности. С другой стороны, общественный быт степных народов, основанный на родовых отношениях, требовал постоянной активности, даже увлеченности населения проблемами общественно-политической жизни. С детских лет степняк вовлекался в

252

бурные общественные отношения и ему прививалась идея служения. Вокруг мира кочевников находились огромные ниши, удобные для разнообразной деятельности и спокойного существования по своим природным параметрам. Земледельческие цивилизации, занятые своими житейскими заботами, при отсутствии активной общественной жизни как магнит заманивали активную часть кочевников. Субпассионары в каждую эпоху при малейшем демографическом взрыве искали нишу для приложения своей энергии и шли в оседлые регионы. Как раннее пастушество, так и комплексное хозяйство, появившееся как результат эволюции пастушества, хорошо обеспечивали демографический рост населения. Сильные социальные устои, опирающиеся на традиции патриархальности, защита со стороны рода каждого индивида, члена коллектива, послужили основополагающим фактором бурного роста населения.

Кочевники Евразии, как доказывает наше предыдущее обозрение, ярко демонстрируют наполненность их жизненной энергией, способность к приспособлению и изменению окружающего мира. Их деятельная энергия в течение многих тысячелетий /начиная с IV тыс. до н.э./ не раз захлестывала не только ближние регионы, но и далекие оазисы древнего мира. Они давали мирной, монотонной жизни оседлого земледельца /этой вечной статичности/ динамичную, жизнеутверждающую энергию, внося стимул и структуру в первобытный хаос. На протяжении многих тысячелетий генеральное стержневое развитие Евразии, и в особенности Востока, определялось влиянием кочевых народов.

Каждый кризис в очагах древней цивилизации вызывал ответную реакцию у кочевников, которые как санитары устремлялись в этот больной организм. По большому счету это взаимодействие, несшее жизнеспособную структуру на Восток и Запад, можно считать действием исцеляющим, кочевники, как волчья стая, преследующая стадо сайгаков, добивали слабых и старых, освобождая путь молодым и способным. Более того, симбиоз кочевников и оседлых приводил к формированию новых этносов и совершенно новых государств.

253

Так было в начале человеческой истории, когда племена шумеров, двигаясь с севера на своих неуклюжих повозках и с огромным запасом молодой энергии, захватили и заселили Двуречье, подчинили оседлых земледельцев из

раннеземледельческих общин Месопотамии и создали государство. Первое общество, первая письменность, первое государство - именно из этого набора атрибутов берет свое начало человеческая история. За шумерами в Месопотамию, а далее и в Египет шли уже другие пастушеские племена Евразии. Современники шумеров, основатели Хараппы и Мохенджо-Даро в Индии приблизительно в эту эпоху /IV тыс. до н.э./ начали создавать мощный фундамент индийской цивилизации. К сожалению, эта малоисследованная проблема как бы выпала из нашей историографии и не оценена. Ведь индоарийское движение, по сравнению с миграциями эпохи шумеров, относится к позднему времени. Это уже вчерашняя история, довольно подробно излагаемая величайшими письменными источниками подобно «Авесте» и индийским «Ведам».

Оба эти движения для Востока были революционными, в смысле становления человеческой культуры, формирования свойств его бытия и т.д.

Но не только для Востока. На запад шли волны индоевропейцев из Великой степи. Каждый новый взрыв в степи усиливал влияние в континенте этого основного деятельного начала, как от камня, брошенного в тихий плес, круги все расширялись и охватывали огромные территории. В этом море движения встречались и отталкивались многие народы, происходило усиленное смешение и ассимиляция. Они консолидировались и создавали государства, чтобы в новом витке истории снова впадать в кризисы и стать добычей новых кочевников из Евразийского котла*.

Новый этап активности племен Великого степного пояса

** Степной мир временами напоминает кипящий котел, выбрасывающий пары с определенной интенсивностью. Вероятно, есть непонятная и неизученная нами закономерность. Следует более тщательно работать с представлениями пастушеских народов о числе 9/тоиз/и 7/жет1 ата/и 254*

наступает в VII-V вв. до н.э., т.е. в середине I тыс. до н.э., когда скифы в Европе, а саки в Азии принялись за перекаривание политической картины мира. В начале киммерийцы, а вслед за ними сако-массагетские племена, вторгаясь в Египет, Ассирию, Индию, Китай и Иран, вдохнули жизненные силы в древние цивилизации. В историческом обзоре мы несколько затрагивали события этого периода, отмеченного продвижениями многих групп кочевого населения. Происходит возрождение ряда восточных регионов. Великий Кир - сын пастуха, поднимает Ахеменидский Иран. В свою очередь под сильнейшим влиянием скифов происходит возрождение Древней Греции, где в борьбе полисов победителями вышли македонские цари. Мы наблюдаем за столкновением двух сверхдержав: Персии и Греции. По сути, вновь на территории Передней Азии встретились потомки ранних кочевников Великой Евразийской степи. Одни из них шли через Среднюю Азию и далее Иранское нагорье, другие через Северное Причерноморье в Балканы. Впрочем, немаловажную роль в контактах степных пастушеских племен Западной и Передней Азии играли так называемые Каспийские ворота /Дербент/. Скифо-саки оказали мощное влияние как на Запад, так и на Восток в силу массовости и перманентности движения. Слабо заметные в степных просторах Центральной Азии импульсы постепенно набирали силу и инерцию. Первоначальным очагом скифской триады и, прежде всего, звериного стиля стала глубинная территория, совпадающая с современными границами Центрального Казахстана /зона распространения памятников тасмолинской культуры «курганы с усами»/. Наиболее чистыми носителями ранней скифской культуры, вероятно, можно считать аргиппеев, иссе-донов и массагетов /основное ядро/. На втором этапе произошла кристаллизация нескольких ареалов /очагов/ скифо-сакской т.д. *«Турттен тотз атаю шешин хандъиым узитей келдг деп кит те тогыз, осы то1ыз-то1ыздан*

*бвпетутн жол-жоба сол Уыз ханнан калюн», - пишет знаток шежире М. -Ж. Копеев /141.- С. 13/.
Есть смысл вникнуть в содержание казахской поговорки: «Елу жылда ел жат, жуз жылда -казан».*

255

культуры по всей периферии Великого степного пояса: Сибирьско-Алтайская, Северо-Причерноморская, Семиреченская, Нижнесырдарьинская /Тагискен/ и др. Таким образом, вторжению скифов в Восточные цивилизации предшествовала определенная подготовка и перестройка самого кочевого общества.

Как объяснить упадок могущества скифов /и их современников/ в ходе многочисленных завоевательных походов Старого Света?

Однозначно они связаны с потерей скифами своих первоначальных качеств и ассимиляции в оседлой среде: отчуждение власти от общества, ослабление принципов самоорганизации общества, стремление к роскоши и деградация в чуждой городской культуре. Этот контраст, присутствующий в сравнении двух культур, не раз подчеркивался в древнегреческой публицистике. Лукиан устами скифского мудреца Токсарида в полемике о человеческих доблестях с греком Мнесиппом говорит следующее: «... дела эллинской дружбы по сравнению со скифскими - детская забава. Впрочем, наши чувства имеют разумное основание, и вполне естественно, что вы восхваляете незначительные деяния: ведь у Вас, живущих в глубоком мире, не может быть выдающихся своей необычностью случаев высказать дружбу. Так и во время затишья не узнаешь, хорош ли кормчий: для этого нужна буря. У нас же непрерывные войны: мы или сами нападаем на других, или обороняемся от набега, участвуем в схватках из-за пастбищ и сражаемся из-за добычи... Вот при каких условиях мы заключаем самую надежную дружбу, считая ее одну непобедимым и непреодолимым» /161. - С.352/. Ибн-Халдун, рассуждая о принципах устройства общества, кризис цивилизации напрямую связывал с ростом и усложнением городской жизни. В этом аргументе, столь присущем государствам, создаваемым пастушеской элитой на Востоке, есть рациональное зерно, объясняющее упадок правящих имперских династий: «Оседлая городская жизнь ведет к принятию разнообразных прихотей, культивированию соответствующих предметов, - пишет Ибн-Халдун. - Прису-

256

щее городской жизни стремление к роскоши подрывает устои хозяйственной деятельности и социального устройства. Как результат усердных, а подчас мучительных попыток удовлетворить потребности, вызванные такими прихотями, возрастают аморальность, злоупотребление, лицемерие, обман». /110. -С. 192/. Город в описаниях казахских источников изобилует всякого рода низкими людьми с порочными наклонностями. Уловки и обман - характерные черты для городского жителя, и все это в совокупности определяет кратковременность правления степных правителей в завоеванных странах. Отсутствие иммунитета перед многочисленными соблазнами, отрыв от степных традиций и родовой среды делает их уязвимыми перед любой опасностью. «*Крла болдыц мола болдыц*» - так однозначно оценивали в прошлом это состояние кочевники.

На первый взгляд, в начале нашей эры и в последующие эпохи сохраняется также характерное для древности мощное структурообразующее влияние степных народов на оседлый мир Востока и Запада. При этом, масштаб охватывает даже более значительный радиус пространства. Одряхлевший Восточно-Западный мир рушится на части под ударами конницы гуннов: на Востоке Китайская империя подписывает «договор о мире и родстве», что означает настоящее подданство, на Западе падает Римская империя. На юге гунны-эфталиты ставят на колени Сасанидскую державу. В ходе этого масштабного взрыва значительное количество степных пассионаров кочевников выбрасываются в эти регионы.

Но в этом процессе есть несколько своеобразных черт. Во-первых, фактор неожиданности. «Невиданный дотоле род людей, поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все», - пишет о гуннах римский историк IV в. Аммиан Марцеллин. Во-вторых, в ходе этого движения Запад и Восток впервые столкнулись с мощным натиском монголоидной расы. Тот же Марцеллин в своем описании особо подчеркивает отличия в антропологии: «члены тела у них мускулистые и креп-

257

кие. Шеи толстые, чудовищный и страшный вид...» /114. -С. 120/. В гуннскую эпоху, безусловно, имеет место сильный сдвиг в сторону усиления монголоидности у местного населения Казахстана. В целом, в рассматриваемое время сложилась европеоидно-монголоидная физическая основа современной тураноидной расы. Самая главная особенность, на наш взгляд, состоит в том, что центр активности в это время перемещается на восточные окраины степи. Вероятно, этот процесс связан с усилением перехода к кочевничеству охотничьих племен. Иордан, исходя из легендарных сведений, рассказывает о первых столкновениях готов /он называет их скифским племенем/ с гуннами, относит последних к охотничьим: «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указывающим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро... показалась скифская земля» /113. - С. 190/. Приск, будучи в составе римской делегации, направляющейся в ставку Атиллы, также пишет о том, что гунны не знали «никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что они увеличившись до размера племени стали тревожить покой соседних племен коварством и грабежами». Эти легендарные сведения относятся, конечно, не к началу нашей эры, когда гунны и другие племена его круга уже перешли к кочевничеству. Парадокс гуннских миграций состоит в том, что они впервые в истории Великой степи сделали мощный бросок с восточных горных окраин Великой степи /Алтая и Тарбагатая/ к Восточной Европе.

В исторической литературе это движение представляется несколько однобоко и рассматривается чрезвычайно узко, как движение таборное, бессистемное, без этно- и лингвистической общности. Одним словом, сброд «разноязыких и разноэтнических» племен. О государстве вообще не идет речь, поскольку движущаяся на запад толпа племен и родов - неорганизо-

258

ванное сообщество, государство начиналось обычно на грани двух стадий кочевания, т.е., на грани полукочевничества и полuosедлости. Кстати, наглядный пример такого подхода демонстрирует С.А. Плетнева: «Что же касается хунну, то, лишенные земель, они двинулись в далекий западный поход. Тысячи километров шли хунну по сибирским и уральским степям сквозь земли угрозязычных и тюркоязычных народов. Этот поход занял у них более 200 лет. За время движения хуннская волна постоянно пополнялась народами, побежденными и разоренными ими. И все они, естественно, переходили к таборному кочеванию, военно-демократическому строю и все одинаково участвовали в нашествии, медленно и неуклонно двигавшемуся на европейские степи» /198. - С. 19/.

В Великом движении гуннов, по всей видимости, необходимо вычленить три этапа. О первом этапе нам уже приходилось говорить, он связан с восточными окраинами Великой степи, где сформировались основные этнокультурные параметры гуннского

сообщества, и там же произошло формирование мощной политической системы, в борьбе как против соседних народов, так и против Китая. Во втором этапе, мы видим гуннские племена уже в степях Центрального Казахстана и на территории Средней Азии /вслед за юечжами/. Вероятно, продвижение гуннских племен было массовым и основательным. Об этом свидетельствуют как появление культовых памятников в направлении Восток - Запад, так и перемещения доминирующих родов*.

Следовательно, после многих лет борьбы степных племён на Востоке, на территории Сары Арка происходит кристаллизация и концентрация, позволившая им накопить силы для за-

**В первом случае речь идет о таких памятниках (дынг) эпохи гуннов, как Козы корпеш-Баян сулу, Домбауыл, Теке и др. Характерно, что эпически сюжет о Козы корпеш - Баян сулу встречается практически у всех тюркоязычных народов Центральной Азии. Домбауыл построен в Улытау, является древнекультовым и политическим центром Великой степи. Мавзолеем Теке, по сведениям А.Х. Маргулана, находился в Тургайских степях.*

Во втором случае, речь идет о доминирующих родах гуннов эпохи Модэ

259

падного движения. Таким образом, второй этап гуннской этно-политической истории можно связать с Центральным Казахстаном. Одновременно повышенная концентрация населения в регионе привела к перемещению местных племен алашского субстрата на юг. Вероятно, только так можно объяснить возникновение на территории Средней Азии империи белых гуннов. В описании «Истории Юстиниана» образ жизни эфталитов /белых гуннов/ преподносится совсем в другом свете, нежели восточных гуннов: «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийскими /персидскими/ войсками. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид» /231. - С. 131/.

Древнетюркский степной мир мы видим в окружении трех крупных систем /хозяйственных, идеологических и т.д./: ви-•зантийско-греческой - на западе, арабо-исламской - на юге, китайско-буддийской - на востоке. Наличие таких крупных сформировавшихся систем на огромном Евразийском континенте при активном действии тюркского центра привело к изменениям, равным социальным революциям. В целом, структуру развития этой эпохи можно оценивать как ренессансную, равную среднеазиатскому мусульманскому ренессансу.

В этот период в Великой степи не происходит без каких-либо крупных перемещений населения, того хаоса и босу, которые характерно для эпохи гуннов и т.д. Наоборот, во всем чувствуется стабильность, долговечность, созидательная деятельность.

Пассионарная энергия преобразовывается в кипучую хозяйственно-культурную созидательную работу в периферии. В целом можно говорить о существовании культурного

шанью. Так, в источнике «Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома» /49. - С. 49/. Вероятно: дом Хуянь следует связать с родом Куан /дык/, Лань - Алан /ша/, Сюйбу - Суйун дык/, известные в позднейшей истории степных народов/особенно в казахский период/как представители старшей линии племен: в казахских преданиях эта группа Бес Мейрам. В эпитете «Абылай аспас Арк/аныцСарыбель» подразумевается эта старшая группа.

260

общетюркского комплекса, включавшего широко распространенные по всей территории Великой Степи во второй половине I тыс. до н.э.: материальную культуру, идеологические представления и духовные помыслы. Культура кочевых племен и оседлых регионов выступает в органической целостности, составляя культурную единую систему. Наиболее концентрированно эта культура проявляется в маргинальных зонах, где противостояние тюркской культуры с окружающим оседлым миром обретает рельефный характер. Так появилась богатая

письменность и литература, развитая городская культура, трансконтинентальная торговля /Великий Шелковый путь и меридиональные пути/, увлечение тюрков с разными религиозными системами. Центральным ядром тюркской культуры являются богатырские сказания, образы мудрых и вещей сказителей, вселенский и стремящийся к бессмертию человеческий дух, в общем, все то, что характерно, в первую очередь, для Великой Степи. Есть много общего между тюркскими и сакскими периодами истории Евразийского степного пояса. Интересны оценки византийских авторов, неплохо разбиравшихся в сложных этнических перипетиях Великой Степи. Многие из них напрямую связывали тюрков с сакским субстратом. Так, Менаандр Протектор пишет: «Турки, в древности называвшиеся саками, отправили к Юстину посольство с мирными предложениями». /114. - С. 135/. Другой историк Феофан, описавший деяния Юстина II и Тиверия (565-581 гг.) пишет: «на Востоке от Тана-ида /Дон/ живут турки /тюрки/, в древности называвшиеся мас-сагетами» /114. - С. 140/. Так, тысячу лет назад тюркские племена на окраинах степи образовали несколько вполне самостоятельных и локальных очагов степной культуры, которые, в свою очередь, оказывали сильное структурообразующее влияние /тюркизация/ на более глубинные оседлые регионы. Мощная попытка структурообразования Евразийского мира была совершена монголами. Этот процесс по-разному интерпретируется в историографии и в основном преобладает негативная, односторонняя оценка его последствий. Но никто не может отрицать факт обновления этнополитической картины

261

Евразии. Энергия монголов, не ограничиваясь внутренними регионами Центральной Азии выходит далеко за ее пределы, затрагивая Центральную и Южную Европу, глубинные районы Азии /Северная Индия и даже Индокитай/, и Северную Африку. Есть много общего в молниеносных вторжениях монгольской конницы с гуннами и их союзниками. В существующий миропорядок вторжениями племен из глубин степей вносится новая динамика и обновление.

Средневековая Европа под гнетом христианской теократии, занятая преследованием ведьм и озабоченная поисками гробницы Христа, потерявшая нормальные социальные ориентиры была встряхнута монголами. Именно в эпоху владычества в Великой Степи монголов и благодаря обустроенной им торговле создавалась основа современной цивилизации Европы. Вероятно, с вершины этой материальной системы /цивилизации/, движения степных народов в XIII-XIV в.в. кажутся бессмысленными и несущими смерть с разрушительными тенденциями полной деструкцией. Но непосредственные результаты подсказывают, что в ней действовали те же принципы, заложенные в движениях древних шумеров, скифов, гуннов и т.д. Они несли в оседлый мир жизненную энергию, накопившуюся столетиями в безбрежных степных равнинах Евразии, и заполняли ею оседлые лагуны. Это движение стоило самим степным народам огромного напряжения, людских и материальных потерь. Но такова воля судьбы, начертанная на скрижалях, она должна была свершиться.

Монгольский взрыв привел в движение огромные массы населения степного пояса и маргинальных территорий. В Евразии были созданы десятки крупнейших государств с господствующими монголо-тюркскими династиями. Золотая Орда с ее огромным влиянием в восточной, северной и южной частях Европы, а также зависимые и составные ее владения в Сибири, на Кавказе, в Хорезме; Хулагидский Иран и его влияние в Закавказье, в Передней и Западной Азии; находящийся между

родовой территорией монголов и Золотой Ордой Шагатайский улус; не говоря о Китае и других странах Востока, свидетель-
262

ствуют об огромных масштабах и возможностях структурообразующего влияния степных народов в период своего наивысшего могущества.

Те же закономерности лежат в основе мощного последнего взрыва кочевого мира в постзолотоордынское время. Но это было движение уже обречённых на поражение и гибель пассионарных этнических групп. В многовекторных движениях степных народов Нового времени можно наблюдать многие, знакомые нам из предшествующих обзоров характерные черты. Чрезвычайно мощный и быстрый бросок совершённый торгоуытами из долин Алтая и Тарбагатай в Поволжье, повторяет путь гуннских племен. Фактически калмыки не смогли освоить занятые ими у казахов земли Арка и оставляя свои немногочисленные хиты /храмы/ прошли на западные окраины Великой Степи.

В период могущества Джунгарского ханства Цэвэн Раптан и Галдан Цэрэн повторяют в принципе те же действия, что совершали основатели Тюркского каганата, занимая поочередно вначале Восточно-Туркестанский оазис, затем Туркестано-Таш-кентский, и только после этого Мавераннахр, создают новую экономическую систему, которая держится благодаря Восточно-Западной торговле. В истории Евразии мы наблюдаем постоянное чередование расцвета и упадка этой торговой магистрали.

Научный анализ политических событий в Центральной Азии в Новое время высвечивает одно интересное явление. Несмотря на чрезвычайно сложные обстоятельства, основному этносу центральных районов Великой Степи - казахам - удалось отстоять территориальную и политическую целостность. На наш взгляд, фактором спасения казахов служила возможность маневрирования по меридиональной линии юг - север, следуя движению маятника. Исторический обзор, сделанный нами в предшествующих разделах позволяет проецировать этот маршрут, комбинированный из политико-хозяйственных ниш на более отдаленные периоды: монгольский, тюркский, гуннский, сакский, арийский и т.д. Смена государств и

263

политических систем фактически не отражается в преемственности этнической истории и этногенеза.

До сих пор Великие движения кочевников Евразии в научной историографии рассматривались как движения с востока на запад. Главная задача последующего повествования заключается в ниспровержении этого популярного тезиса и доказательство того очевидного для нас исторического факта, что стержневая линия как социально-экономического, так и политического развития Казахстана связана с осью север - юг. Особенно уязвимо утвердившееся в нашей историографии положение о том, что территория Казахстана являлась всего-навсего перевалочной базой между Западом и Востоком. Традиция восходит к временам Н.А. Аристова: «... по своему географическому положению, киргиз-казачьи степи помешали все непосредственно спускающиеся в них с Алтая тюркские племена, а потом дали приют и остальным тюркским племенам, обитавшим первоначально в Монголии», - писал этот исследователь в конце XIX в. /22. - С. 76/.

Получается, что территория Казахстана служила как бы приютом для бездомных племен, отправляющихся на Запад в целях обретения родины. Этот тезис отрицает, во-первых, преемственность этнических процессов на территории Казахстана на протяжении последних тысячелетий, во-вторых, отрицает причастность территории Казахстана к древнейшим культурам человечества, оттесняет ее на транзитное поле. Известно, что этнический состав казахов представляет собой чрезвычайно сложный

клубок племен и родов, в основном древнего и средневекового происхождения. Никто не отрицает того, что в составе казахов имеются осколки древнейших степных народов Евразии. Но никто не может отрицать и того факта, что в большинстве они имели автохтонное происхождение, т.е. испокон веков жили на территории Казахстана. К сожалению, вывод Н.А. Аристова, продиктованный, возможно, бедностью письменного материала о казахских родах, находит своих сторонников и по сей день. Зависимость научной историографии от письменных источников Востока /Ки-264

тай/ и Запада /античный/ не позволяет раскрыть истинную картину этнических процессов древнего периода. То же самое по отношению к средневековому периоду, частично освещенному китайскими источниками, а также арабо-персидскими, византийскими и т.д. В целом, мы имеем фрагментарную картину этнических процессов, иллюстрирующую этнические процессы на перифериях Казахстана, оставляя незатронутой центральную часть. В результате, складывается впечатление, что территория Казахстана была необжитой, необитаемой и заселение ее происходило только благодаря активному движению племен с Востока в тюркский период истории Евразии. Это глубокое заблуждение.

Мы не будем повторять то, что мы изложили в предыдущих параграфах о ранних периодах истории. Одно неопровержимо: в эпоху неолита, когда совершалась величайшая революция в истории человечества, когда осуществлялся коренной перелом в связи с переходом к земледелию и скотоводству, территория Казахстана была достаточно плотно заселена. Пре-полагается, что именно на этих огромных степных просторах люди переходят первыми к одомашниванию лошади, и коневодство становится доминирующим видом хозяйственной деятельности. Мы также знаем о том, что одновременно во многих районах земного шара, особенно на территории Передней Азии, активно распространяется земледелие, как базовая отрасль хозяйства.

При существующих природно-климатических условиях формирующееся скотоводческое хозяйство требовало подвижности. Про лошадей кочевники говорят «*туар мал*» /Жалаир/ «*аяцпы мал*» - «они любят двигаться» /Ф.Щербина/ и, следовательно, первые коневоды также подчинились этой закономерности. Скот требовал новых пастбищ и хорошего травостоя, обмена. Таким образом, уже в эпоху позднего неолита и энеолита большинство занятого в скотоводстве населения в той или иной степени ведёт подвижный образ жизни. Вероятно, в тех северных регионах, Ботай и др. поселения, где практиковалось табунное коневодство, сформировалось

265

своеобразное распределение пастбищ. В зимний период лошадей держали в лесостепных районах, там, где обнаруживается в наше время большинство поселений этого периода, а в летний период они паслись в степных пастбищах ближе к югу /современные границы Сары Арки/. Подобная система коневодческого хозяйства существовала у казахов в ХУШ - и в начале XIX вв. в Северном и Северо-Восточном Казахстане. Различные архивные документы свидетельствуют о том, что большое количество табунов на зимнюю пастьбу отгонялись в правобережье р. Иртыш /в Кулундинские степи/.

Наиболее известный у поздних кочевников и, возможно, самый рациональный путь ведения кочевого хозяйства связан с Великим меридианальным путем /по маршруту север-юг/. В золотоордынское и постзолотоордынское время этой системой было охвачено, на наш взгляд, не менее миллиона человек, находящихся в состоянии постоянных перекочевок с севера на юг и обратно. Вероятно, по меридианальным путям двигались еще в эпоху неолита охотничьи племена, следующие за стадами диких лошадей, куланов, сайги, лосей, каракуйрыков и т.д. В процессе domestikации лошади, этот маршрут стал основополагающим в формировании хозяйственно-культурного типа степных кочевников.

Несколько параллелей для иллюстрации вышесказанного из жизни казахов второй

половины ХДС в. Мне представляется, что этот период относительно больше подходит для ретроспективного анализа древнего комплексного хозяйства. Так, казахи северных уездов Акмолинской и Семипалатинской областей зимовали в более северных широтах, а летом кочевали южнее. В то же время, южные уезды указанных областей зимовали за р. Сарысу и летом поднимались на север. О сложившейся системе степных передвижений племен пишет В.К. фон Герн: «... по дорогам от р. Сарысу до р. Чу летом нельзя встретить аулов киргиз Акмолинского уезда, потому что Чуйская, Мунглинская и Атасуйская волости, зимующие вблизи обеих дорог, летом уходят к северу от р. Сарысу имея летние стойбища близ берегов р. Сюрту и вокруг Конэк» /80 - С. 11/.

266

По наблюдениям В.К. фон Герна, волости, зимующие южнее р. Сарысу, переходят эту реку по направлению к зимовкам, в конце августа, а те которые зимуют на р. Чу - в октябре приходят со своими стадами к северным границам пустыни Бет-пакдала, с тем, чтобы при первой возможности воспользоваться для перехода через эту пустыню. Одновременно, этот маршрут служит основным маршрутом сезонных миграций диких животных. В.К. фон Герн пишет о табунах диких лошадей, часто встречающихся по пути через Бетпакдалу. Он лично застрелил из большого косяка шесть диких куланов. /89. - С.21/. Один из выдающихся этнографов ХГХ в. М.Чорманов в своих заметках писал о казахских родах, в продолжение всего года охотящихся за дикими лошадьми. В большом употреблении были у охотничьих групп казы и карта куланов, приготовляемых в соответствии с общераспространенными рецептами. Примечательны также слова М.Чорманова о некоторых необходимых условиях коневодства: «Без теплых зимовок табуно-водство существовать не может. Оттого эта отрасль скотоводства процветает только в тех уездах, которые имеют наиболее мест удобных для зимних стойбищ» /253. - С.20/.

Выгодность и преимущество меридианального пути прямо связано с близостью на юге развитого земледельческого региона. К Мавераннахрскому очагу оседлой культуры примыкал связанной с Великой степью маргинальный Туркестано-Таш-кентский оазис. Вероятно, еще в поздненеолитическую эпоху, когда на юге действовали Намазги, Джейтун и др., на юге Казахстана, на стыке двух хозяйственно-культурных типов, появились первые городские поселения. Вряд ли стоит доказывать, что причиной появления ранних городов в Туркестано-Ташкентском оазисе /по р. Сырдарья/ была торговля и обмен между кочевниками и земледельцами юга. Именно торговля рассматривается нами как основной градообразующий фактор в указанной маргинальной территории. Город растет, в первую очередь, как пункт торговли, во-вторых, как центр ремесленного производства, и в-третьих, как административный центр.

267

Хозяйственное освоение меридиональных путей /север-юг/ местным населением, вероятно, относится ко времени возникновения и формирования коневодства, т.е. к эпохе позднего неолита. В различных архаических вариантах древних сказаний параллельно встречаются как охотничьи, так и коневодческие сюжеты. Так, в сказке «*Ер Твстт*» главный герой ищет своих братьев пешком: «*Кемтр-шалт ац мен к,устыц етиц какунап уиш береди де, ГостіК жолт шытды. Белте садах: байланады, кольта телар таяк алады, аягына темгр етт киедг. Аи журеЫ, жьгл журедІ, талой енді, талой жердг аралайды. Жолдасы да - садам, азыгы да - сада/ы, жолыцда кез-келген ацды атып жеп отырады...вдт-талдым деп келт, тау т шыцса, караыткан калин жылкьг кертедг. Жылкыт келсе, жылкьтыц штде тігулі тур Ғап кара крс тур. Крска крсе, шулг бакьгр тур. БакьІрдьщІ тскен етпен толы екен*».

Наиболее важным из магистральных дорог, пересекающих пустыню Бетпакдала, был путь из среднего течения Сырдарьи в Степь. В народе эта магистраль в зависимости от некоторых вариаций в пути следования имеет различные названия: Дже-тыкорунская, Уванаская и т.д. /в ХГХ - начале ХХ вв. отличали «Таракты жолы», «Тама жолы» /по

названиям родов/. В целом, основной маршрут проходил по долине р. Сарысу, основной и единственной водной магистрали, пересекающей Бетпакдалу. Наиболее тяжелой частью этой дороги, по мнению академика А.Х.Маргулана «считался участок безводной пустыни, расположенный между долиной р. Чу и Сорбулаком, имеющий протяжение около 180 км» /168. - С.21/. Этот участок практически лишен всякой растительности и представляет собой бесплодную и безжизненную пустыню.

В различных источниках отмечается, что более или менее сносный корм и питьевую воду можно найти лишь после Сор-булака /в урочищах Жидели кудык/. В дневнике своей поездки через Бетпакдалу в 1883 г. В.К. фон Герн писал: «заросли сексе-ула встречаются к северу от пустыни Бетпакдала за Сорула-ком, увеличивается, по направлению прямо к северу от него и,

268

достигая значительных перелесков по направлению к оврагу Кок тас». /80. - С.4/. В описываемое время казахи Чуйской волости Акмолинского уезда в зимнее время, во время буранов свои табуны лошадей сохраняли в этих сексеуловых зарослях. Наиболее подвижные группы родов, несмотря на трудности, переходили поздней осенью указанные пустынные участки в направлении на юг. Примечательно, что вдоль этой трассы археологами обнаружены древние стоянки и многочисленные остатки кремневых орудий. Этот тяжелый и мучительный путь по безводной и голой пустыне был овеян легендами еще в древности. В выше упомянутой сказке «*Ер Твстт*» местом изначально проклятым называется Соркудук, находящийся на границе Бетпакдалы. Отец Кенжекей предупреждает свою дочь следующим напутствием: «*К,ызымасепемайт, Сорк,удыктыцбасынаквитк,он-дырмасын, крндырса Кесір болады*». Но старый Ерназар, отец Ер Тостыка, не склонен принимать чужие советы, из-за чего в скором времени начались несчастья и приключения этой семьи. Попав в сети оборотня /*жалмауыз кемтр*/, Ерназар жертвует своим любимым сыном: «*Твстт жылкыдан алпгы аякты ала атты мтт, жетI аякты жирен атты жетегте алыт келе жатк/анда, алдынан Кенжекей шыгып мынаны айтады:*

Сорхудыктыцбасына

Сорт бола крнды атом.

Жамауызыю жал/ызын

Жанынан крркзып берді атом».

В эпоху бронзы меридиональный путь, по которому двигались племена охотников и коневодов, превратился в крупную торговую артерию между цивилизациями Востока и Великой степью. В последнем широко развивается производство меди, олова и других цветных металлов. По самым приблизительным оценкам размеры добычи медной руды достигали милли-оннов тонн и фактически обеспечивали не столько внутренние потребности, сколько внешние запросы. Экспортно было ориентировано не только готовая медь, но и технология получения бронзы и других сплавов. В непосредственной

связке, ве-

269

роятно, следует рассматривать запоздалое появление бронзы в других регионах /Передняя Азия, Китай и др./.

Наряду с возникновением в центральных степных регионах древней металлургии и протогородских поселений, одновременно на юге появились крупные перевалочные станции и города специализирующиеся в торговле металлом. Медь, олово и другие металлы, добываемые в Центральном Казахстане, поступали в виде слитков в города по р. Сырдарья, оттуда переправлялись в Переднюю Азию, в Северную Индию и т.д. Один из крупных городов среднего течения Сырдарьи назывался Дизроин /город меди/.

М.Кашгари пишет о том, что это название произошло от крепости. Вероятно, такая интерпретация не полностью раскрывает первоначальное значение города: «*Кейбгреулер буки Мвуреннахрды Туріх ет деп те есеп-теиді. Ол Янгикенттен басталады. Онъцтат*

дiр аты - Дизроин Мыс имБары. Еертiзiте байланысты солай аталюн. Бул Букарага жахын. Осы жерде Афрасияптың х^гзы Каздын Куеуi Сияуыш ептiрiуiзен. Мажусилер жыл сайын сонда бiр кун жиналгът, курмандык; шалып, кабгрте к,анын шашады» /127. - С. 17/. Меридиональные пути через южные пустыни служили и для отправляющихся в дальние миграции степных племен. Так, у казахов как Западного, так и Центрального Казахстана еще в XIX в. были живы смутные воспоминания о народах, покинувших Великую степь в древности. Часто встречаются высказывания в речитативе: «Букрныс - жетI журттан калюн крныс, нотйдын квшт талаксалтн к,оныс» /92/. В записях М.Ж.Купеева, в принципе, также повествование идет в этом духе: «Сонан бгрнеше журт келт, неше журт келт, ак;ыр аягы мьщ деген бiр журт иеяентгт, о да Кетiптi. Ширейгш деген бiр журт иелентгт, о да Кетiптi. Бул екеутен со ц но гай иеленiптi. Олардан калюн бетi бар, вр жерде калтн улгI бар».

Переход к постоянным маршрутам и стабилизация мест зимних стоянок племен связывается с наступлением сакской эпохи. По мнению К. Акишева, лучшие из стоянок не менялись «за весь период существования кочевого скотоводства на территории Казахстана» /15. - С.33/.

270

Речь идет о формировании не столько стабильных маршрутов, а скорее всего, комплексного хозяйственно-культурного уклада, сочетавшего кочевое скотоводство в северных регионах и оседлое-земледельческое на юге. Временами, в силу каких-либо внутренних причин, или под давлением внешних обстоятельств, происходит выплескивание части племен за пределы Великого степного пояса Евразии. Эти, так называемые элитные движения, оказывали кардинальное воздействие на судьбы оседлых культур Востока и Запада. В то же время, для большинства из них характерна обратимость. Так, легендарный предводитель кочевников Огуз-хан после каждого похода возвращается в свой коренной юрт, в горы Эрь-таг и Герь-таг /т.е., в Центральный Казахстан/: «Прожив много лет в завоеванных странах, Угуз-хан уничтожил врагов, облагодетворил друзей, во всех областях, которым голова Сирам, а ноги Египет, поставив правителей, возвратился в свой юрт» /6. - С.23/.

В начале первого тысячелетия до н.э. окончательно сформировались этногенетические предания о происхождении народа Алаш, коренного субстрата степных племен. Эти древние мифы зафиксировали характер этнической структуры кочевников, во главе которых стоят сыновья или приближенные великого родоначальника народов Великого степного пояса Евразии Алаша-хана. Очевидно, стабилизация, наступившая в начале I тыс. до н.э., привела к формированию единых форм материальной культуры /как повозка, юрта, конская сбруя, костюм/. В последующем, несмотря на различные перипетии судьбы, преемственность в этнокультурном развитии Великого степного пояса Евразии фактически не меняется и наследуется в XV в. казахскими племенами. Наиболее наглядным доказательством этого факта является предпринятое казахами строительство в XV - начале XVI вв. /вероятно при Касым-хане/ мавзолея Алаша-хана. При наступлении тотального кризиса степной номадической культуры и потери политического лидерства степные племена обратились к этой легендарной культовой

271

фигуре первопредка, олицетворяющего единства мира кочевников Евразии. Меридиональный путь с древнейших времен стал служить культурно-духовным целям народов Центральной Азии. В отрогах Великих возвышенностей Улытау появляются первые проповедники зороастрийской веры, и пророк Зороастр не раз

путешествовал через Бетпакдалу, распространяя духовные ценности веры. С тех древних лет сложилось священное отношение к земле, как к колыбели человеческой, как к основопологающей субстанции. Арка, суровые величайшие равнины и степной мелкосопочник, назывался отцовским юртом *lata журт!*, животворный, благодатный, жаркий юг назывался материнским юртом *ана журт!*. Такая ориентация для казахов стала спасательной в годы различных бедствий /босу/.

Так сложилась ось Великой степной культуры Евразии. Несмотря на все потрясения, выпавшие на долю кочевников ядровая территория служила началом и фундаментом этничности, стержнем этнокультурных традиций. Основная ось, по которой функционировала жизненная энергия степного мира, была связана с Великим меридиональным путем. Эпицентр системы координат Евразийского степного мира находился в Сарыарке, известной как политический и культовый центр, как отчий дом. Здесь вызревали наиболее сложные процессы в истории кочевничества и наиболее остро ощущалось нарушение мировой гармонии, по зову которой стремились степные пассионарии.

Список литературы:

1. Эбшгазы. Турйс шеж!рес! /Кене турне тшнен аударган Б.Эбшкасы-мов. - Алматы, 1991.
2. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших традициях индоиранских народов //Древний Восток и античный мир. - М., 1972, С.26-37.
3. Абенев Е. Цивилизационные основы казахстанской государственности//Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. -1996. -№3.-С.91-109.
4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи.-Л., 1972.
5. Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории /на материалах тюрк-козычных кочевников// Советская этнография. -1975. - №6. - С.28-41.
6. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. /Пер. и предисловие Г.С.Саблукова, с послеслов. и прим. Н.Ф.Катанова. - Казань, 1906.
7. Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. - Алматы, 1998.
8. Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата /Перевод с авестийского И.Стеблин-Каменского. - М., 1993.
9. Авдиев В.И. История древнего Востока. 3-е изд. - М., 1970.
10. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969.
11. Агаджанов С.Г. Государство Сельджуков и Средняя Азия в XI-XII вв.-М., 1991.
12. Аджигали С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана /на основе исследования малых форм/. -Алматы, 1994.
13. Айдаров Г. Орхон ескерткшгершщ текст! - Алматы, 1990.
14. Акимушкин О.Ф. Хронология правителей восточной части чагатайского улуса /линия Туглук-Тимур хана// Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. - М., 1984.
15. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана//Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. С.31-46.
16. Алдаспан. XV-XVIII гасырлардагы казак, акыш-жырауларының шығармаларжинагы. Курастырушы М.Магауин. -Алматы, 1971.
17. Алимбай Н., Муқанов М.С., Аргынбаев ХТрадиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. - Алматы, 1998.
18. Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана /о древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком/. - Алма-Ата, 1979.
19. Алпысбесулы М.А. Этнологическая интерпретация истории Казахстана по материалам шежиры казахов. - Караганда, 2000.
20. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира /историко-этнографическое исследование/. - М.,1985.
21. Аргынбаев Х., Мукднов М., Вострое В. Казак, шешрес! хакында (кураст.: Э.Шрманов). - Алматы, 2000.
22. Аристов Н.А.Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. - СПб., 1897.
23. Аристов Н.А.Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и

- начинающихся антропологических исследований // Живая старина. - Вып. III-IV. - Спб., 1894.-С.391-486.
24. Артыкбаев Ж.О. Казак, этнографиясы: этнос және қоғам. XVIII ғасыр. - Караганды, 1995.
25. Артыкбаев Ж.О. Казак, мемлекет: сипаты, қурылымы және қызмет //Казак, мемлекеттің қалыптасу кезеңдері мен тарихи тағдырлары. Халықаралық ғылыми - теориялық, Марғұлан оқулары конференциясының ғылыми жинағы. Жезқазған, 1998. - С.20-27.
26. Артыкбаев Ж.О.История Казахстана. Прикосновение к истории равносильно осознанию вечности. - Астана. 1999.
27. Артыкбаев Ж.О. Казахское государство: к проблеме методологии. // Государство и общество в странах постсоветского Востока: история, современность, перспективы: Материалы Международной конференции. Отв. ред. М.Х. Абусеитова. - Алматы, 1999. - С.37-47.
28. Артыкбаев Ж.О., Алпысбесулы М. Казахское шежіре: к проблеме методологии //Отан тарихы. - 1999. - № 2. - С.5-10.
29. Артыкбаев Ж.О., Ибрагимов Ж.И. 1916 жыл: хандық биліктің жаңғыруы// Отан тарихы. -1999, №2. - С.5-10
30. Артыкбаев Ж.О. Қызылорда тарихы: оқулық-хрестоматия. - Астана, 2000.
31. Артыкбаев Ж.О. Алаша хан /Казахское шежіре об эпохе Алаша хана/ // Қазақстандағы тарихи - мәдени ұрпақтың еткені, бұлғы мен болашағы. Марғұлан оқуларының ғылыми жинағы. - Жезқазған, 2000. - С. 12-18.
32. Артыкбаев Ж.О.Материалы к истории правящего дома казахов. -Алматы, 2001.
33. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества //Расы и народы. - Вып.2 - М., 1972. - С. 19-29.
34. Асфендияров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. -М.-Алма-Ата, 1935.
35. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1989.
81. Геродот. История в девяти книгах. /Перевод с греческого Ф.Г.Мищенко. Изд. 2-е. - М., 1888.
82. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. -М., 1970.
83. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - М., 1980.
84. Григорьев В.В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. - 1875, март.
85. Гундогдиев О. Прошлое туркмен. - М., 1998.
86. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. - М., 1967.
87. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М., 1972.
88. Гуревич Е.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX вв. - М., 1979.
89. Дахшлейгер Г.Ф. О периодизации дореволюционной истории Казахстана//МНС. - Ташкент, 1955. - С.457-464.
90. Диваев А. Алаша-хан. // Туркестанские ведомости. -1902, № 90.
91. Диваев А. Тарту. /Құраст., алғы сөз және тусық жазған Ф.Ораза-ева. - Алматы, 1992.
92. Досмухамедұлы Х. Аламан. /Құраст., алғы сөз және тусық Р.Әне-сов, А.Мектепов, Ш.Керімов. - Алматы, 1991.
93. Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
94. Дулат. Замана сазы: өлеңдер мен дастандар. /Құраст., баспаға әзірлеген К.Бірімшіков. - Алматы, 1991.
95. Дулати М.-Х. Тарих - и Рашиди. Рашидова история. /Пер. с персид. языка, 2-е изд. дополн. - Алматы, 1999.
96. Дьяконов И.М. Прародина индоевропейцев (по поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?»). - М., 1994) // ВДИ. -1995, № 1. - С. 123-130.
97. Дьяконов И.М. История Мидии. - М.-Л., 1956.
98. Дьяконов М.М. Очерки истории Древнего Ирана. - М., 1961.
99. Егер О. Древний мир//Всемирная история. - Т. 1. - СПб., 1903.
100. Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. - 1972, №7. - С.32-42.
101. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XII-XIV вв. -М., 1985.
103. Ер Едіге//Едіге батыр. -Алматы, 1996.
104. Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих эпохи бронзы из городища Алтын-депе //Новые археологические открытия в Туркменистане. -Ашхабад, 1982.
105. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л., 1974.
106. Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане/некоторые исторические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С.274-282.
106. Жданко Т.А. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России

- //Современные этнические процессы в СССР. -М., 1975. - С.33-84.
107. Зайберт В.Д. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана//Взаимодействие кочевых культур и оседлых цивилизаций. - Алма-Ата, 1989.-С.171-179.
108. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. - Петропавловск, 1993.
109. Златкин В.Ф. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов. //Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. - Вып. 1. - Элиста, 1974. - С.28-35.
110. Ибн Халдун. О причинах упадка цивилизационной жизни //Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С.Ерасов. - М., 1998. - С.191-192.
111. Иванин М. О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане./ 2-е изд. - Алматы, 1998.
112. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т.1-3. - М., 1971-1984.
113. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. /Вступ. статья, перевод, комментарий Е.Ч.Скрижинской. - М., 1960.
114. Ирмуханов Б.Б. Прошлое Казахстана в письменных источниках V в. до н.э. (извлечения из источников). - Алматы, 1997.
115. История древнего Востока. /Под ред. В.И. Кузищина. 2-е изд. -М., 1988.
116. История древнего мира. /Под ред.И.М.Дьяконова, В.Д.Нероновой, И.С.Свеницкой.Т.1. Ранняя древность. - М., 1982.; Т.П. Расцвет древних обществ.-М., 1983.;Т.Ш. Упадок древних обществ.-М., 1983.
117. История Ирана (с древнейших времен до конца XVIII в.). М.. 1958.
118. История первобытного общества. Эпоха классового образования. - М., 1988.
119. Кадыргали Жалаири. Шежірелер жинагы. - Алматы, 1997.
120. Кдзактштнкыскашаэтимологиялыкседт. -Алматы, 1966.
121. Казакша-монголшасездок. - Элгий, 1997.
122. Казахи. Историко-этнографическое исследование. -Алматы, 1995.
123. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. - Алма-Ата, 1961.
124. Кайдаров А.Т. Тюркская этимология: проблемы и задачи //Проблемы этимологии тюркских языков. - Алма-Ата, 1990.
125. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана/по этнографическим данным/. -М., 1976.
126. Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. - М., 1907.
127. Қашқари М. Турк тшнщ сездш: («Диуани лугах ит-турш»): 3 томдык. шығармалар жинагы/Қазак, тшше аударған, алгы сесі мен гылы-ми тусшжтерш жазған? А. Егеубай. - Алматы, 1997.
128. Керімбаев Е. Атаулар сыры. - Алматы, 1984.
129. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964.
130. Книга Марко Поло. Серия: путешествия, открытия, приключения. - Алма-Ата, 1990.
131. Ковалевский М. Общинное землевладение: причины, ход и последствия его разложения. - Ч. 1. - М., 1879.
132. Кодар А. Мирозрение кочевников в свете Степного знания // Культурные контексты Казахстана: история и современность. - Алматы 1998. - С.56-65.
133. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». - Т.1. - М.-Л., 1941.
134. Козы Корпеш - Баян сулу. Лиро-эпос жыры. - Алматы, 1985.
135. Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. - М., 1983.
136. Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классового образования и политогенеза //Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. Сб. статей. - М., 1991.
137. Корш Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племен // ВОЙ-РАО, Вып. 1.-СПб., 1909.
138. Костенко Н.Н. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. -Алма-Ата, 1963.
139. Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. -Алматы, 1993.
140. Кочекаев Б.А. Ногайско-русские отношения XV-XVII вв. - Алма-Ата, 1988.
141. Кепейулы М.-Ж. Қазак шежіреа. - Алматы, 1993.
142. Кепейулы М.-Ж. Қрлжазбалары (автордың жеке қоры).
143. Кепейулы М.-Ж. Тандамалы. Ею томдық. Ел аузынанжинаған эде-биет улгшер!:- Т. 1. - Алматы, 1992.
144. Красовский М. Область сибирских киргизов. - Ч. 1-3. - СПб., 1868.
145. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. - М 1988.

146. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. - М., 1974.
147. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). - М., 1994.
148. Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения евразийских степей и Синьцзяня в эпоху бронзы //ВДИ. -1999 № 1, - С. 163-176.
149. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-XI в.в по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972.
150. Курилович Е.О. О методах внутренней реконструкции //Новое в лингвистике. - Вып. IV. - М., 1965.
151. Кудайбердаулы Шэкэр!м. Турһс кыргыз - казак Ыэм хандар шежъ ресі. - Орынбор, 1911.
152. Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т.3. - Новосибирск, 1975.
153. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. - М., 1984.
154. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. - М., 1997.
155. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961.
156. Леви-Строс Клод. Структурная антропология. /Пер. с франц. Под ред. и прим. В.В.Иванова. - М., 1983.
157. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд истепей. Ч.1-3.-СПб.,1832.
158. Ленин В.И. О государстве// ПСС. - Т.39.
159. Логотов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии//ЗСОИИ, Т.1, Вып. XVIII. - Семипалатинск, 1929. - С.34-48.
160. Лувсан Данзан. Алтын шеж!ре. /Монгол тшнен ауд. А.Маукдрау-лы. -Алматы, 1998.
161. Лукиан. Избранное. Пер. с древнегреч., сост., предисл., коммент. И.НаховаиЮ.Шульца. -М., 1987.
162. Лэн-Пуль Стенли. Мусульманские династии. - СПб., 1899.
163. Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолит-энеолите Казахстана//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1987. -С. 122-130.
164. МаловС.Е. Памятники древнетюркской письменности.-М.-Л., 1951.
165. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. -Алма-Ата. 1950.
166. Маргулан Э.Х. Ежелпжыр-аңыздар. -Алматы, 1985.
167. Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972. - С.3-30.
168. Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-дала//Мир казаха. - Алматы, 1997. - С. 16-30.
169. Маретина С.А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. - М., 1980.
170. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и социальной организации. - М., 1976.
171. Марков Г.Е., Калиновская К.П. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации.// Вестник МГУ серия 8. (История).-1983, №5.
172. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. Критика политической экономии./ Соч. - Т.46. - Ч. 1.
173. Марр Н.Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких народов. Избранные работы. Т.4. - М.-Л., 1935,
174. Марр Н.Я. Основные вопросы истории языка. - М.-Л., 1937.
175. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов - основы жизнедеятельности кочевничества. - Алматы - М., 1995.
176. Массой В.М. Экономика и социальный строй древних обществ в свете данных археологии. - Л., 1976.
177. Массой В.М. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир. М., 1980.-С. 11-41.
178. Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков /извлечения из персидских и тюркских сочинений/. Сост.С.К.Ибрагимов, Н.Н.Мин-гулов, КА.Пищулина, В.П.Юдин. -Алма-Ата, 1969.
179. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. - М.-Л., 1938.
180. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. - СПб., 1865.
181. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М., 1974.

182. Мец А.. Мусульманский ренессанс. - М., 1966.
183. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1.-М.-Л., 1937; Т.2.-М.-Л., 1941.
184. Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М.Мелетинский. М., 1991.
185. Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв. Документы и материалы. - Кн.1.- 2. - М., 1989.
186. Монголдың, уяшыр, уяшыр. Монголшадан ауд. М.Султаняулы. Жалпы ред. Баскарган Б.Букдтулы. - влгий, 1979.
187. Морган Л.Г. Древнее общество. - Л., 1934.
188. Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины// ВДИ, 1997, - С.31 -60.
189. Наушабайулы Нуржан. Манзумат Казакдя. - Кдзан, 1907.
190. Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. Т. 1-3. - М., 1981.
191. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. - М.-Л., 1948.
192. Ольденбург С.Ф. Связи Запада с Востоком старинные //Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. - М., 1982.
193. Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. - М., 1983.
194. Патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов: к итогам обсуждения// Вопросы истории. -1956, №1.
195. Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX и XX вв. - Ашхабад, 1995.
196. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. - Москва, 1967.
197. Пиотровский Б.Б. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Возникновение раннеклассового общества. Тезисы докладов. - М., 1973.
198. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. - М., 1982.
199. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1-2. - М., 1992.
200. Поплинский Ю.К. Опыт типологизации источников по древнейшей и древней истории Средней Африки // Африканский сборник: история, этнография. - М., 1983.
201. Потанин Г.Н. Ордынские параллели к поэмам Ломбардского цикла // Этнографическое обозрение, 1893, №3.
202. Потанин Г.Н. Греческий эпос и ордынский фольклор // Этнографическое обозрение, 1894, №2.
203. Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. 27-29 сентября 1976г. -Алма-Ата, 1980.
204. Проблемы этимологии тюркских языков. - Алма-Ата, 1990.
205. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Гильома Руб-рука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. - Алматы, 1993.
206. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. /Пер. с нем. К. Д. Ци-виной и Б.Е.Чистовой. Прим, и послесл. С.И. Вайнштейна. - Москва. 1989.
207. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб., 1893.
208. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий Т. 1. - СПб., 1893.
209. Рассадин В.В. Об этимологии некоторых бурятских шаманистических терминов//Банзаровские чтения. - Улан-Удэ, 1992. -С.142-161.
210. Ратцель Ф. Народоведение. - СПб., 1896.
211. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. /Пер. с персидского Л.А. Хетагурова и О.И.Смирновой. Ред. И прим. Проф.А.А.Семёнова. Ввод. Статья И.П. Петрушевского. Т. 1. -Кн. 1-2. -М.-Л., 1946; Т.2. -М.-Л., 1952;Т.3.-М.-Л., 1960.
212. Ренфрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема//УВДИ, 1998, № 3. -С.114-121.
213. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. - М.-Л., 1952.
214. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках// Материалы по этнографии ГО СССР. Вып.1. -1961. - С.2-15.
215. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб. -1910.
216. Русско-калмыцкий словарь. - М., 1964.
217. Русско-тувинский словарь. - М., 1980.
218. Рустемов Л. З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. - Алма-Ата, 1989.
219. Санчилов В.П. «Илэтхэл шасатир» - как источник по истории ойратов.-М, 1990.
220. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном. - Т. 1. - СПб., 1884.
221. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. /Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. - Т.П - М.-Л., 1941.
222. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы

- и гласные. - Т. 1-3. - М., 1974.
223. Семенов Ю.И. Переход от первобытного отношения к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. -1993, №2.
224. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. /Обш. ред., сост. и предислов. А.Ю. Согомонов, пер. с англ. - М., 1992.
225. Старке К.Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. / Пер. с франц.-СПб., 1901.
226. Суждение Духа разума/Дадестан и меног-и храд. //Зороастрийские тексты. Изд. подг. О.М. Чумаковой. - М., 1997. - С.352/Памятники письменности Востока. С. 10-139/.
227. Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи и поэмы. Аз и Я. - Алма-Ата, 1989.
228. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. /Вопросы этнической и социальной истории/. - М., 1982.
229. Таскин В.С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. - М., 1968.
230. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов группы дун-ху.-М.,1984.
231. Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв.-М., 1979.
232. Тойнби А. Постижение истории /Пер. с англ. и сост. Огурцов А.П., Вступит, статья Умоловой В.И., закл. статья Рашковского Е.Б. - М., 1991.
233. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. - М., 1984.
234. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии / /ВДИ, 1938, №1.- С. 176-203.
235. Толстое С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. - М., 1948.
236. Толстое С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.-Л., 1948.
237. Тобыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX вв. -Алма-Ата, 1971.
238. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. - Ташкент, 1925.
239. Тынышпаев М. История казахского народа. /Сост. и авторы пре-дисл. А.С.Такенов, Б.Байгалиев. - Алма-Ата, 1993.
240. Тэйлор Э. Первобытная культура. /Пер. с англ. Под ред. с пред. и прим. В.К. Никольского. - М., 1939.
241. Утемиш хаджи. Чингис-наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические прим. В.П.Юдина, коммент. и указ. М.Х.Абусейтовой. -Алма-Ата, 1992.
242. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /В 4-х томах. -М., 1986-1987.
243. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. - М., 1973.
244. Фрай Ричард. Наследие Ирана. - М., 1971.
245. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. - М., 1975.
246. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. /Изд.3-е, доп. - Алматы, 2000.
247. Халид К,урбангали. Тауарих хамса: /Бес тарих/. Ауд. Б.Тетенаев, А.Жолдасов. - Алматы, 1992.
248. Хейзинга И. Homo Ludens. Статьи по истории культуры/ Пер., сост. и вступит, статья Д.В.Сильвестрова. Коммент. Д.Э.Харитоновна. - М., 1997.
249. Хорошхин А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. -СПб., 1876.
250. Хрестоматия по истории древнего мира. /Под ред. В.В. Струве. -М., 1956.
251. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. - М., 1956.
252. Чермак Л.К. Киргизское хозяйство в Степном крае //Район железной дороги Петропавловско-Спасский завод в экономическом отношении. -СПб., 1912.-С.215-256.
253. Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда //ЗЗСО-ИРГО. -Кн.ХХХП. -Омск,1906. - С.1-30.
254. Чулошников А.П. Очерки истории казак-киргизского народа. - Оренбург, 1924.
255. «Шара туджи» монгольская летопись XVII века. /Сводный текст, пер. введение и примеч. Н.П.Шастиной. - М.-Л., 1957.
256. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Вопросы образования, эволюции и разложения. - Алма-Ата, 1964.
257. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья.-Л., 1975.
258. Шилова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. - Алма-Ата, 1976.
259. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства/культурно-историческая проблема/. - М., 1980.
260. Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. - М., 1975.
261. Этническая история и фольклор. - М., 1977.
262. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая.. //Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. - Алма-Ата, 1983. -С.106-164.
263. Ясперс К. Смысл и назначение истории. /Пер с нем./ /Мыслители XXв./-М., 1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕГОЛОШАДНЫЕ ПИОНЕРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Введение к теме

«Только поэты могут объяснить значение слов, созданных древними языкотворцами», - писал О.Сулейменов в 60-е годы /227. - С. 13/. Вероятно, так мог сказать человек, чрезвычайно обеспокоенный отсутствием истории казахов. История отмирала вместе с последними знатоками казахского шежира, традиционное историознание уходило в небытие, а нового национального и академического, как принято говорить, не было. Нет ее и сейчас, поскольку научная историография по-прежнему построена на книжном материале. Весь арсенал исторической науки Казахстана состоит из различных письменных документов /дневники, описания, донесения/, зачастую сомнительного характера, в большей части составленные людьми, поверхностно представляющими основной объект изучения и его сложную историю. К сожалению, наше источниковедение все многообразие письменных памятников относит к категории документов и мало озабочено несоответствием их реалиям прошлого. Нам еще не поздно признать определяющую роль устных источников в воссоздании истории Великого степного пояса Евразии. При этом речь идет не о простом привлечении материалов исторического фольклора. Устная традиция историознания, как и письменные источники, как совокупность конкретных фрагментов прошлого, как показатель ценностных оценок социокультурных феноменов, должна быть использована при изучении исторического прошлого. Запаздывания в признании устной традиции в качестве комплекса полноценных источников серьезно задерживает процесс формирования методов сбора информации и методики работы над устными текстами. На наш взгляд, наиболее важная часть этого направле-

286

ния заключается в актуализации историко-этимологических исследований, поскольку именно в языке в большей степени хранится беспристрастная информация по истории. Большое значение в этимологических изысканиях имеет сравнительно-исторический метод, один из самых универсальных, обеспечивающий максимальное приближение при реконструкционных процедурах к «исконному архетипному состоянию языковых форм» /124. - С. 11/. По мнению А.Вамбери, этот метод особенно плодотворен в изучении тюркских языков, он писал: «удивительное построение словообразования в тюркских языках представляет в себе тем больше оснований привлекательную силу; историку культуры оно доставляет верный святоч, с помощью которого он может исследовать темное царство прошедшего тысячелетия назад и достигнуть верных заключений о самом раннем периоде существования немаловажной части человеческого рода» /67. - С.33/. Исследователи не раз отмечали чрезвычайное богатство тюркских языков цивилизационными понятиями. В эти понятия обычно вкладывают начало государственности и ее учреждения, общество с уважением к добродетели и с отвращением к пороку, культуру со свойством плодоносить на своей почве и т.д. Структура и семантика языка, если глубоко разобраться в них, позволяют увидеть как в зеркале сложнейшую структуру общества на историческом пути. Таким образом, не только исторические изменения в языке, но и специфика самого общества, носителя этих языков, должны стать предметом углубленных интерпретаций в сравнительно-историческом языкознании. «Этот язык образует, так сказать, написанную историю самого раннего общественного развития народа, и только в нем одном находилась эта история», - так верно, на наш взгляд, отмечал А.Вамбери, говоря о древности тюркского языка и заложенные еще в ту пору в нем разнородных функций.

Безусловно, исторический подход в этимологических исследованиях не может сам по себе являться самодостаточным и не гарантирует полную объективность выводов. Они долж-

287

ны быть подкреплены данными археологических, этнологических, исторических исследований, вкпе с этимологией отвечающие на те или иные вопросы. Только комплексный анализ позволяет приблизиться к правильному пониманию исторических реалий, будь это уклад жизни древних обществ, формы хозяйства или этногенез. В нашей исследовательской практике, к сожалению, такого удачного опыта совмещения истори-ко-лингвистических приемов исследования не так уж много.

На наш взгляд, настало время актуализации этимологических изысканий в контексте широких исторических картин и событий. Причем тюркская история, какой бы она не была древней, в той или иной степени находилась в соприкосновении с соседними цивилизациями и обществами. В этой связи в контексте исторических построений очень важно идти на поиски индоевропейских влияний в тюркском и тюркских влияний - в индоевропейском. Вероятно, эти контакты совершались в очень отдаленные времена, например, в эпоху индоевропейских миграций. Предварительный опыт такого анализа сопоставления нами проведен в этой работе, посвященной выяснению этимологического содержания мифо-антропонима «Алаша-хан». В более широком смысле наша цель заключается в выявлении исторических реалий, заключенных в древнейшем своде легенд и преданий казахов, связанных с Алаша-ханом. По поводу этих легенд предварительно, можно сказать следующее: во-первых, исторический свод преданий и мифов об Алаша-хане относится к категории наиболее распространенных на территории Казахстана. По выражению Ч.Ч. Валиханова, это «общее народное сказание, известное каждому киргизу /казаху-Ж.А.1 питающему хоть малую претензию на белобородство и старое ухо *ІкэрІ к,ушкІ*».

Во-вторых, этот свод относится к категории коренных, народных. Признаком древности является простота, бесхитрость, язык и содержание. Ч.Ч.Валиханов, а после него известный краевед начала XX в. А.П. Чулошников, исходя из этих соображений, считали, что свод легенд об Алаша-хане действи-

288

тельно выражает древнейшие традиции казахского народа о своём далеком прошлом. «Они-то, по большей части упоминаящие об одной и той же мифической личности Алача, первом казахском хане, и есть наиболее ранние и наиболее ценные для нас», - отмечал А.П.Чулошников, выделяя их как наиболее национальных и древних в отличие от легенд и преданий, связывающих казахский народ с арабами и т.д. Древними не могут быть легенды, вызванные «определенным стремлением найти объяснения собственному национальному имени «казах».

В-третьих, несмотря на широкое распространение этого свода легенд об Алаша-хане /почти во всех частях Казахстана/, у него общая основа, где стержень, остается одним и тем же, а иногда фактически совпадает в деталях. Некоторые отличия связаны с именами героев, которые существенно не играют никакой роли в повествованиях. Наиболее полный вариант записей легенд мы находим у известного шежирешы М.-Ж.Ко-пеева: «*Цырғың сан Қырғат, он сан урым, он сан оймауыт, то-ғыз сан торрауыт, он сан ногайлы бултгенде, Ормамбет би елгенде, нотйлының елі бір ала тайдан бултпттг. «Ала тай-дай булдғрдг» деген сев содан калыпты. Сол замандарда Қрн-дыгер, Қрбан, Қрюмдегендер болыпты. «Тугелсевдцтубібір, туп атасы Майкы биц деген болыпты. Тогыз ханды қрлынан такка отырғызған Кід деуді. Қырғыңханныңбғрг болюн %ызыл Арыстан деген Букарада турыпты. Осы кунгг бір взтде он бес азанышы азан айтатугын мунараны сол %ызыл Арыстан жасатқан екен деседі.*

Бвйбгшестен бала болмаюн. «К,ызыл аяк» деген дір елді шауып, ат квтте салып вкелген бір кызю аяксалып, онан дір бала сауысканнңцаласындай ала туады. Бвйбше взтен тумай, токалдан туюндыктан ни тарлғың кылып кундеп, «бул баланы балам деп сактама, квзт жошлт, карашғыын батыр. Мынау вскенде журтынды ала тайдйй кылып устайды, елцдг ала тайдай булдғредб) - деген соқхан кырыкжггтке буйрың бертптг: - Мына баланы, тапқан шешест Сырдариядан ері вткгзт

коя бериңдер. Элсе влет, влмесе вз беттен к/ащып кун кврст, - деп, жер аударады. - Зинхвр к/айтып бул журттты мына катынмен бала да кермест, сендер де кермеңдер, - депті. Б улар Сыр суынан етіп, Алатау, Каратаудың алабына келт жан сактап кун квртгт.

Бала вз асын взг алыт шерлгк болтн со ц, егикитен id жок, вз беттен кащып кетеЫ. Дал он ет жасында Майкы бидиң баласы Үистзе октай ушырап, кез болыпты. Отн бгр ауыз да ти катпайды. Ұн-тун жок кала берттг. Үист уйте бартн сон, Майкы биге sewwiti: «Бгр аюштгъцквлещестде жас баланы кврдгм. Аи десе аузы бар, кун десе квзI бар, кврген Kid кызыпт, бгр касык сумен жутып жиберерлік. Жалпз айыбы - тiпi жок екен» - депті. Майкы би взг аксакекен. Омгр бойы арбамен журедг екен. Ар-басын квлтке жектгрмей, жаяу киге тарткызады екен.

- Мет арбамен алып барындар, оны мен кврешн, - депті. Бала Майкы бидi квргеннен-акушып тура келт:

- Ассалаумагалайкум, хан бШкентц казыгы, букара журттыцазыгы! - деп сәлем берттг.

- Уаюлэйкумассалам, эмсе аман бол, балам. Болайын деп тур fan ул екенсц кольта алып салушыныңжоктънынан кем болып тур екенсц. Кел балам, щсыма мт, - деп арбасына ммгзт алып, уйте алып келт, терт квл огиак каздырып, ту бие сойдырып твменгг елдг шакырды. Ала бие сойдырып аймак елдi шакырды. «Ердицегр, егеудицсынытьг» деп баласы Үистдi бас кылгп, жуз жiгiттi крсып бердг.

- Каратаудан арман карай асындар, Улытау, Кiiuitау деген таулар бар.

КаракещIр,ЖезЫкецIр, К,удаибердi деген жер-лерге барып, грге теуiп, салык салындар. Акнайзаның ушы-мен, акбигектицкуиШен ел болуды, журт болуды ойлацдар.

Кундердицкунтде осы бала хан болады. Сендер караша бола-сыцдар. «Хан адал болса, карашасы табанды болса, кара жер-ден кеме журггзедг» деген, - деп батасын берт, жургп Кетiптi.

Актау, Ортаудан асып, Шу мен Сарысудан квктей етiп, Майкы бидицайткан жергне келт, уйкыны бузып жылкы алды,

290

күймет бузып кыз алды. Квиш елдi кем женекей алды, ереуiп елдi отыртн жертде шапты. Оз алдына мал малданып, жан жанданып уйлг-баранды болды. Сатусыз дуние, калыцсыз катын апа басташн соц, ел болмаска немене. Булардыцмундай болунын баягы К^ызыл Арыстан хан естидi. Кртан, Копт, Крндыгер, Крбан, Майклы билерге елиа жгбередг:

- Меницбаламды жIгиш-желецберт желЪатрт жIбергет неа?Баламды езгме жеп берет. Менен калншың алсын, -деп.

- Сендер барып шакырып келиңдер, - деп. Б улар келген соц бурынш келгендер: «Кайт деген сеедi айтпацдар, вздерцде кайтпацдар», -деудi. -Аты бестiстде кiртаятын, Жiгiтi жиырма бестде картаятын,

Квк тиептi жултннан баска id жок,,

Еркегг ат болатын,

Уртишысы жат болатын,

Тымакты такият айырбастайтын,

Пышакты касыкка айырбастайтын,

Тары мен бидайдыцнанын жегенге,

Жауман квженцсуын шкенге кутыратын,

Бвдененицбгр санын жегенге кутыратын,

Сарттщжас болса тузын, кыс болса отынымен квмгршт тасытннан баска кьзъыи жокжерде не акьгларщцкалды? -деген соц: -Рас ау, рас, - деп шакыра келгендер де кайтпай калып крйыпты.

К]ызыл Арыстан хан кайта-кайта ки жIберт болматн соц, К,отмулы Алишынды бас

кылып УК уз ктмен таш жIбе-реді. Он уш аксакал крсты. Есеп саны уш ж уз он ушке жетсе дуние жузг жиылса да бетцишыдамайды деген. Ундемесе де, уйден шыкпаса да «Бабыр ецбек» дегендей аксакал уйде жа-тып, жумысты жайлап жатты. «Тугел свздиштубг бір, туп атасы Майкы би» аталтн Кид осы болса керек. Булар енЫ ел болтнымызды журт квзте тусіреит деп, баягы ала баланы алашат салып, Улытаудыц басына алашамен кетерт шытрып хан сайлапты. Отн «Ала-шахан» деп ат койды.

291

Бастапкы бгрге келген жуз жIгштицбастыгы - Уист. Бул улы УК уз Уист деп аталды. Туп казыш - Салыкшы. Жаут шапканда б улар шаппасын. Тас-туйт болып турсын депті.

Ортада келген жггштиц бастыиы Болат кожа. Буран «Орта жуз» деп ат крйыпты. Бул Орта жуз тоскауылышы орта буында журст. Ханныц бакташысы болсын депті. Бул Орта жуз «Акжол» аталсын deudi.

Соцгы келген жггттердгцбастыиы - Алишын. Жаудан беті кайтпайтын жаужурек, карсы алдында журт жан кадгрт бглмейтт, б улар кезеутиг болып, ец алдында журт жаут шабатын болсын. Бутн « Кіііі УК уз Алишын» деп ат койды.

К^зактыцуиужуз аталтн жерг осы» /142. - С. 12-17/.

Предание, записанное Ч.Ч.Валихановым, отличается от предыдущего некоторыми элементами, он писал: «Давно, очень давно был в Туране государь по имени Абдулла, а по другим сведениям - Абдул Азиз-хан. У этого государя был прокаженный сын названный потому Алача - пестрый. Отец его, исполняя древний обычай изгонять всех одержимых этой прилипчивой язвой, изгнал и сына своего. В то же время многие подданные, недовольные жестокостью Абдуллы и побуждаемые голодом, отправлялись в степи, лежащие на севере от р. Сыр в пески Каракум и Бурсук, и начали казачествовать. Храбрые и удалые батыры усилились до трех сотен и приобрели в скором времени известность, силу и богатство. Проходит несколько лет... среди двух сотен является мудрый старец Алач /иностранец, чуждый/ и говорит им речь до того сильную и убедительную, что казаки провозглашают его своим родоначальником и судьей, а по его совету приглашают прокаженного сына Абдуллы Алача и ставят его ханом. Таким образом, степные бродяги-казаки, сделавшиеся уже благоустроенным обществом и в некотором смысле нацией /если слово это можно применить к народности кочевой/, в ознаменование своей независимости, отдельности, в память именно своего Алача и отца-судьи Алача назвались Алач или по числу сотен - Уч Алач /три сотни/. Так народ Алач сделался народом Алача, а Алача его ханом»/65.-С. 158/.

292

Несколько вариантов легенд об Алаша-хане записал Г.Н.Потанин. Его вариант начинается с изложения того, что хан-отец жил около города Туркестан во времена, когда еще был жив Котан - родоначальник казахского народа.

Родоначальника в разных сказаниях называют именами Алач, Котан, Майкы и упоминаются имена других старцев.

«У хана не было детей от первой жены, и поэтому он взял вторую жену, девицу, которую где-то завоевал. От нее родился сын, но только пестрый. Первая жена стала завидовать и злиться. Ей удалось настроить хана против сына. Она стала говорить, что такой пестрый наследник может внести раскол в народ, и потому люди не будут жить в мире, не будут иметь между собою согласия. Хан согласился с доводами жены, посадил сына в сундук и пустил сундук в море. На другом берегу моря этот сундук с ханским сыном нашел нищий. Он взял мальчика и воспитал.

Мальчик вырос богатырем и силачом.

Хан, его отец, узнав об этом, захотел повидать сына. Он послал за ним старшего сына Котана по имени Уйсун с сотней молодцов. А они остались около ханского сына. Затем хан послал среднего сына Котана - Булата. Ему также понравилась привольная жизнь. И, наконец, хан послал младшего сына родоначальника Котана - Алшына. Через некоторое время они решили выбрать хана, и так как пестрый богатырь, их предводитель, был ханский сын, то решили выбрать его. Они взяли алачу, широкий полосатый тканый половик, подняли на нем пестрого ханского сына и провозгласили его ханом. После того он стал называться Алаша-хан. От Уйсина и его молодцов пошло поколение Улу жуз, т.е. старшая сотня, от Булата и его молодцов пошло поколение Орта жуз, т.е. средняя сотня, а от Алшына и его сотни молодцов пошло поколение Киши жуз, т.е. меньшая сотня» /200. - С.67-68/. В казахских дореволюционных изданиях шежире, так и в записях исторического фольклора казахов в советские годы, обнаруживается значительное количество вариантов легенд этого цикла. По истине мы убеждаемся в верности оценки

293
Ч.Ч.Валиханова назвавшего эти легенды «общим народным сказанием». Как это не парадоксально, в дореволюционной русской историографии в течение долгого времени /со времен А.И. Левшина до А.П.Чулошникова/ никогда не угасал интерес к историческим преданиям об Алаша хане. В подтверждение этого мы могли бы привести десяток публикаций на эту тему.

Алаша-хан в Восточных и Западных письменных традициях

Широкая известность этого свода исторических преданий в степном регионе не могла не быть замеченной и зафиксированной в ранних письменных исторических традициях.

На наш взгляд, одна из наиболее ранних письменных фиксаций легенд об Алаша-хане был осуществлен Геродотом в V в. до н.э., в его известной «Истории в девяти томах».

В первом случае, в числе скифских народов перечисленных Геродотом встречается народ, именуемый «алазонами». По утверждению Геродота, они живут «вдоль реки Гипанниса к западу от Борисфены» /81. - С.312/. Если предполагать, что Борисфена - это река Днепр, то речь идет об одном из западных племен скифского круга. Борисфена грекам известна из скифской мифологии. Так называлось божество реки. Дочь этого божества вступает в брак с Папаем и становится матерью пер-вочеловека - Таргитая.

В другом случае Геродот повествует об одном из удивительных скифских народах - аргиеях, где как «мужчины, так и женщины плешивы от рождения /вероятно, от «алапес», как в казахском варианте - Ж. А./, плосконосы и с большими челюстями; речь у них особая; одеваются по скифски...»/81. -С.314/. Известно, что Геродот (впрочем, он сам сознается в этом постоянно) в своих повествованиях о восточных скифах в основном руководствуется слухами, поскольку достоверных данных в ту пору фактически не было: «я не могу найти никого,

294
кто бы сказал, что знает те страны, как очевидец», - пишет историк /81.- С.311/.

Вероятно, таким образом, через вторые и третьи руки, претерпев определенную редакцию, сведения о народе Алаша / алазон/ и легенда о пегом мальчике - родоначальнике народа Алаша, попали в античную историографию.

По сведениям Геродота, этот народ обитал в каменистых и неровных местностях. Не идет ли речь в данном сюжете о Центрально-Казахстанском мелкосопочнике, образно

названном А.Г.Медоевым «Складчатой страной». Западнее от нее находится равнина с глубоким черноземом, а восточнее - подножья высоких гор, где обитают исседоны. Аргипей - так звали обитателей каменистых, неровных мест - «поселяются под деревом /т.е., в юртах - Ж. А./, которые на зиму прикрываются толстым белым войлоком, а на лето оставляют открытыми» /81.-С.314/.

Наиболее древнее упоминание об Алаша-хане в известных нам восточных источниках, принадлежит перу великого историка Востока Рашид ад-Дина /сер. XIV в./. Исходя из сведений своих степных информаторов /Полат чинсан и др./ время жизни Алаша-хана Рашид ад-Дин относит к самым древнейшим эпохам: «... тюрки называли и продолжают называть Яфета Булджа-ханом /Абулджа-ханом/ и достоверно не знают, был ли этот Булджа-хан /Абулджа-хан/ сыном Ноя или его внуком, но все они сходятся на том, что он был из его рода и близок к нему по времени. Все монголы, племена тюрков и все кочевники /буквально: обитатели степей/ происходят от его рода. Подробности этого обстоятельства они передают в следующем виде: Булджа-хан /Абулджа-хан/ был кочевником; его летовка была в Ортаке и Казтаке, которые представляют собой чрезвычайно большие и высокие горы, в тех пределах находился город по имени Инандж. Зимнее стойбище Булджа /Абулджа/ хана также было в этой местности, которая называлась Бурсун /Бурсук - Ж.А. I, Какьян и Каркорум /Каракум - Ж. А./, называют еще его Каракурум. Поблизости этих мест находятся города Талас и Кары-Сайрам. Последний город-древний и необычайно боль-

295

шой. Видевшие этот город передают, что от начала его до конца один день пути и что в нем сорок ворот. В настоящее время там обитают тюрки-мусульмане... У Булджа /АбулджаАхана был сын по имени Диб-якуй /Диб-Бакуй/. Слово «диб» имеет значение диспута или место должности, а слово «якуй» означает /человека/, властвующего над всеми племенами...» /211. -Т. 1.-Кн. 1.-С. 80-81/.

Генеалогический свод Абулгазы Бахадур-хана существенно дополняет приведенные выше материалы. Хотя он, как и его предшественник, свое изложение истории тюрков начинает с библейских сказаний, но вводит в него значительное количество народных преданий. По Абулгазы Бахадур-хану, Ала-ша-хан - не современник Яфета, а его потомок в шестом колене: Яфет-Тюрк-Ильча хан-Диб-Бакуй-Киюк хан-Аланча-хан.

Последняя интерпретация - более правдоподобна, как бы то ни было. По всей вероятности Алаша-хана от времени Великого потопа /приблизительно 12-10 тыс. до н.э./ отделяет более или менее значительный отрезок времени.

Абулгазы дает следующую характеристику мифической эпохе правления Алаша-хана: «Аланча хан много лет правил государством. Со времени Ноя - Мир ему! - до времени Аланча хана все потомки Иафета были мусульмане; при Аланче юрт улучшился, народ сделался богаче. Но, как гласит пословица узбеков, когда собака разжиреет, кусает своего хозяина. Когда у них умирал кто-либо - любимый сын или дочь или брат - то делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних. Оказывая ему любовь, первую часть от кушанья клали перед статуей, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей. Из таких повторяющихся действий возникло идолопоклонство.

У Аланча хана было два сына-близнеца: старшему имя было - Татар, младшему - Монгол. Аланча хан, когда состарился, разделил свои владения между сыновьями. Оба брата провели жизнь в благополучии и счастье, не делая друг другу худого» /6.-С.17/.

Таковы в общих чертах сведения об Алаша-хане, содержа-

296

щиеся в древних исторических трудах Запада и Востока. Вероятно, работа в данном направлении должна быть продолжена, поскольку тема в указанном ракурсе поднимается нами впервые и до сих пор историки не задавались серьезно этой про-

блемой. Неоспоримо одно, в данном своде легенд об Алаша-хане находит отражение древнейшая история степных народов Евразии. Причем в легендах заложены сведения о государственном начале. В них чувствуется седа древность, порядок слагающий из хаоса государственность, формирующуюся из разрозненных групп людей. В легендарное время тюрки и монголы ещё не отделились из своей алтайской основы. Возможно, исторические сведения об Алаша восходят ко времени господства в Великих степях в VI-IV тыс. до н.э. этносов, представляющих наиболее ранних предков кочевников-коневодов Евразии.

В этих легендах уже сформировался культ Алаша-хана, олицетворяющий государственное начало и единство кочевых племен и наличие сакрального характера властной структуры. Ра-шид ад-Дин вводит эту великолепную мифическую фигуру в библейскую интерпретацию ранней истории человечества и отождествляет ее с Яфетом. Следовательно, Алаша не только родоначальник тюрков и монгол, но вообще всех степных племен Евразии. Эти материалы напрочь отменяют предположения позднейших авторов, определяющих дату жизни Алаша-хана поздним средневековьем. Любые попытки отождествлять легендарного Алаша-хана с поздними степными правителями - Султан Ахмадом, Хакназаром и т.д. обречены на неудачу, поскольку противоречат сообщениям ранних источников и основываются не на критических данных. Предположения Ч.Ч.Ва-лиханова, А.П.Чулошникова и др., относивших время жизни Алаша-хана ко второй половине XIV в. в свете более основательного подхода к древним источникам, оказались несостоятельными, поскольку не основываются на серьезных аргументах.

Вероятно, многие авторы введены в заблуждение датировкой мавзолея Алаша-хана, находящегося в Центральном Казах-
297

стане, в долине р. Сарыкенгир. Время строительства мавзолея А.Х.Маргулан относит к XIV-XV вв. Безусловно, архитектурный стиль /прямоугольная композиция, купол, фигурные и резные плиты, глазурь/ сближает это культовое сооружение с архитектурными памятниками указанного времени. Но в нем есть и некоторые особенные детали, не встречающиеся в других подобных памятниках, это обходная галерея, встречающаяся только в царских курганах эпохи бронзы Центрального Казахстана /мы имеем ввиду кольцевые концентрические оградки в циклопических сооружениях Аксу-Аюлы, Бегазы и т.д./. По всей вероятности, мавзолей Алаша-хана сооружался в период образования Казахского ханства, олицетворяя культ первого хана, направляя народ на служение государству, как объединяющая национальная идея. Возможно, этот мавзолей построен там, где раньше находилась древняя святыня /жертвенник или курган/ посвященный первому степному государю.

Таким образом, при определении даты правления и существования Алаша-хана нет смысла исходить из строительной датировки мавзолея. Мы склонны искать корни и среду этого понятия в более глубинных пластах истории Великой степи. В доказательство этого тезиса мы обратимся к этимологии и устной традиции.

Например, к ряду терминов и понятий связанных с Алаша, в интерпретации которых мы придерживаемся несколько конкретного узкого подхода. Наши изыскания ограничиваются интерпретацией казахских слов, понятий поиском древнетюркских основ и с обращением к монгольскому:

1. "Ала" означает: пегость, пестроту, раздробленность, неорганизованность и т.д. В этом же значении применяется в монгольском языке. Например, «Алаг-ала» /ен, туге/; узэхала-лау - ала к вру; алаг такь - тагы жьшии&г и т.д. /121.- С.28/.

Казахское и монгольское «ала» - «алаг» восходят к древне-тюркскому «Ала» - пегий, в яблоках: «ala at» - пегий конь (М.К.); ala atlijjol tanri-бог судьбы на пегом коне /93. -

С.32/. «Ала» в древнетюркском также означает болезнь /ложная проказа/; недобрые промыслы, козни и т.д. /93. - С.33/.

2. «Алаша» - это слово на казахском языке имеет несколько
298

значений. Во-первых, «Алаша» - название крупного рода в составе Младшего жуза, во-вторых, «алаша» - вид коврового изделия. Складывается из полос /шириной 50-60 см/, вытканых на узконабойном станке *1врмек1*. Алаша застилается на пол или вешается на кереге юрты. Один из самых распространенных и доступных у кочевников вид ковра /122. - С. 103/.

В-третьих, Алаша /Алаша-хан / - имя первого хана казахов, а также имя родоначальника. У монголов Алангоя - проматерь народа, у киргизов - родоначальник и боевой клич Алатай.

3. «Алаш» - это, прежде всего, боевой клич казахов. Обратимся к шежире М.-Ж. Копеева: « *Бурынш заманда казак, «Жуз» деген, «Алаш» атты рут койтн аты болган екен. «Алаш» деген атты ураню крйып, жаут шапканда «Алаш-Алаш» деп шабындар, «Алаш» демегендг вкец болса да урып жыш берцдер деп бота кышысты.*

«Кеше Алаш алаш болюнда, Алаша хан болюнда, уйгмгз аши болтнда уранышыз «Алаш!» болюнда, уш жуздцбаласы казак, емес не едт» - деп айтылтн сев содан калин».

Во-вторых, во многих легендах имя старца мудрого родоначальника, отца Акдрыс, Жанарыс, Бекарыс, /Уйсыш, Аргын, Алшын/, основателей трех казахских жузов /см. вариант Ч.Ва-лиханова/. В-третьих, «алаш» в той или иной степени показатель дальних степеней родства, а также отчуждения и даже вражды: «*Алашпысыц ашйынбасыц?*» - «Близкий ли ты родич или алашовец?» /т.е. отдаленный/, и в этом же контексте «*алы-стаibi алаш*» - дальний алаш. В близком значении «алаш» употребляется на монгольском языке: «Алач» - охотник, убийца.

Алаш в древнетюркских текстах встречается как название народа.

4. «Алашык» >> /лашык/- на казахском языке обозначает легкое /походное/ жилище и имеет многочисленные параллели в других тюркских языках. Так, на западе у кумыков такие жилища называются «*алаша уй*», а у якутов алахз дьиэ, что безусловно, свидетельствует о древности этого жилища. Остов такой юрты состоит из жердей /уых/, согнутых в дугу. Верхние
299

концы жердей закрепляются в «шанырак», деревянный обруч. Близкий к казахскому «*алашык*», т.е. исходная форма тюркской юрты сохранилась у южных тюрков - «карлукская юрта» / 125. - С.34/. В конце XVIII-XIX вв. этот легкий тип казахского жилища стал называться «абылайша». В казахской среде существовало несколько разновидностей легких жилищ /*кос, жо-лама уй* и т.д./.

«Алачу» - в значении легкого жилища - шатра - встречается в словаре М.Кашгарского. Например, «ер алашуланды» - мужчина поставил себе шатер. /93. - С.33/. В монгольском языке каких-либо параллелей нами не обнаружено.

5. «Алаша ат» - часто встречающийся образ в традиционном устном казахском фольклоре. Например: *Алаш алаш болтлы,*

Алаша аткамтгел1, Ат шубар ту байлап, Алашка уран бергеш. Элт еди ашсы.

6. «Аламан» - на казахском языке означает: своевольного, своенравного человека или группу людей, ставящих свои интересы выше общественного, определенным образом эгоистичность. Обратимся к определению, данному Х. Досмухамедовым

этому характеру: «Аламан деп, тэрттке, жолт, низамт квнбейти, вз дегеш болмаса басканы елемейтт топты атай-ды.

Бастыктанлук. сатсызб1реуд1шабуга, олжсалаураатта-нтн тертincis топты да аламан deudi» /92. - С. 147/. В этом же значении применяется у других народов, особенно у туркмен - группа наездников, отдельные наездники промышляющие грабежами, в основном против персов.

Невозможно в одной статье разобрать все понятия производные от «ала», имеющие прямое отношение к древним символам кочевников. Иногда в языке это понятие работает в скрытом варианте. Например, «ала-шубар ту» - одна из ветвей казахских султанов до конца XIX в. была известна, как шубар тулы /пестрознаменье/. «Шубар», как эквивалент «ала» /ала-ша/-употребляется для положительной характеристики. Напри-

300

мер, «Шубарым, ар/ымалт, кермаралым, ев зацотша бтген-дей жандаралым» /с.Жанак/. В этой связи нельзя не вспомнить об «алашмыцы», как той субстратной основе, на которой позднее появляется казахский этнос. «Мьщ» в данном сочетании скорее всего указывает на союз и единство многих племен. К этой проблеме в свое время обращался Ч.Валиханов /65. -С.160-161/. Обратим внимание на значение «алашмыцы», употребляемое Кадыргали беком «Майсара - Алашмыцы бол-ды, ол ушсанеди...Алашмыцыарасында улкеттарак,та^оа-лы жалайыр болады» /119/. Заметим, что майсара, т.е. левая рука /сторона/ означает более почетное место в системе ценностей, в отличие от маймене /правой/, где располагались два сана катаганов.

Индоевропейские /семитские/ параллели

В задачу данного раздела входит краткое описание той части лексики с IV-III тыс. до н.э., которая связана с понятием «Алаша-хан» в индоевропейских языках /русский/, т.е. является общим достоянием и отражает некоторые общие основы социокультурной жизни древних индоевропейцев и алтайских народов. В основе их лежит мощное полифункциональное понятие «алаша». Скудность фактов данного раздела отражает современный характер и состояние научной темы, и отсутствие теоретического контекста. В будущем эта тема должна быть расширена и осмыслена на более солидной теоретической основе.

1. Этнонимы - производные от «алаша»:

а) «аллеман» - название одного из крупных германских союзов племен /см. Иордан/.

б) «алан» - один из средневековых ираноязычных этносов западной части Великой степи, предки современных осетин и т.д.

2. Социально-хозяйственные термины:

а) по В.В.Радлову - «лошадь» на русском и древнеславянском языках от «алаша» - мерин в тюркском языке. В ряде язы-

301

ков маленькая, низкорослая лошадь и т.д. /208. - С. 136/. «Начало слова лошадь есть «лошя», уменьшительное от турецкого «алаша» - низкий, мелкая порода лошадей, казан, мерин» /137. - С.43/. «Русское слово лошадь, вероятно, произошло из комбинации «алаша-ат» - /мерин-лошадь/, причем первое «а» татарского оригинала отпало...»/258. - С.223/. «Алаша» в значении лошадь известно в финно-угорских и монгольских языках /208.-С. 137/.

б) «лачуга» - на русском и других славянских языках означает летний домик из досок и лубков /Будагов/. В этом же значении существует и на иранском языке. И.А.Вуллерс писал: «Это тюркское слово заимствовано персидским языком и поныне передается с начальным [а], хотя пишущие по-арабски дают форму «лачук». В этом же значении

/палатка, шатер/ встречается «алашык», в «Сокровенном сказании», предполагается, что оно заимствовано от «алажу».

3. Алаша в древних топонимических названиях. Алакчин -это название встречается у Абульгазы. Он рассказывает, что город Алакчин находится на берегу реки Айкара-Муран: «При устье реки, на берегу моря, стоит большой город; селений около него много, стада и табуны пасущегося скота многочисленны. Кони там крупные; у них жеребенок по первому году так велик, как у нас двухгодовалый/*к,уныны тайдай - Ж. А./*, кони все пестрые, другой масти они не бывают. Этот город они называют Алакчин. Близ него есть серебряные рудники: у тамошних жителей котлы, чашки, блюда делаются все из серебра; отсюда произошла пословица узбеков: «У него пестрый конь и дом с золотым очагом» /*ала атты, алтын ошалупы-Ж.А./*.

По Абульгазы, Айкара-Муран - очень большая река и впадает в океан. Среди исследователей нет общего мнения по этому вопросу. Одни отождествляли Айкара-муран с Енисеем /Абульгазы/, а другие с р. Аргун /Страленберг/. Само название города - Алакчин - также означает пестрый или пегий и, вероятно, связано с мастью лошади. Каких-либо явных доказательств, подтверждающих нахождение города Алакчин в ука-

302
занных местах, пока не обнаружено. Вероятно, основным источником информации Абульгазы служили исторические предания узбеков, но, как он сам признается, узбеки не могли назвать то место в мире, где жил этот народ. Следовательно, уже в XVII в. страна Алаш /страна пеголошадных/ среди узбеков Средней Азии фактически потеряла реальные ориентиры. Г.Миллер в ходе сибирских экспедиций /середина XVIII в./ пытался найти описанные в «ШежIре» Абульгазы /по устным преданиям узбеков/ и начертанные у Страленберга на карте реки, горы, рудники Алакчин: «в бытность мою на Аргуни, я много раз об этом спрашивал местных жителей», - отмечает исследователь /183. - Т. 1. - С. 177/.

Однако, тщательные поиски не дали никаких результатов, «изобильные, густо населенные и богатые скотом местности города Алакчин никак не могли находиться в устье Енисея» /183. - Т. 1. - С. 176/. В окрестностях р. Аргун подтверждений также не нашлось.

Таким образом, Г.Миллер был вынужден отнести историю Алакчин к категории сказочных сюжетов: «Описание богатств Алакчина весьма похоже на сказку, а рассказ о пегих лошадях настолько противоречит природе, что уже по одному этому надо было бы считать Алакчин единственным местом в мире, где происходят такие чудеса». В этой связи следует упомянуть, что среди киргизских родов есть небольшое подразделение племени саруу-алакчын. Этому подразделению «приписывается казахское происхождение», - как пишет С.М.Абрамзон /4. -С.67/. Вероятно, «алачин» в той или иной степени связан с казахским «алшын», общим названием племен Младшего жуза.

В дополнение к вышеизложенному, в восточно-славянских языках слова производные от «алаша» встречаются в иных сочетаниях. В.И.Даль отмечал у рязанцев «алашить» в значении - «шуметь, горланить». Вполне вероятно, что в данном контексте скрыто «алаш» - боевой клич.

303

Исторические примеры индоевропейско-тюркских совпадений

Сравнительно-историческое языкознание к настоящему времени ещё не выработало основополагающих принципов изучения индоевропейского и алтайского языков.

Разработанные материалы на индоевропейском языке были автоматически перенесены на изучение тюркской, а затем и финно-угорской языковых групп. Тем не менее, общий прогресс в лингвистической теории и возникновение разнообразных методов изучения языков находят отражение в сравнительно-историческом языкознании в виде различных теорий /ностратическая и др./.

Наша задача заключается в изложении некоторых совпадений в обеих языковых системах,

замеченных нами по работе с мифо-антропонимом- Алаша-хан. Компаративисты, работающие на стыке индоевропеистики и алтаистики, вооруженные новыми научными методами сравнения языков, в будущем смогут ответить на них. Вероятно, попытка реконструкции древних истоков этих языков возможна не только лингвистическими методами, но и при вспоможении историко-этнографического материала. Система языка требует, чтобы явления, возникшие в одно время и обусловленные той же причиной, рассматривались в тесной связи. В этой связи синхронический анализ некоторых понятий, связанных с Алаша, не прибегая ни к сравнению, ни к лингвистической географии, позволяет установить взаимосвязь между индоевропейским и алтайским праязыками, а то и иерархию /хронологическую/ между ними. Для примера мы предлагаем анализ казахского «амшиш-ат» и его эквивалентов, в значениях «пестрая, разноцветная, пегая лошадь». Вероятно, вся богатая палитра слов берет свое начало от глагола «ал» /бери, возьми/, от этого «алю» /вперед/, «стакан» /ладонь/, «алагик» /долг/ и т.д. В дальнейшей эволюции продолжение этой основы мы видим в понятиях - «алаши» /в смысле отдельный человек, этнос/, «аламан» /наездник, разбойник/,

304

это же слово можно трактовать, как «вперед идущий, войско /отряд/, убийца, охотник» и т. д.

Наиболее популярное производное от «ал» - это лошадь /алаша/. На наш взгляд, в древности это понятие распространялось несколько шире - на всю живность. Так, в одном из тюркских диалектов «алаша» - животное, приученное к вьючному седлу, или же овца, кормящая любого ягненка. Одновременно, «алаша» может означать спину. В основном «алаша» низкорослая лошадь /иногда в значении слабый, хилый, худой, чубарый и т. д./.

Переходим к рассмотрению индоевропейских эквивалентов этого понятия. Э.Бенвенист в словаре индоевропейских социальных терминов особо выделяет: реку, что означает - скот или, в более узком смысле - овца. Одновременно в этом значении или в его производных обнаруживается значение «богатство», однако компаративисты полагают, что последнее /богатство/ результат семантического расширения слова, означавшего первоначально то, что было основным богатством, т.е. скот /42. - С.51/. В экономической лексике индоевропейских народов, занимавшихся скотоводством, термин «реку» представлен в трех больших диалектных ареалах: индо-иранском, италийском и германском. И так, можно утверждать, что термин и его производные, первоначально зародились в индоевропейских прародинах и характеризуют хозяйственную специализацию, которая заключалась в скотоводстве. Э.Бенвенист, заявляя о необходимости пересмотра традиционной концепции /он считает, что «реку» означал - личное имущество/, соглашается с тем, что такое имущество в действительности заключался в скоте. В самом деле, у скотоводов слово «реку» могло осмысливаться многократно шире. Обратившись к казахским материалам, можно провести прямые аналогии между «реку» и «мал», последнее у казахов первоначально, обозначая лошадь, вышло за пределы класса животных, стало вообще обозначать скот и богатство. Так, в поэзии жырау XVIII в. мы находим яркие об-

305

разцы такого отождествления:

*Ару дан аскан жар бар ма,
Жылкыгдан асқун мал бар ма,
Еиетфсуті сары бал -
К,ымыздан аскан дам бар ма?
Жетде к,улын жусаса,
Кермеде туппар бусаса,
СэнІкелер уйкытыц,
Жылкыг қрдан тайган соц,
К,ызыІЫ кетер купқиц.*

*К,ыздыцкврт к,улпыда,
ЖІгІттицкврш жыш^ыда! /16.-С. 109/
Ерге дәулет бітпесе,
ШупдІрлеген кьззыл тыден не пайда;
Мал араютуспесе,
К,ур айтканнан не пайда;
Байдан кайыр кеткен соц,
Мал да кетер, не пайда. /16.-С. 146/.*

В лексическом процессе общий термин, означающий скот /реку/ на индоевропейском праязыке оказывается прилежным к специфической реалии. «Реку» означавший скот/лошадей/, одновременно обозначает богатство, имущество. Переход «движимое богатство - скот» является типичным для скотоводов.

В связи с общим направлением нашей темы интересно заметить, что в одном из молодых индоевропейских языков - греческом - «реку» отсутствует. Общеиндоевропейский термин был заменен в греческом новым образованием «probasus» /эквивалент probat/. Далее Э.Бенвенист пишет: «Имеется новый термин, греческого образования, который существует и в современном языке, /to alogon/, получивший специальное значение «лошадь» уже в папирусах в самом начале нашей эры. Необходимо считать эту форму «to alogon» сингулятивным от «to alogo» - «животное», «неразумные» - о животных самых при-

306

вычных, самых полезных, т.е. о лошадях /42. - С.46/. Вероятно, в этой связи следует изучить и другие термины в той или иной степени связанные с животными, так и их имущественным характером /«анимал» - животное, «толанта» - единица денег, сумма денег/.

В то же время именно в греческой мифологии мы встречаем это слово в другой ипостаси - в образе крылатого коня. Пегас, как плод связи Горгоны Медузы с Посейдоном, появился из капель крови Медузы, когда ее убил Персей. В греческих мифах Пегас вознесся на Олимп и доставляет там громы и молнии Зевсу/184. - С.482/.

Легенды о крылатых конях фигурируют и в казахской степной мифологии. Следует уделить внимание названию гор Бе-газы в Центральном Казахстане. Здесь расположены «гигантские сооружения. Возведенные из огромных глыб гранита с башнями» /165. - С.69/. Эти циклопические сооружения, относящиеся к эпохе бронзы, когда на территории Великой степи складываются крупнейшие объединения степных племен, породили среди казахов различные легенды. Ряд этих легенд приписывает строительство некрополей силачам /мык/, великанам /альт/, а в ряде из них говорится о героине Бегазы, совершающей подвиги на своем крылатом коне. Старики указывают место, где находился конь этой героини. Само название живописных гор Бегазы еще не интерпретировано. Впрочем, А.Х.Мар-гулан, проведя раскопки этих царских курганов, внес предположение, что оно произошло от соединения двух слов: «бшк», «аз» /названия племен/, в переводе получалось «высота племени аз», что на наш взгляд, маловероятно.

Несмотря на сильную пространственную натянутость, нам кажется, что в основе «пегас», «бегазы» имеется одна основа, с одним значением и предназначением, и следует искать это сходство в эпохе индоевропейских миграций. Предки греков как позднейшие мигранты с Великой степи унесли с собой в Европу сложившиеся уже к этому времени образцы мифов о крылатых конях Бегазы. В территориальном плане Бегазинские горы

307

представляют собой фактически эпицентр Великой степи и славятся, как наиболее подходящий для коневодства регион. /См. Казылык, - мал кшдю/.

Мы находим много общего между понятиями «алаша» в значении пегий /пестрый/, с его эквивалентами на индоевропейском «реку» и т.д. /в этом плане предстоит, конечно же, большая работа/. Вероятно, следует проработать и параллели другого рода.

Так, в греческих мифах происхождение Пегаса связывается с мировым океаном. Название крылатого коня по народной этимологии берет свое начало от греческого «pege» - источник. Нет ли здесь каких-либо параллелей с древними легендами казахов о происхождении лошади из Великого моря? Вплоть до середины XIX в. в Сарыарка были живы мифопоэтические сюжеты, связанные с коневодством. Согласно им, источником состояния многих богатых коневодов является выходящий весной из моря *Imejbl* синий жеребец. Он входит в табуны лошадей и покрывает кобылиц - от этого благополучие и плодovitость. Жеребец - «кек айгыр», в данном случае означает «к,ут». И в самом деле, «цель лингвистических реконструкций состоит в том, чтобы установить относительную хронологию доисторических состояний и изменений, непосредственно предшествующих самым древним данным» /150. - С.400/.

Хронологическая глубина и пространственные рамки

В данном разделе мы попытаемся лишь в общих чертах изложить некоторые аргументы, объясняющие суть вышеизложенного материала. Нетрудно видеть, что общий контекст преданий об Алаша-хане может считаться достаточно древним, поскольку свидетельства, взятые из области письменных источников /Рашид ад-Дин, Абулгазы/, вполне применимы для подобной логичной интерпретации. Мы располагаем довольно надежными, постоянно пополняющимися свидетельствами, подтверждающими нашу гипотезу. Особенно интересно здесь

308

то, что все языковые семьи, содержащие те или иные материалы об «алаша» - пегий /алтайская, индоевропейская и т.д./, участвовали в создании ностратической макросемьи /112/.

Тот небольшой, сравнительно-исторический языковой материал позволяет нам гипотетически помещать соответственно индоевропейские и алтайские прародины в пределах довольно ограниченной территории Великой степи. Одним словом, я бы хотел сказать, что границы первоначального действия слов, берущих начало от «алаша» охватывают ареалы раннего коневодства. В первую очередь, это степная территория Казахстана, Восточно-Европейская равнина, Передний Кавказ и Северное Причерноморье. Вероятно, носители ностратического праязыка обитали в пределах довольно обширной территории /включая и Ближний Восток/, но индоевропейцы и алтайцы до дисперсной фазы /до VI-V тыс. до н.э./, жили где-то рядом в срединной части Евразийской степной зоны.

Таким образом, дальнейшее продвижение в этом направлении предполагает концентрацию внимания ученых на непосредственных связях между экономическими и демографическими процессами в древности /VI-V тыс. до н.э./ и языковыми. Каковы основания для принятия таких больших хронологических глубин?

Время в традиционных обществах Великой степи, на наш взгляд, имеет два измерения: время мифологическое и время историческое. Первое есть явление фундаментальное, поскольку оно время предков. Оно сакрально, но не только потому, что в нем жили предки, но и потому, что это образ жизни, это неизменные ценности, являющиеся образцом для современников. Поэтому, одним из основных принципов изложения истории является цикличность, допускающая повторение некоторых черт выдающихся предков /правителей, героев/, актуализацию наиболее важных с точки зрения современности фактов. История излагается в форме повествования о жизни и деятельности выдающихся личностей, одним словом, это персонифицированное повествование о прошлом.

Историческое время - в самом деле, время настоящее. Оно

309

осмысливается как быстротекущее и малосодержательное явление и процесс. На обыденном уровне это совокупность событий, которые происходят в данный момент или недавно произошли. Вероятно, нижняя грань исторического времени не распространяется

далее семи колен предков. В то же время, как историческое время, так и мифологическое - во власти легенд и преданий. Реальные события культурной жизни или социально-политические события миф проецирует в эпическую матрицу, вводит в легендарное время, т.е. делает сакральным, фундаментальным и т.д. В эпических памятниках казахов мифическое время преобразуется в славную героическую эпоху, эпоху единства этноса, могучего государства, великих предводителей. В эпических традициях составляется и генеалогическая история, повествующая о великих прародителях, о тотемных предках, о различных сверхъестественных явлениях.

Таким образом, время в нашем понимании, т.е. линейное, состоящее из стадийных хронологических серий с идеей необратимости, фактически подчинено циклическому восприятию жизненных явлений, доминирующим в традиционном сознании. К аналогичным выводам приходят специалисты, изучавшие феномен средневековой культуры. Например, А.Я.Гуревич писал: «Время и пространство первобытного человека могут показаться современному сознанию неупорядоченными. Временная ориентация в первобытной общине распространяется лишь на непосредственное будущее, недавнее прошлое и на текущую деятельность, на явления прямого окружения человека, за этими пределами события воспринимаются им более расплывчато и слабо координированы во времени» /87. -С.28/. В этой ситуации нам остается один путь интерпретации: комплексный, с основным упором на лингвистические и археологические материалы. Переходим к наиболее важной части нашей работы, определению хронологических и пространственных границ первоначального функционирования этого понятия. Малоизученность памятников мезолита и неолита не позволяет нам вплотную подойти к проблеме истоков производящего коневодства.

310

Однако интересные находки, сделанные в недавнем прошлом в северных степях Казахстана, относящиеся к энеолитической эпохе, в корне меняют ситуацию. Мы имеем ввиду поселение Ботай и ряд памятников раннего коневодства в северных степях Казахстана. Сразу же можем заявить, что мы не отказываемся от искушения связать формирование культа Алаша с ранней коневодческой культурой Великих степей. Однако, возникает необходимость создания общей модели, которая бы охватывала два ареала распространения культа Алаша и позволяла объяснить, почему в обеих из них /индоевропейской и алтайской/ совпадают многие детали коневодческого хозяйства. Одним словом, формирование культа Алаша происходило в Великих степях Евразии в эпоху энеолита, около 4500-3000 лет до н.э. Эта гипотеза хорошо согласуется с широко распространенным мнением о том, что ранние индоевропейцы были подвижными скотоводами. Восточная граница предполагаемого расселения индоевропейских скотоводческих племен проходит, вероятно, по Центральному Казахстану. Данная локализация прародины индоевропейцев устраивает всех тех, кто считает, что наиболее тесные внешние связи у индоевропейского праязыка обнаруживаются урало-алтайским и северокавказским языковыми семьями. Можно предположить, что зоны расселения индоевропейских племен в основном охватывали лесостепные территории и степи причерноморско-прикаспийского ареала, включая Северный Казахстан. Вероятно, в степях Центрального Казахстана существовали обширные маргинальные комплексы культуры, которые могут рассматриваться как зоны взаимодействия двух указанных языковых групп. Однако, такие параллели как «Бегазы - Пегас», свидетельствуют о наличии определенной чересполосицы в расселении индоевропейско-алтайских племен. Это объясняется, возможно, подвижным образом жизни носителей этих праязыков. Именно эта последняя черта определяет специфику социальной организации, относящейся к раннему коневодству.

Наличие сильной социальной организации, основывающейся-

311

ся на мобильной экономической стратегии стало сопутствующим фактором последующих

крупномасштабных переселений индоевропейских племен. Археологические материалы убедительно свидетельствуют о притоке населения из степных областей на запад еще в III тыс. до н.э. В движениях на запад и север, участвовали кельтские, германские, балтийские, и, наконец, славянские и греческие группы. Именно в последних группах наиболее отчетливо сохранились в лексическом фонде коневодческие термины характерные для Великой степи. Вероятно, они и являются теми маргинальными образованиями изначально контактирующими с алтайским племенем. Вместе с ними на Запад попали лошадь, колесный транспорт, архитектура курганных сооружений, медь и т.д. Это доказывается и таким фактом. Самое раннее появление лошади в Греции относится к эпохе бронзы, т.е. III-II тыс. до н.э. Таким образом, временная глубина поздних индоевропейских миграций, например, дорийцев /предков греков/ не такая уж далекая эпоха, хотя в науке не редко начало истории индоевропейцев в Европе отодвигают на неолит, т.е. 7000-6500 г.г. до н.э. Анализ культурной лексики дает широкие границы датировок индоевропейского праязыка, но «наиболее поздние общеиндоевропейские термины позволяют отнести расхождение различных диалектных групп к 4000-3000 г.г. до н.э.», - отмечал Дж.Мэллори /188. -С.83/.

Одновременно локализация индоевропейской прародины в причерноморско-прикаспийских ареалах убедительно объясняет всю логику движения на юг индоиранских племен. Расселение в исторические области индоарийцев и иранцев, продолжавшееся в течение целых тысячелетий, позволяет связывать начало движения с центрально-казахстанскими степями, а также городскими центрами юга. Эта модель, вероятно, несколько упрощает реальную картину, но, тем не менее, дает единственно логичное объяснение. В данной дихотомии, видимо, и следует искать ключи к поискам индоевропейской прародины и образа жизни.

312

В данном ключе видимо следует рассматривать и авестийские сюжеты о взаимоотношениях ариев и туров. В них мы видим племён всадников, почитающих одних и тех же богов, выращивающих одних и тех же животных, обитающих на огромных степных просторах у моря Ворукаша, у высокой Хары. Богиня реки воды /земли/ Ардви в Авестийских циклах несется на колеснице:

Вот Ардви в колеснице,

Узду, держа, стремится;

Везут её четыре

Одной породы, белых

Высоких жеребца /8. - С. 128/

В сюжете этого стихотворения посвященной Ардви /Ард-ви-Сура/ богине земли-воды, кроется самая обыкновенная картина обыденной жизни ранних коневодов. Вероятно, еще в эпоху неолита в степной Евразии сложились те природные условия, которые способствовали быстрому увеличению поголовья лошадей, а затем и успешной domestikации их. Ландшафтные особенности степных просторов Казахстана, где удачно сочетались островки реликтовых лесов и роц на севере с полупустынным и пустынным территориями на юге составляли своеобразную экосистему раннего коневодства. Именно эта территория носит у казахов название «Казылыщ-мал ктдІгІ», т.е. «Казылыщ- как пупок /начало/ скота». Отсюда берет начало коневодство Евразийского континента. Так, в эпоху раннего энеолита вдоль меридиональной оси, где наиболее четко выражена зональность ландшафтов, уже сложилось коневодство. В эпоху развитого энеолита в северных лесостепных районах Казахстана сложились местные центры коневодства. Один из видных исследователей В.Ф.Зайберт верно подмечает динамичное расширение в позднем неолите-энеолите в Евразийском континенте зоны обитания ранних скотоводов

/коневодов/, которая охватывает территорию до десятка тысяч квадратных километров/108. - С. 168/.

На сегодняшний день благодаря археологическим исследо-
313

ваниям известно несколько таких экологических ниш. Самое примечательное состоит в том, что присутствие лошади в изученных археологами центрах идет по линии убывания с востока на запад. Так, если в Ботайском поселении кости лошади составляют 99,9 процентов всех найденных костей, то на энео-литическом поселении Деревка на Днепре оно составляет 60 процентов, а в занимающем промежуточное положение между Ботаем и Деревки поселении Репин Хутор на Дону - 80 процентов. Все эти примеры однозначно свидетельствуют и указывают на исходный коневодческий центр находящийся в степях Казахстана, факт существования которого не вызывает сомнения. Одним словом, факт признания возникновения коневодства в Великой степи объясняет всю логику расширения границ ареала domesticiрованных лошадей в более западном, а также возможно и в других направлениях.

Природная среда позднего неолита -энеолита способствовала развитию особенно коневодства, как начало продуктивной экономики вообще. Но в то же время, она не препятствовала развитию остальных форм хозяйства: охоты, рыболовства, земледелия и ранней металлургии. В самом же развитии коневодства четко выделяются несколько вариантов. В первом случае, отдельные группы степных и пустынных племен обитали на степных и пустынных просторах Казахстана и в меридианальных направлениях. В этой среде и зародились самые древние легенды и предания из цикла «Алаша-хана». Географические и топонимические ориентиры в легендах четко указывают на существование четких маршрутов по линии юг-север: *«Кара таудан арман карай асыңдар. Улытау, Кидтау, деген таулар бар. Каракешір, Жездшенггер, К,удауберді деген жерлерге ба-рып, ірзетеуін, сальцсальцдар»*. С таким напутствием Май-кы-би отправляет в степь молодого царственного изгнанника, Алаша-хана. В сопровождение ему он определяет сто джигитов во главе со своим старшим сыном Уйсыном. Путь их лежит через горы Актау, Ортау, реки Чу и Сарысу: *«Ацпау, Ор-таудан асып, Шу мен Сарысудан кектей ерніп, Мауі&і бидіц*

314

айтқиң жеріне келдг». Впоследствии, когда сформировалось степное общество из трех сотен наездников, они подняли пегого мальчика на алаша /домотканном ковре из полос/ и объявили своим правителем. Как повествует легенда, это выдающееся событие произошло в горах Улутау, являющихся и в самом деле географическим центром Великой степной равнины.

В отличие от указанной группы, в Урало-Иртышском междуречье сложилось многоотраслевое хозяйство с преобладанием коневодства. Оно дополнялось охотой, рыболовством, домашними промыслами. В данных экологических нишах, как указывает В.Ф.Зайберт, «табуны лошадей обитали в радиусе 150-200 км... движение табунов было радиально-круговым или ограниченно-радиальным» /108. - С. 170/.

Ботайское поселение и обнаруженные там материалы, говорят в пользу оседлости населения этих регионов. Это объясняется наличием разнообразной кормовой базы, большим количеством водных источников, естественными укрытиями /леса, рощи/. Легенды и предания из цикла «Алаша-хан» позволяют реконструировать образ жизни древних коневодов, хотя это дело сложное и мало разработанное в методическом плане. В принципе, на наш взгляд, некоторые этнографические параллели возможны, если применять с учетом локальных особенностей позднеэнеолитического-энеолитического

обществ. В той или иной степени в будущем для анализа общественных организаций, а также мировоззрения необходимо применять осторожные ретроспекции. Вероятно, самый продуктивный путь в этом направлении - развитие палеоэтнографии.

Энеолитическая эпоха - время формирования социально-политических институтов. Во главе ранних общин мы видим авторитетных патриархов - хозяев стада, семьи, правомочных распоряжаться жизнью своих сыновей и младших родственников. В легенде называются имена родоначальников Крнды-гер, Котам, Кртан, а авторитетнейший среди них Майкы-би-вообще в казахских легендах отнесен к зачинателю речи чело-

315
веческой *«тугел свдцтуб1 бгр - туп атасы Майк;ы би»*. О нем в легенде говорится с высоким пафосом, он человек, который посадил на трон девять /число сакральное/ ханов. Одним словом, Алаша оказался в общественной среде, которую ныне модно называть этнопотестарной. Вероятно, мы можем предположить существование в ту эпоху крупных соплеменностей с определенной общностью языка, культуры и т.д. Многие вопросы, связанные с определением дальнейшей судьбы царственного пегого изгнанника Алаша, решаются в совете вождей, что свидетельствует об эгалитарном характере взаимоотношений. Так, каждая группа вновь прибывающих сотен джигитов оставалась в степи, благодаря уговорам со стороны раннеприбывших: *«булар келген соцбурынгы келгендер: крйт - деген сееді айтпаңдар, вздерцде кайтпаңдар deudi»*.

Получив известия о своем сыне, отец Алаша-хана посылает своих людей к совету племени, и именно этот совет принимает решение об отказе в выдаче: *«.. баягы Кызыл Арыстан хан естуді. Кртан, Кртм; К/ондыгер, Крбан, Майкы билерге ели1 ж1бередг. - Менцбаламды жгши-желец, берт желттгрт жгбергет песі? Баламды взте экеп берет. Менен к/ялаюнын алсын, - деп. Сонан сод б улар Кртанулы Болатты ж уз ж1гш1мен ж1бе-реді»*.

В целом, многие детали этого цикла иллюстрируют процесс развития институтов военной демократии у алашских общин. В ходе освоения новых территорий, три сотни, следовавшие вместе с Алаша в Центрально-Казахстанские степи, проходят путь от военной демократии к политической структуре государства. В тексте легенд постоянно присутствует военно-агрессивный характер ранних коневодческих обществ и на это делается значительный акцент: *«Уйкыны бузып жъш&г алды, куймеш бузып I&I3 алды. Кем енді кви жвнекей алды, ереугл елдг отыртн жертде шапты»* - гоeopі 1тcя о подвигах первых трех сотен джигитов.

Сама организация этнической структуры новообразования
316

- триальность - носит военно-походный характер. Как одна из необходимых гарантий нормального функционирования социально-политического организма, она рассматривается нами как структура военной организации. Так, говоря о формировании Старшего жуза, ему предназначается роль резерва и тыла: *«Жаут шапканда б улар шаппасын, тас туйт болып турсын»*. Средний жуз берёт на себя также ответственную функцию. Они должны находиться в центре и охранять хана *«Орта УК уз то-скауылышы - орта буында ж уран, ханныцбакташысы болсьт»*. Впереди должны находиться самые отважные воины из младшей сотни под предводительством Алшына: *«ецалдында журт жаут біртуйі шабатын болсын»*. Таким образом, к эпохе позднего неолита-энеолита мы относим начало формирования социально-политических ценностей евразийских степных народов, ранних индоевропейцев и алтайских народов. Если этнополитическая организация их отражает структуру военной организации, то социальная организация отражает космический порядок. Внутри неё мы видим, три основные иерархически соподчиненные группы - военную аристократию, жрецов и рядовых воинов. Сочетание вышеуказанных структур в одном организме порождает сильную систему,

способную вести ассимиляцию чужеродных групп и консолидацию, а также готовую к успешным миграциям.

Одновременно, племенной строй свидетельствует об определенной рыхлости структуры и противоречий политической системы. Вероятно, объединительные мотивы были еще слабы и культ сакрального правителя, культ единого пантеона богов только складывался. Это четко находит отражение в сложном понятии «алаш», т.е. в самом понятии находит выражение взаимная вражда и неприятие соседних племен. Тем не менее, в материальной культуре уже сформировались основные стандарты и формы. Лошадь стала символом богатства и благополучия, постепенно символ обретает культовый характер. А такие понятия как «*алашык*»», «*алаша*» символизируют первоначальный быт коневодов.

317

Таким образом, существование культа Алаша хана у казахов является прямым следствием /историческим отражением/ далеких этнополитических процессов эпохи позднего неолита-энеолита. Первоначально в хаотическом мире Евразийской степи появились небольшие общины охотников, успешно проводившие первые опыты по domestикации лошади.

Позднее степные общины, разрастаясь, превратились в крупные коневодческие племена. В эту эпоху в Великой степи заметны две крупные этноязыковые группы - индоевропейцы и алтайцы. Возможно, авестийские сюжеты о борьбе ариев и туров являются отражением этой эпохи. Тогда и сформировалось самоназвание коневодческих племен - «алаш». Племена «алаша» - стопроцентные коневоды они обитают в стране Арка - *Крзытык*. западнее их по мере убывания роли коня культ «Алаша» сходит на нет. Тем не менее, именно они сохранили и через них до сегодняшнего дня дошли образы крылатого коня «Бегазы - Пегас». Вероятно, многие индоевропейские племена, обитавшие в Центральном Казахстане, по мере движения на Запад сохранили старые ценности, связанные с коневодством, а наиболее поздние мигранты на запад - германцы, греки и славяне /элитные группы/ сохранили этот культ больше чем другие индоевропейцы.

На исконной территории культ Алаш - Алаша сохраняется фактически без изменений, об этом говорят сведения казахского шежира и средневековых авторов об «*Алашмыцы*», о народе «*Алаш*», «*УшАлаш*», «*Алтыалаш*», и, наконец, об Ала-ша-хане, как о первородке тюрков и монгол, о «калантаре Алаш-бахадур» и т.д.

Мощная идеология государственности, зародившаяся еще в III-II тыс. до н.э., продолжала жить и во времена гуннов, тюрков, огузов, карлуков, кипчаков. На нее наслаивались кое-какие элементы, новые имена, но суть оставалась прежней. За-рождалась и генерировалась эта идея на степных просторах Арка.

В XV-XVI вв. в период образования Казахского ханства культ Алаша-хана оживает и начинает служить новому государству

318

степных племен как национальная идея. Именно в этот период строится мавзолей в честь первого степного хана. Возможно, этот мавзолей построен именно там, где раньше находилась древняя святыня или жертвенник в честь Алаша-хана. На отрогах гор Улытау, среди безбрежных степей, в окружении древнейших памятников возвышается бесценная святыня тюрко-монгольских народов. К этой святыне имеют прямое отношение бесчисленное количество народов Евразийского континента.

В начале XX в., в самом разгаре национально-освободительного движения казахов снова возрождается культ Алаша-хана, «первого хана казахов». Национальная идея казахов ведет молодую интеллигенцию к беспримерным подвигам, самоотверженному труду и высокому творчеству во имя величия нации. Благодаря нему казахи

восстановили национальную государственность, боролись и защищали его, умирали за него как «враги народа» в годы тоталитарного советского режима, но отстояли свое. В этом важность этого грандиозного стержневого понятия для казахской истории и вообще для истории Великой степи.

319

Содержание

Предисловие	3
Введение	6
Глава I.	
ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ	13
1. Проблемы историографии и методологии.....	13
2. Проблемы источниковедения.....	35
Глава II.	
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	60
1. Проблемы периодизации.....	60
2. К истории становления производящего хозяйства.....	71
3. Древняя история.....	83
4. Средневековая история.....	119
5. Новое время.....	156
Глава III.	
ФЕНОМЕН КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	188
1. Этносоциальные параметры кочевого общества.....	188
2. Территориальная организация кочевого общества.....	196
3. Кочевое государство: особенности политической системы кочевников Евразии.....	205
4. Социальная организация: проблема рода и родства.....	220
5. Хозяйственно-культурная система: генезис, типология, структура.....	233
Заключение	
Ключевые проблемы истории Великой степи.....	248
Список литературы	272
Приложение	
Пеголошадные пионеры степной цивилизации.....	285
Артыкбаев Жамбыл Омарович	
КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ	
в калейдоскопе веков и тысячелетий	
Редактор <i>П.Косович</i>	
Компьютерная верстка <i>Е.Котлярова</i>	
Дизайн обложки « <i>Астана-Север</i> »	
Подписано в печать 7.07.05 г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 11937 (л-с _м).	
Издательство ООО «Мажор». 190008, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 146, оф. 18.	
Отпечатано на Федеральном государственном унитарном предприятии Смоленский полиграфический комбинат Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.	

Жамбыл Омарович Артыкбаев – известный казахстанский этнограф, археолог, историк.

За время своей научной и преподавательской деятельности им опубликовано в печати около 150 научных работ и статей, под его руководством защищено 10 кандидатских диссертаций.

В настоящее время профессор Ж.О. Артыкбаев является заведующим кафедрой этнологии, культурологии и археологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова.

В своей монографии автор дал развернутую картину истории Великой степи с древнейших времен до начала XV века. Основная задача автора – показать структурообразующую роль кочевых обществ Центральной Азии в евразийском пространстве на протяжении многих веков и тысячелетий. Одновременно в книге даны основные параметры этносоциальной структуры кочевого мира. Мощная система социальных, политических, хозяйственно-культурных ценностей определяет доминирующую роль кочевников на просторах Старого Света.

издательство
МАЖОР